

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОДЬНАГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~

Miser sum miserisque succurrere disco.

~~~~~

1822 ГОДЪ.

Ч А С Т Ь XX.

~~~~~
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1822 года.

№ 9783/20

1822 г. кн. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Октября 1 дня, 1822 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ

Алекс. Бирюковъ.

53412

Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

ПОСОЛЬСТВО
РЕЙНОЛЬДА ФОНЪ ВРЕДЕРОДЕ, ДИТРИХА
БАССА И АЛБЕРТА ЮАХИМИ
въ Россію въ 1615 и 1616 годахъ.

*(Отрывокъ изъ Опыта путешествій по Россіи,
составляемаго А. О. Корниловителемъ).*

Со вступленіемъ на престоль Царя
Михайла Теодоровича, Россія возобновила
съ Европою сношенія, прекратившіяся
въ послѣднее время ея междуособій. Тор-
говья выгоды ея служили приманкою
для различныхъ народовъ, которые вся-
кими угодливостями наперерывъ спара-
лись снискать союзъ и благоволеніе Рос-
Часъ XX. Кн. I.

ейскихъ Государей. Торгъ съ Архангельскомъ, обогащавшій Англичанъ и Нарвская торговля, столь прибыльная для Ганзы и Голландцевъ, показали имъ важность сей Имперіи и съ другой стороны подали Царямъ мысль воспользоваться оною для приобрѣшенія полипическихъ и умсвенныхъ выгодъ. Такимъ образомъ Михаилъ, нашедшій Россію, при вступленіи на престолъ, въ войнѣ съ Швеціею и Польшею, шребоваль оупъ Англичанъ и Голландцевъ денегъ, войска и оружія, предлагая въ замѣнъ изключительную торговлю въ своихъ владѣніяхъ. Генеральные Штаты въ отвѣтъ своемъ (*) опклонили сіе шребованіе помощи, представляя невозможность подати оную по причинѣ войны съ Испаніею, однакожь обѣщали употребити всѣ старанія для примиренія Россіямъ со Шведами. Вслѣдствіе сего обѣщанія, а еще болѣе по извѣстію, что Англійскій Король назначилъ для сего же предмета особеннаго Посла въ Россію, Штаты опредѣлили такъ

(*) См. Сѣверный Архивъ. N 15, стр. 179—188.

же отправить богатое Посольство, состоявшее изъ Рейнольда фонъ Бредероде, Фенгюйзенскаго Правителя и Алберта Иоахима, Зеландскаго Депутата: для переговоровъ же о торговлѣ присоединили къ нему Амстердамскаго Бургомистра Диприха Басса.

Въ наказѣ повелѣно было Посламъ приложитъ всѣ старанія къ скорѣйшему примиренію Россіи со Швеціею, представляя, сколь оно необходимо для обѣихъ сторонъ; увѣритъ, что единственною причиною раздоровъ ихъ были Іезуиты, которые внушили Шведамъ, будто они, во время Рускихъ междоусобій, овладѣють всѣмъ Россійскимъ Государствомъ— и наконецъ показывать при всякомъ случаѣ искреннее желаніе Генеральныхъ Штатовъ, дабы согласіе водворилось снова между обѣими державами. Кромѣ того Послы должны были настаивать у обѣихъ Государей о позволеніи Голландцамъ свободно приставать и торговать всякими товарами въ ихъ владѣніяхъ, предлагая въ замѣнъ ихъ подданнымъ такіе же выгоды и въ Голландіи, а у Царя осо-

*

бенно, чтобы торгующіе въ его земляхъ Нидерландцы пользовались тѣми же преимуществами, какія даны другимъ, самымъ дружественнымъ съ Россією, народамъ.

Подарковъ отпущено было съ Послами цѣною на 9 тысячъ гульденовъ. Кроме того Царю послано было особо десять артиллерійскихъ орудій съ ихъ принадлежностями. Для разныхъ представлений отъ имени Генеральныхъ Шпацовъ Царю и боярамъ Московскимъ въ пользу Голландской торговли дано имъ было двѣнадцать бланкъ, подписанныхъ Секретаремъ Собранія сихъ Шпацовъ. Если, по какимъ нибудь обстоятельствомъ, невозможно было бы пройти изъ Нарвы въ Москву; то Посольству приказано было отправиться къ Королю Шведскому, а потомъ къ Датскому, привѣтствовать обоихъ отъ имени Шпацовъ, склонять перваго къ миру, послѣдняго уведомить о своемъ порученіи и просить о содѣйствіи къ восстановленію покоя между сосѣдами, поворяя, что раздоры ихъ происходятъ отъ наущеній Іезуитовъ.

Уже готовъ былъ военный корабль для перевезенія Пословъ въ Россію. Сопровождаемые многочисленною свитскою, приспали они къ бывшему тогда во владѣніи Шведовъ городу Ревелю, гдѣ, по повелѣнію Короля, были приняты съ отличною честью. Изъ Ревеля проѣхали они въ Нарву. Рѣка Нарова составляла въ то время границу между Швеціею и Россіею. Въ Иванъ-городъ спустились они на Рускую землю. Страна сія представляла печальныя слѣды опустошеній губительнаго меча Шведовъ. Язва, голодъ и война свирѣпствовали въ ней со всѣми ужасами: жилища были въ заустѣніи; цѣлыя деревни сожжены; разсыянные жилища скитались по лѣсамъ, пишались древесною корою. Съ большою трудностію Послы прибыли въ Новгородъ. Городъ сей, нѣкогда знаменистый обиліемъ и пышностію, коего богатство было споль не смѣшно, что, послѣ покоренія его въ 1477 году, слѣдовательно прежде открытія Америки, Іоаннъ вывезъ изъ него 300 возовъ серебра, золота и драгоценныхъ каменевъ, былъ въ то время совершенно опусто-

шенъ, выжженъ, и, какъ говоришь Бассъ въ своемъ отчетѣ, уподоблялся безжизненному шѣлу, коего нѣкошорые члены еще медленно двигались. Отчаяніе дошло до такой степени, что голодные жишели бросались на съѣстные припасы, везенные за Послами, и съ большимъ плотько прудомъ можно было ошгоняшь ихъ. Добрые Голландцы не могли безъ душевной горести взирашь на сіе бѣдственное ихъ положеніе и охотно имъ удѣляли часть запасовъ, но вскорѣ принуждены были положишь предѣлъ своей щедрости: ибо нуждающихся было много, а они должны были заботишь о собственномъ своемъ продовольствіи. Изъ Невгорода Послы писали къ Царю, извѣщали о своемъ прибытіи и просили переводчиковъ изъ Москвы. Герришь фонъ-дерь-Гейденъ, богатый Голландскій купецъ, взялся доставишь грамоту сію къ Государю.

Пословъ привезли въ Дивилино, гдѣ находились уже Полномочные воюющихъ державъ: съ Россійской стороны, Князь Давииль Мышецкій и Спольникъ Алексій Зюзинъ — а съ Шведской, Графъ Яковъ де

ла Гарди и Генрихъ Горнъ. Посредникомъ при переговорахъ былъ назначенный Великобританскимъ Правительствомъ Кавалеръ Джонъ Меррикъ, Агентъ Общества Англійскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Россіи.

Объ воюющія державы желали мира: Россія, изнуренная долговременными раздорами, нуждалась въ немъ, дабы подвѣсти пишины, залѣчишь раны, нанесенныя ей въ смутныя времена междуцарствія. Съ другой стороны честолюбивый Гуславъ Адольфъ, гошовившійся обративъ силы свои проливъ Польши и наскучивъ осадю Пскова, желалъ также замиренія, опасаясь имѣть дѣло съ двумя врагами вдругъ и предпочитая вѣрныя выгоды мира ненадлежащимъ успѣхамъ дальнѣйшей войны.

Много прошекло времени въ переговорахъ о шипулахъ и порядкѣ, въ какомъ надлежало сидѣть Полномочнымъ. Между тѣмъ сильная стужа и недоспатокъ во многихъ потребностяхъ, необходимый при изнуренномъ состояніи, въ коемъ находился тогда западный край

Россіи, повредили здоровью Голландскихъ Пословъ. Бредероде и Бассъ сильно занемогли. Великобританскій Полномочный, справедливо опасавшійся, чшобъ вліяніе, приобрьшенное Голландцами въ Россіи, не послужило во вредъ шорговавшимъ въ ней Англичанамъ, воспользовался симъ случаемъ, дабы очернить первыхъ въ глазахъ нашихъ Полномочныхъ, и шѣмъ усилилъ недоброжелательство, питаемое къ Голландцамъ за опказъ, учиненный Генеральными Штатами въ 1614 году, подати Царю помощь. Такимъ образомъ, когда Нидерландскіе Послы оправились отъ болѣзни, Россіяне пребовали, дабы они явно объявили себя на ихъ споронѣ; и когда сіи опказались отъ этаго, представляя, что въ такомъ случаѣ перестануть бышь посредниками, наши Полномочные, основываясь, можешъ бышь, на справедливыхъ опасеніяхъ, упрекали ихъ держайцами спорону Шведовъ.

Обстоятельство сіи, неблагопріятныя для Голландскихъ Пословъ, вскорѣ убѣдили ихъ, что бесполезно будешъ долѣе осшавашься въ Дивилинѣ: дабы одна-

дожь не кончили порученія своего совершенно безплоднымъ образомъ, рѣшились они отправишь въ Москву къ Царю Николаю фонъ Бредероде, дабы привѣщспвовавъ Его Величеспво и донесли ему объ ихъ желаніи способспвовавъ заключенію мира и объ искренней преданности Генеральныхъ Шпашовъ къ Государевой особѣ. Приславъ, находившійся при Голландскомъ чиновникъ, не оставлялъ его ни на минушу. Чрезъ 12 дней послѣ прибытія въ Москву, Бредероде удоспоился узрѣшь *свѣтлыя Царскія очи*: во время Аудіенціи не сказано ему было ни слова, а только вручили отвѣщъ, въ коемъ Царь дружелюбно благодарилъ Пословъ за ихъ спаранія. Николай Бредероде просилъ объ освобожденіи купца Ивана Эверта, взятаго Рускими подъ Псковымъ въ плѣнъ, и получилъ на шо Государево соизволеніе.

По возвращеніи Ник. Бредероде, Послы, полагая порученіе свое конченнымъ, пригошовились къ обратному пути: однакожь, дабы сколько нибудь исполнишь возложенное на нихъ дѣло, предложили,

для улучшенія участи народа, перемиріе со Швеціею. Оно было заключено на три мѣсяца: но и шупь Англійскій Посланникъ успѣлъ опдалишь ихъ опъ переговоровъ: въ Актѣ перемирія не было упомянуто о Голландцахъ, и Россійскіе Полномочные учшивымъ образомъ опклонили шребованіе ихъ присупспсвовашь при дальнѣйшихъ переговорахъ о мирѣ.

Послы возвращались по тому же пути, небезопасному въ такой справѣ, гдѣ еще бури военныя не упишли. 2 Апрелья 1616 прибыли они въ Ревель, опкуда моремъ поѣхали въ Спокгольмъ: шупь ласковый приѣмъ Густава Адольфа заставилъ ихъ нѣсколько забышь неприящности пушешествія въ Россію. Въ Августѣ того же года возвратились они въ опечество.

Посольство сіе, неудачное для Голландцевъ, не прервало однакожь дружешвенныхъ связей Россіи съ Нидерландами. Взаимныя сношенія сдѣлались на пропивъ чаще и приняли поспоянный, опредѣленный ходъ. Въ послѣдствіи увидимъ, что Голландцы часъ опъ часу при-

обрѣтали болѣе вліянія и наконецъ успѣли лишить Англичанъ права исключительно торговать въ Россіи, права, обогащавшаго Англію и равно невыгоднаго какъ для природныхъ Россіянъ, такъ и для другихъ иноземныхъ купцовъ.

Аншонъ Гешерисъ, бывший Казначеемъ сего Посольства, издалъ въ свѣтъ въ Гагѣ 1619 года журналъ пребыванія онаго въ Россіи. По рѣдкости сей книги въ самой Голландіи, мы не могли имѣть ее, а заимствовали предлагаемыя здѣсь свѣденія большею часшю изъ Схельшемы (*), который, кромѣ сего сочиненія, пользовался касающимися до сего Посольства Актами Гагскаго архива. Въ журналъ Гешериса, какъ говоритъ Схельшема, бѣдственное положеніе завоеванныхъ Шведами Россійскихъ обласпей описано всѣма разительными красками.

(*) Rusland en Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen door M. Jacobus Scheltema. T. 1. S. 82-93.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ГЕТУМА ЦАРЯ АРМЯНСКАГО КЪ МАН-
ГУ-ХАНУ ТАТАРСКОМУ.

1251. Въ царствованіе Гаюка, великаго Хана, дѣти Чингисхановы, послановленные владѣтелями разныхъ странъ, умерли; а преемниками ихъ были его внуки, изъ коихъ Бату (Башый) властвовалъ на сѣверѣ, Маварь владѣлъ Узбеками, а Хюшайми или Хашайми, Хорасанскимъ и кочующими народами управляла Сархунданъ, жена Тулая, съ шаршимъ сыномъ своимъ Мангу, у копораго были сподвижниками и при его браша: Губила, Хулавъ и Арихбула.

Во дни сіи постигла смерть Царя Ташарскаго Гаюка-Хана. Первенствующіе его родственники, собравшись изъ разныхъ спранъ для возведенія на престоль Чингисхановъ (ибо онъ былъ бездѣлень), всѣ единогласно избрали Мангу-Хана, сына Тулаева — и, возведя его на царство, сами отправились обратно по своимъ владѣніямъ. Изъ числа сихъ повелителей, знаменишій Бату, власпитель сѣвера, перенесъ опять престоль свой въ спрану Рускихъ, и мирно ею владѣлъ.

Бату имѣлъ сына, по имени Сардахъ (Сардакъ), кошорый, будучи воспитанъ Христіанскими наставниками изъ Руской націи, по достиженіи совершеннаго возраста принялъ крещеніе, и велъ жизнь похристіански. Бату, отецъ его, не возпрещалъ ему въ томъ. Сардахъ, ободренный болѣе шаковымъ разположеніемъ отца своего, повелѣлъ свободно отправлять Христіанское богослуженіе, и запрещилъ брать подаши, на церкви положенныя. Онъ принималъ благосклонно Христіанъ, представлявшихся къ нему,

и особенно вельможъ Армянскихъ, въ числѣ коихъ онъ много почпилъ Князя Джала, владѣтеля Хаченскаго: ибо Князь сей и нѣкошорые прочіе владѣтели Армянскіе, хотя находились подъ управленіемъ Бачу (Баку), посшавленнаго воеводою надъ Армянами, Грузинами и Агванцами (Албанцами), но самъ Бачу былъ подъ властію Бату, какъ великаго Хана, власшвовавшаго надъ сѣвѣрною спраною, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Сардахомъ, кошораго благоволеніемъ нѣсколько успокоились Армяне и Грузины опъ Ташарскаго ига.

Мангу-Ханъ, въ послѣдствіи нѣкошораго времени, повелѣлъ произвеслть вездѣ, гдѣ владычествовало Ташарское просширалось, поголовную перепись. Въ спранѣ сѣвѣрной, восшочной и западной назначено было собирать подати съ каждаго челоуѣка, исключая женщину и пресшарѣлыхъ мушину, дѣшею десятилѣшняго возраста и церковнослужителей, споль шягосшныя, что не было никакой возможности ихъ плашину. Аргунъ-Ханъ, главный сборщикъ поголовной дани, прибывъ

въ Арменію съ нѣкопшорыми неисповыми
служителами изъ Персовъ, и переписавъ
всѣхъ снארѣе десятилѣтняго возраста,
положилъ на каждаго челоуѣка подашь по
шеспидесяти дагекановъ. Тѣ, кои не
могли вѣнеспи, предавались несноснымъ
мученіямъ. — Въ замѣну недоплаченной
подаши брали все, что могли, и ежели
не находили никакого имущества; то о-
пытмали женъ и дѣшей. Бѣжавшихъ и
скрывавшихся съ великимъ шщаніемъ
служители Аргуновы опыскивали, и пой-
манныхъ, связавъ руки, безошадно били,
и предавали ихъ на сѣдненіе псамъ.

Аргунъ-Ханъ, собравши налоги одно-
го года, поснановиль, чтошобъ ежегодно
исполняли сію обязанность не шолько по
числу людей, но и по числу домовъ, нивъ,
луговъ, рѣкъ, деревъ, воровъ, быковъ и
коней.

До приведенія въ исполненіе сего шя-
госшнаго сбора налоговъ, Гешумъ, уз-
навъ о возшесшвіи на пресшоль Мангу-
Хана (вмѣсно Гаюка), послалъ одного
благоразумнаго священника, по имямъ
Ваеилія, къ Бату, великому Хану сѣвера,

съ испрашиваніемъ посредничества его въ возобновленіи и съ Мангу-Ханомъ дружественнаго союза, заключеннаго съ предшественникомъ его.

Гешумъ, по отправленіи священника Василія къ Бату, впалъ въ глубокую горестъ: ибо преставилась супруга его Забель, дочь Киликійскаго Царя Льва перваго. Кончина Царицы благочестивой, всѣми любимой за многія ея благошворенія и добродѣтели, повергнула весь народъ въ великую печаль, и лишила Гешума всякой отрады.

Въ послѣдующемъ году, священникъ Василій, исполня успѣшно царское порученіе, возвратился отъ Бату, который приглашалъ Гешума прибыть на свиданіе съ нимъ, а отъ него отправиться далѣе и къ Мангу-Хану.

Гешумъ, опасаясь, чѣшобы, во время отсутствія его изъ Киликіи, не возстали враги его, былъ въ недоумѣніи, и не легко рѣшался на оное предпріятіе. Но слухъ, достигшій и до него о прибышій Мангу-Хановыхъ сборщиковъ поголовной дани въ предѣлы Арменіи и Грузіи, и объ

угнѣшеніи ими жителей, принудилъ его предпринять путешествіе.

Гешумъ, въвря правленіе царствомъ преклонныхъ лѣтъ ошцу своему Конспаншину, и давъ въ помощь ему двоихъ сыновой своихъ Льва и Тороса, пригото-вился къ опѣвду. Но какъ на пуни сво-емъ долженъ онъ былъ проѣзжать земли враговъ своихъ; шо, переодѣвшись въ пла-шье одного изъ служишелей, немедленно самъ опправился 4 Февраля, 1254 года, проселочными дорогами, а многочислен-ной свитѣ своей, состоявшей изъ оп-личныхъ мужей, повелѣлъ слѣдовать по другой дорогѣ. Достигнувъ города Карса, гдѣ военачальникъ Тапсарскій Бачу (кое-го называютъ и Бачу-Новинъ) (Баку), имѣлъ свое главное пребываніе, былъ яринаяшъ имъ съ приличною царскому до-стоинству почешью. По прошешвіи нѣсколькихъ дней, продолжалъ Гешумъ далѣе путь свой, и пріѣхавъ въ деревню Варпенись, въ домъ одного Армянскаго Князя, по имени Курда, сождалъ всѣхъ спущниковъ его, въ числѣ коихъ находи-лись: Стефанъ Епископъ, Яковъ и Мхи-

наръ Архимандриты и нѣскольکو священниковъ. Гепумъ, со всѣми сопровождавшими его, вспуилъ въ землю Агванскую (Албанія); а опшуда, проѣхавъ враша Алановъ (Дербеншскія желѣзныя враша), достигъ великаго Хана Бату, расположившагося ешаномъ въ предѣлахъ Хазана (Казани) съ безчисленнымъ воинствомъ по берегамъ рѣки Эдила или Волги, впадающей въ Каспійское море.

Гепумъ былъ принятъ съ отличнымъ уваженіемъ опъ Бату и сына его Сардаха, у которыхъ онъ провелъ нѣсколько дней, и опправился въ сопровожденіи опряда войскъ въ великую Ташарію; на пуши своемъ проѣзжая многія земли и города, свершилъ путешесствіе въ 4 мѣсяца, и въ день Воздвиженія кресла Господня видѣлъ Мангу-Хана, копорому поднесъ дары, и былъ имъ принятъ съ шакою великою почестью, какой предсшавилъ себѣ не могъ и не ожидалъ.

Мангу-Ханъ, опсавя у себя Царя Армянскаго около пятидесяти дней, заключилъ съ нимъ непрерывный мирный договоръ, приложивъ на ономъ собшвен-

ную печать, и далъ ему грамоту, утверждающую достоинство независимаго повелителя, общая припомъ оказывашъ ему и намѣспникамъ его во всякомъ случаѣ нужную помощь, съ шѣмъ, чѣобы и онъ съ своей стороны всегда пребывалъ преданнымъ и покорнымъ одному великому Хану Ташарскому. — Мангу-Ханъ повелѣлъ также снабдить его особымъ предписаніемъ, коимъ даровалъ свободу церквей и облегченіе налоговъ жителямъ, на восточной сторонѣ Арменіи обитавшимъ. Онъ, по словамъ Гешума, вызвалъ Аргуна, начальника сборщиковъ поголовной дани, и за оказанныя имъ жестокости заключилъ его въ шемницу. Наконецъ, давъ отрядъ войска для безопаснаго сопровожденія на пуши, отпустилъ Царя Армянскаго Гешума въ Киликійскую страну.

Гешумъ, распавшись съ Мангу-Ханомъ, отправилъ священника Василия съ грамотою Мангу великаго Хана къ Бапу съ шѣмъ, чѣобы и онъ съ своей стороны оказалъ на шо свое согласіе.

Гешумъ, проѣзжая на пуши своимъ многія мѣста, подробно и пространно о-

писанныя историкомъ Киракосомъ, достигнуль до Арменіи въ провинцію Ширакъ, и представилъ Бачу грамоту великаго Хана, и былъ принятъ имъ съ великою почестью. Дѣхавъ до деревни Вартенись, остановился опашь въ домъ того же Князя Армянскаго Курда, и ожидалъ возвращенія священника Василія. Между тѣмъ собрались къ Царю Гетуму всѣ знашныя вельможи и духовенство Армянское того края, и изъявили ему, какъ своему Государю, великое почтеніе. Царь принималъ ихъ очень милоспиво, награждалъ многихъ щедро, и просилъ бысть между собою въ согласіи и въ дружественномъ отношеніи.

По пріѣздѣ священника Василія отъ Бату-Хана, Гетумъ отправился въ пушь, въ сопровожденіи отряда войскъ Ташарскихъ, даннаго отъ Бачу. Прибывъ въ Месопотамію, обратилъ оный отрядъ, одаривъ всѣхъ ихъ. Вспуя въ предѣлы Киликійскаго царства 5 Іюня, 1255 года, былъ Царь встрѣченъ сыновьями своими Львомъ и Торосомъ въ числѣ много-

численнаго войска и народа, сопровождавшаго до столичнаго града Сиса.

Путешествіе Царя Гешума продолжалось, по словамъ испориковъ: Киракоса, Варшана и многихъ другихъ, одинъ годъ и чешыре мѣсяца.

Примѣчаніе. Сей любопытный опрывокъ взявъ изъ сочиненія Михаила Чамчіана, кошорый былъ инокомъ Армянскаго Монашпыря въ Венеціи; онъ написалъ испорію своего народа, опъ его начала до 1784 г. по Р. Х., въ прехъ пом., въ 4-ю д., напечатанную въ Венеціи, въ Армянской шипогр, шого же монашпыря.

Сіе сочиненіе писано съ методическою точностію. Сочинитель соблюлъ удивительный порядокъ въ хронологіи. Онъ слегка шолько касался политическихъ и военныхъ происшествій, не входя въ подробности; но все его вниманіе обращено на дѣла, опносящіяся до религіи и церкви. Слогъ его ясенъ, превосходенъ, но и простъ. Парижская Вибліотека имѣеть сего сочиненія одинъ экземпляръ. Смощр. *Любопытныя извѣстенія изъ древней исторіи Азіи, I. М. Шагана Чирбета.*

К Р И Т И К А.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЫННИКЪ,

ПОВѢСТЬ.

Сог. А. Пушкина.

Повѣсть *Кавказскій Плынникъ* написана въ родѣ новѣйшихъ Англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона. Разсматривая Шильонскаго Узника (N VIII С. П. и Б., стран. 209), мы замѣтили, что въ нихъ Поэтъ не предается вымысламъ чудеснаго, не соспавляетъ обширнаго повѣствованія — но, избравъ одинъ случай въ жизни своего героя, ограничивается опдѣлкою картинъ, представляющихся воображенію, смотря по всѣмъ обспоятельствамъ, сопрождающимъ главное дѣйствіе. Въ по-

добныхъ сочиненіяхъ выборъ произшествія, мѣстныя описанія и опредѣленность характера дѣйствующихъ лицъ составляютъ главное.

Произшествіе въ разсмаприваемомъ нами сочиненіи самое простое, но мѣстѣ самое поэтическое. Одинъ Руской взявъ въ плѣнъ Черкесами. Сдѣлавшись рабомъ ихъ, закованный въ желѣзы, онъ осужденъ сморѣть за спадами. Сосраданіе раждаетъ любовь къ нему въ молодой Черкешенкѣ. Она своимъ нѣжнымъ участіемъ силился облегчить тяжелое бремя его рабства. Плѣнникъ, преслѣдуемый первою несчастною любовію, которую узналъ онъ еще въ своемъ опечесствѣ, равнодушно принимаетъ ласки сосрадашельной своей упѣшишельницы. Все его вниманіе успремлено на любовныи образъ жизни дикихъ своихъ власишелей. (Здѣсь оканчивается первая часть Повѣсти). Подруга плѣнника, увлекаемая своею сшрасстію и мучимая его холодною задумчивостію, силился пробудить въ немъ любовь всѣми ласками чистосердечной своей привязанности.

Тронутый ея положеніемъ, онъ открываетъ свою шайну, что сердце его опда-
но другой. Взаимная горестъ ихъ разлу-
чаетъ на нѣсколько времени. Между
шѣмъ внезапная превога уводитъ въ о-
динъ день всѣхъ Черкесовъ изъ селенія
къ хищническому ихъ набѣгу. Оставлен-
ный плѣнникъ видитъ передъ собою нѣ-
жную свою Черкешенку. Она побѣждаетъ
свою пламенную любовь, разпиливаетъ
оковы плѣнника и открываетъ ему путь
въ отечество. Руской, переплывъ Кубань,
обращается съ берега, чтобы еще разъ
взглянуть на великодушную свою изба-
вительницу, но исчезающій кругъ плес-
нувшихъ водъ сказывается ему, что ея
уже нѣтъ на свѣтѣ. Симвъ оканчивается
повѣсть. Изъ эшаго содержанія видно,
что происшествіе въ *Кавказскомъ Плѣн-
никѣ* можно бы сдѣлать и разнообразнѣе и
даже полнѣе. По обыкновенному понятію
о подобныхъ происшествіяхъ, надобно
сказать, что ходъ страсши, которая
бываетъ изобрѣшательна и неупомима,
слишкомъ здѣсь коропокъ. Еще болѣе ос-
тается неполнымъ рассказъ о плѣнникѣ.

Его участь нѣсколько загадочна. Нельзя не пожелать, чтобы онъ, хоша въ другой поэмѣ, явился намъ и познакомилъ насъ съ своею судьбою. Впрочемъ это не было бы новостію: подобныя появленія встрѣчаются въ поэмахъ Байрона.

Мѣстные описанія въ *Кавказскомъ Пльнникѣ* рѣшительно можно назвать совершенствомъ поэзіи. Повѣствованіе можетъ лучше обдумать стихотворецъ и съ меньшими дарованіями прошивъ Пушкина; но его описанія Кавказскаго края навсегда останутся первыми, единственными. На нихъ остался удивительный отпечатокъ видимой истины, понятной, такъ сказать, осязаемости мѣстъ, людей, ихъ жизни и ихъ занятій, чѣмъ мы не слишкомъ богаты въ нашей поэзіи. Мы часто видимъ усилія людей, которые описываютъ, не въ состояніи будучи сами дать себѣ отчетъ въ мѣстности; потому что они знакомы съ нею по одному воображенію. Описанія въ *Кавказскомъ Пльнникѣ* превосходны не только по совершенству стиховъ, но по тому особенно, что подобныхъ имъ нельзя соспа-

вишь, не выдавъ собственными глазами
карпинъ природы. Сверхъ того, сколько
смѣлоспи въ начертаніи оныхъ, сколько
искусства въ ошдѣлкѣ! Краски и шѣни, т.
е. слова и расстановка ихъ, перемежа-
ются, смотря по различію предметовъ.
Стихотворецъ по ошваженъ, по гибокъ,
подобно разнообразной природѣ этого ди-
каго Азіатскаго края. Чтобы читаше-
лямъ понятнѣе сдѣлались наши наблюде-
нія, мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя мѣ-
стныя описанія.

„Великолѣпныя каршины!

Пресполы вѣчныя сѣнговъ!

Очамъ казались ихъ вершины

Недвижной цѣпью облаковъ,

И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,

Въ вѣндѣ блистая ледяномъ,

Эльбрусъ огромный, величавый,

Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,

Предшеча бури, громъ гремѣлъ,

Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ.

Недвижимъ, на горѣ сидѣлъ!

У ногъ его дымились пучи;

Въ шепи взвивался прахъ лесучій;

Уже приюта между скалъ

Елень испуганный искалъ;

Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ
 Ужь гласомъ бури заглупались . . .
 И вдругъ на дома дождь и градъ
 Изъ шучь сквозь молній извергалсь.
 Волнами роя крупизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли попоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за шучей громовою,
 Возвраща солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой по радостью внималъ.“

Пусть любопытные сравнятъ эту
 грозную и вмѣстѣ плѣнительную кар-
 шину, въ которой каждый стихъ бле-
 спитъ новою, приличною ему, краскою,
 съ описаніемъ окрестностей Бонниваровой
 шемницы, которое сдѣлалъ Байронъ въ
 своемъ *Шильонскомъ Узникѣ*; тогда легче
 можно будешь судить, какъ счастли-
 во, въ одинакихъ обстоятельствахъ,
 побѣждаетъ нашъ поэтъ Англійскаго.
 Байронова картина, поставленная подлѣ
 этой, покажется легкимъ, слабымъ очер-

шаніемъ, кинулымъ съ самаго общаго взгляда.

Мы пропускаемъ въ *Кавказскомъ Падвникѣ* другое описаніе, гдѣ изображено дѣрною и быстрою кистію искусство Черкесовъ, съ какимъ они производящъ опыты отважныхъ своихъ набѣговъ. Даръ поэзіи и сила воображенія могли бы еще навесши стихотворца къ соплавленію хошя подобной карпины, если бы онъ и не былъ самъ въ шѣхъ мѣспахъ. Но не можемъ не привесши описанія любимой между Черкесами воинской хипроспи, копорой никакъ не поймашь воображеніемъ, если бы стихотворецъ самъ не былъ въ краю, имъ описываемомъ.

„Иль ухвaшивъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ поленою
 Лежишь безлунной ночи шѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,
 На вѣшви вѣшаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые:
 Щишь, бурку, панцырь и шелоаь,
 Колчанъ и лукъ --- и въ быстры волны
 За нимъ бросается попомъ
 Неушомимый и безмолвный.

Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій шокъ его несетъ
 Вдоль-береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копьѣ, Козаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки,
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плынешь оружіе злодѣя . . .
 О чемъ ты думаешь, Козакъ?
 Воспоминаешь прежні бѣдвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя моливы
 И родину? . . . Коварный сомъ!
 Проспише, вольныя спаницы,
 И домъ опцовъ, и шихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,
 Спрѣла выходитъ изъ колчана,
 Взвилась — и падаетъ Козакъ
 Съ окровавленнаго кургана. “

Загадочное начало описанія, подобно тай-
 ному предпріятію Черкеса, манитъ чи-
 шашеля къ развязкѣ и поддерживаешь до
 конца всю занимательность, которая со-
 единена съ любопытствомъ. Но развяз-
 ка, какъ внезапная смерть Козака, мгно-
 венна. Всѣ сіи мѣстные частности,

схваченныя съ природы, придають поэзи неизъяснимую и прочную красоту. Величайшіе стихопворцы, особенно древніе, преимущественно держались эпаго правила — и пошому ихъ карпины ничего не имѣють однообразнаго и упомипельнаго. Мы могли бы привести еще множество примѣровъ для доказательства главнаго нашего мнѣнія, что *Кавказскій Пльнникъ* по своимъ мѣстнымъ описаніямъ есть совершеннѣйшее произведение нашей поэзи; но предоставляемъ читателямъ самимъ повѣрить наше сужденіе по цѣлому сочиненію: оспрывки не могутъ произвести шакаго впечатлѣнія, какъ вся поэма.

Въ *Кавказскомъ Пльнникѣ* (какъ можно уже было видѣть изъ содержанія) два только характера: Черкешенки и Рускаго пльнника. Намъ пріятнѣе сначала говорить о характерѣ первой; пошому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ втораго. Все, что могутъ только представить воображенію поэта нѣжная сострадашельность, прогашельное просшодушіе и первая невин-

ная любовь — все изображено въ характерѣ Черкешенки. Она, по видимому, такъ открыто и живо явилась поэзу, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ.

„Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой пишины,
Идешь, украдкою ступая?
Очнулся Руской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотришь онъ,
И мыслишь: это лживый сонъ,
Успалыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чупъ озарена,
Съ улыбкой жалосии оспрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его уснамъ кумысь прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловишь жадвою душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умилвнный, жаръ ланишь,
Но голось вѣжный говоришь:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ оспашокъ сля,

Велѣнья милому покорной,
 Привспалъ — и чашей благопворной
 Томленья жажды уполилъ.
 Попомъ на камень вновь склонился
 Опягощенною главою;
 Но все къ Черкешенкѣ молодой
 Угасшій взоръ его стремился.
 И долго, долго передъ нимъ
 Она, задумчива, сидѣла;
 Какъ бы учаснѣемъ нѣмымъ
 Ушѣвшишь плѣнника хощѣла;
 Уста невольно каждый часъ
 Съ начатой рѣчью открывались;
 Она вздыхала, и неразъ
 Слезами очи наполнялись. “

Чѣшбы живѣе представилъ всю
 прогашельную прелеснь появленія Чер-
 кешенки, надобно знашь, чѣш плѣнникъ
 находился въ это время въ ужасномъ по-
 ложеніи: привлеченный въ селеніе на ар-
 канѣ, обезображенный ужасными язвами
 и закованный въ цѣпи, онъ жадно ждалъ
 своей смерти — и вмѣсто нея, въ видѣ
 богини здравія, приходилъ къ нему его
 избавительница.

„За днями дни прошли какъ шѣнь.
 Въ горахъ, окованнымъ, у спада

Проводишь пѣнникъ каждый день,
 Пещеры темная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣпной зной;
 Когда же рогъ луны сребристой
 Влечешь за мрачною горой,
 Черкешенка, тропой пѣнистой,
 Приносишь пѣннику вино,
 Кумысъ, и ульевъ сошь душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено.
 Съ нимъ тайный ужинъ разделяешь;
 На немъ покоишь нѣжный взоръ;
 Съ неясной рѣчию сливается
 Очей и знаковъ разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горь,
 И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти неперѣливой
 Передаетъ языкъ чужой.

Мы не оспанавливаемся на красотѣ ка-
 ждаго стиха порознь. Такой разборъ за-
 ставилъ бы насъ упомянуть чипашелей
 однообразными восклицаніями. Намъ хо-
 чется только дать ясное понятіе объ-
 этомъ характерѣ, который навсегда ос-
 танется у насъ масперскимъ произве-
 деніемъ — и потому мы принуждены
 выбирать мѣста, гдѣ поэтъ умѣлъ раз-
 крыть всю душу своей героини. Послу-
 шаемъ, какъ она силилась въ уныломъ

плѣнникѣ пробудить чувство любви, которая побѣдила ея сердце :

„ . . . . . Плѣнникъ милый!
 Развесели свой взоръ унылый,
 Склонись главою ко мнѣ на грудь,
 Свободу, родину забудь:
 Скрываешься рада я въ пустынь
 Съ побою, царь души моей!
 Люби меня: никпо донынѣ
 Не цѣловаль моихъ очей;
 Къ моей посшелъ одинокой
 Черкесь молодой и черноокой
 Не крался въ пишинѣ ночной;
 Слыву я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красотой.
 Я знаю жребій мнѣ гошовый:
 Меня опецъ и брапъ суровый
 Немилому продашь хошашъ
 Въ чужей ауль цѣною злаша:
 Но умолю опца и брапа;
 Не то — найду кинжалъ иль ядъ.
 Непоспнжимой, чудной силой
 Къ шебѣ я вся привлечена;
 Люблю шебя, невольникъ милой,
 Душа побой упоена.“ . . .

Можетъ ли спрасить говорить убѣдительно? Это мѣсто приводитъ намъ на память нѣжную Моину, съ шакимъ

же проспосердеціемъ изображающую любовь свою къ Фингалу. Но въ частной оспдѣлкѣ нѣтъ ничего общаго между Озероровымъ и Пушкинымъ; попому что лица, ими описываемыя, взяты изъ разныхъ климатовъ и находились въ разныхъ положеніяхъ. Надобно замѣшить, съ какимъ искусствомъ воспользовался Пушкинъ пламеннымъ и часпію неисповымъ характеромъ дикихъ Горцевъ, который долженъ видѣнь бытъ и въ самой незинной Черкешенкѣ! Она, при одной мысли о невольномъ замужствѣ, рѣшительно произноситъ: *найду кинжалъ иль ядѣ*. Послѣ столь нѣжнаго изъявленія любви своей она слышитъ отъ него ужасный себѣ приговоръ: плѣнникъ уже не власпенъ надъ своимъ сердцемъ. Какой быспрый и сильный долженъ послѣдовать переходъ въ ея душѣ отъ надежды къ отчаянію!

„ Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,

Сидѣла дѣва молодая:

Туманный, неподвижный взоръ

Безмолвный выражалъ укоръ;

Блѣдна какъ шѣнь, она дрожала;

Въ рукахъ любовника лежала

Тя холодная рука;
 И наковецъ любви поско
 Въ печальной рѣчи излилася:

„Ахъ Руской, Руской! Для чего,
 Не зная сердца своего,
 Тебѣ навѣкъ я предалася?
 Недолго на груди твоей
 Въ забвеньи дѣва отдыхала;
 Немного радостныхъ ей дней
 Судьба на долю низпослала!
 Придушь ли вновь когда нибудь?
 Ужель навѣкъ погибла радость? . . .
 Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя бь изъ жалости одной,
 Молчаньемъ — ласкою припворной;
 Я услаждала бь жребій твой
 Заботой вѣжной и покорной;
 Я сперегла бь минушы сна,
 Покой поскоующаго друга:
 Ты не хощь . . . . . “

Спихотворецъ ничего не опустилъ,
 чтобы довершишь изображеніе апаго
 простодушнаго и вѣжнаго характера.
 Приведенное нами мѣсто можно назвашь
 образцомъ искусства, какъ привлекашь у-
 частіе читателей къ дѣйствующимъ въ
 поэмѣ лицамъ.

Между тѣмъ мы не находимъ такой
опредѣленности въ характерѣ пѣвника.
Кажется, что это недокоичанное лице.
Если мѣсна, которая возбуждающъ и къ
нему живое участіе.

„Когда такъ медленно, такъ нѣжно
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходишь быспро, безмятежно;
Снедая слезы въ тишинѣ,
Тогда разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему спремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродишь
И мрачную шоску наводишь
На душу сирую мою.“

Или — гдѣ еще яснѣе сказано:

„Не плачь! И я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ! Я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, сирадалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,

Забытый средь пустыхъ долинъ.
 Умру вдали бреговъ желанныхъ;
 Мнѣ будешь гробомъ эта степь;
 Здѣсь на косяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавишь пятгоспная цѣпь . . . “

Прочитавъ сіи стихи, каждый со-
 сѣавиль бы ясное поняшіе о характерѣ
 человѣка, преданнаго нѣжной любви къ
 милому предмету, опвергнутому его роко-
 вую спрасць. Въ эпюмъ одномъ видѣ
 плѣнникъ сосѣавлялъ бы самое занима-
 тельное лице въ поэмѣ. Но въ другихъ
 мѣстахъ къ изображенію плѣнника при-
 мѣшаны посшороннія и затемняющія
 его характеръ чершы. Напримѣрь, сочи-
 вшитель говоритъ, что плѣнникъ лишил-
 ся опечесшва,

„ . . . . . Гдѣ пламенную младосшь
 Онъ гордо началъ безъ заботъ,
 Гдѣ первую позналъ онъ радосшь,
 Гдѣ много милаго любилъ,
 Гдѣ обнялъ грозное спрданье,
 Гдѣ бурной жизнью погубилъ
 Надежду, радостъ и желанье —
 И лучшихъ дней воспоминаье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

. . . . .
 Людей и свѣшь извѣдалъ онъ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну:
 Въ сердцахъ друзей нашель измѣну,
 Въ меткахъ любви — безудливый сонъ.
 Наскуча жертвой бышь привычной
 Давно презрѣнной суеши,
 И непріязни дзязычной,
 И просподушной клеветы,
 Опступникъ свѣша, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣль
 И въ край далекій полетѣлъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы.“

По этому описанію воображеніе по
 представляеть человѣка, упомянутого
 удовольствіями любви, по возненавидѣв-
 шаго порочный свѣшь и радостно остав-
 ляющаго родину, чѣмъ сыскаеть лучшей
 край. На первую мысль сочинитель по-
 падаетъ и въ другомъ мѣстѣ.

„Забудь меня; твоей любви,
 Твоихъ восторговъ я не стою.
 Безцѣнныхъ дней не спрашь со мною;
 Другаго юношу зови.

. . . . .
 . . . . .
 Безъ упоенья, безъ желаній
 Я вьну жертвою страстей.“

Сяполь неясныя слова въ устахъ чело-
 ловъка, пламенно любимаго, раждають о
 немъ странныя мысли. Ему бы легче и
 благороднѣе было отказатьсь отъ новой
 любви посюянною своею привязанно-
 стію, хошя первая любовь его и опшвер-
 тнуша: шѣмъ вѣрнѣ онъ заслужилъ бы
 соспраданіе и уваженіе Черкешенки. Ме-
 жду шѣмъ, слова: *твоихъ восторговъ я не*
стою, или: *безъ желаній я вянцъ жертвою*
страстей — охлаждають всякое къ нему
 учаспіе. Несчастныи любовникъ могъ бы
 сказаць ей: „мое сердце чуждо новой
 любви;“ но кшо имѣеть причину призна-
 вальсья, что онъ *не стоитъ восторговъ*
 невинности, шомъ разрушаетъ всякое
 очарованіе на счетъ своей нравешвенно-
 сти. Вошъ, что заставило сказаць насъ,
 что характеръ Рускаго въ *Кавказскомъ*
Плбникѣ несовсѣмъ обдуманъ и слѣдш-
 венно несовсѣмъ удаченъ. Впрочемъ,
 вспрѣчая въ эшой поэмѣ пропуски, озна-
 ченныя самимъ сочинителемъ, мы полага-
 емъ, что какія нибудь обшпоятельшва
 заставили его предшавитъ Публикѣ
 свое произведеніе не совсѣмъ въ шомъ

видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его сослояннн.

Къ числу небольшихъ ошибокъ въ стихахъ мы относимъ въ сей поэмѣ слѣдующее мѣсто:

„Въ часъ ранней, утренняя прохлада,
 Остановлялъ онъ долгъ взоръ
 На отдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.“

Въ другомъ мѣстѣ: -

„Но Европейца все влнманье
 Народъ сей чудный привлекалъ“

первый стихъ вышелъ очень прозаическій.

Сн почли единственныя и маловажныя ошибки замѣнены непрерывными, неподражаемыми красками испинной поэзіи. Крипика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ; пошому что они пищаютъ образованный вкусъ; они однимъ своимъ появленіемъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и разрѣшаютъ шумные щолки невѣжества и присрашн.

Пушкинъ, одаренъ, будучи истиннымъ и оригинальнымъ талантомъ, и-дежь наравнѣ съ другими превосходными поэтами нашего времени. Конечно, онъ не безъ ошибокъ. Въ первой его поэмѣ: *Русланъ и Людмила*, есть погрѣшно-сти въ планѣ; главные лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаруживъ силы въ характерахъ; но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическомъ, требующемъ величайшихъ соображеній и зрѣлости Ге-нія. Можно ручаться, что постоянное вниманіе и любовь къ своему искусству доведуть его до того совершенства въ планахъ, которое теперь такъ видимо въ частныхъ отдѣлкахъ его произведеній.

Плетневъ

Л И Т Е Р А Т У Р А.

А.

П Р О З А.

О ФИЗИКЪ ДРЕВНИХЪ (*).

(Посвящено В. П. Дологацкой).

О свѣшлый Фебъ, мольбѣ внимли,
Да я, шобой одушевленной,
Прославлю лирой вдохновенной
Законы неба и земли,
Любовь, Софію и ученыхъ!
О ихъ отккрытіяхъ мудреныхъ
Мнѣ красама велишь пишашъ:
Живу я подъ ея закономъ;
Она сѣшшишь меня внушашъ.
Моя цѣвница легкимъ звономъ
Досель спремилась подъ рукой

(*) Изъ *Lettres à Sophie*.

Ея владычество прославить.
 Теперь я долженъ вамъ предсказать
 Подъ тѣнью легкой и проспой
 Наука успѣхи — и порой
 Трудами купленную славу
 Ученыхъ мудрою толпой,
 И краснорѣчья ихъ ошраву
 Цвѣтами нѣжными покрышь.
 Дерзнемъ сей опытъ совершить
 Попыщимся легкими кистями
 Картины тѣ изображать,
 На коихъ легкосны печашь
 Моглабы одобрена бышь вами!
 Но чѣмъ ученые спрашають?
 Находять темной ихъ науку,
 И о системахъ говорять:
 Онѣ на всѣхъ наводять скуку
 И безпояпноснью псмять.
 Бышь можете, съ малымъ украшеньемъ
 Онѣ цвѣли бы красотой.
 И шакъ мы съ легкой проспой
 Займемся ихъ изображеньемъ:
 Вы все узнаете пошчасъ —
 Природы шайнсипва чудесной
 И шверди шайнсипва небесной.
 Моей шушливой Музы гласъ
 Меня къ пріятному внушають:
 Такъ, спраснью нѣжную горя,
 Любовникъ, розу вамъ дая,
 Ошъ розы иглы опдѣлають.

И такъ мы предпринимаемъ изученіе природы: не думайте, что мы никогда не найдемъ въ ней любви: все чувствительно во вселенной; и полевой цвѣтокъ, срываемый паслушкою для букета, заключаетъ таинства, кошорья ученый Линней вамъ опкроетъ.

Если я буду соупшествовать вамъ съ Ньютономъ по пущамъ небеснымъ, то и шамъ мы найдемъ привлеченіе, поддерживающее солнцы надъ бездною, и управляющее ихъ пущами по пространству; если мы обратимся къ Физикъ и Химіи, то узнаемъ, что онѣ обязаны всею своею своей удивительнымъ и неизъяснимымъ силамъ сродства.

Испышаемъ изобразить слегка явленія вселенной. О великолѣпіе! Какъ созерцаешь вдругъ столько чудесъ? Подробноспи уклоняюща опъ вычисленій и цѣлое опъ генія: сердце не можетъ вмѣститъ всей любви; признательность не соотвѣтствуетъ безчисленности благодарній; и самое воображеніе поражается ужасомъ передъ величіемъ созданія.

Кпо изобразить зелень и цвѣты?

Кто изобразитъ океанъ, рѣки, источники и водоемы? Кто откроетъ ихъ шатинства? Взгляните на игры въ воздухѣ, въ водахъ и на землѣ сего разнообразнаго множества живоныхъ: отъ орла до мошки, отъ слона до насѣкомаго невидимаго; спросите эхо; созерцайте молнію и радугу; внемлите грому и бурямъ: и скажите, можно ли отказатьсь постигнуть причины сихъ чудесъ? Ихъ разыскиваютъ, изучаютъ; нѣкоторые постигаютъ; но всегда первая причина остается непостижимою — и одна только мысль Создателя можетъ объяснить ее.

И вдругъ, великую души моей внимая,
 Боготворитъ Творца вселенныя желая,
 Такъ я вѣщала землѣ: не пылъ Создатель мой,
 Котораго любовь моя постичь стремится?
 И мнѣ земля рекла: я не Создатель швой,
 Не мной вселенная хранится.

Я къ морю и къ огню и къ воздуху, вѣспрамя:
 Не выль Создатели, блаженные мірами?
 И всѣ вѣщали мнѣ: обить мольбы не намъ.
 Тогда къ воспоку я подвинулся съ мольбами,
 Печальный, у зари желалъ Творца найши.
 Свѣшило дневное, пылая, восходило;
 Просиранство своего безбрежнаго души

Оно однимъ лучемъ воспламенило.

И я былъ ослѣпленъ симъ зрѣлищемъ небесъ;

И солнце мнѣ рекло: о смершный дерзновен-
ный,

Ты зрѣшь Творца хошѣль въ величествѣ чу-
десъ:

Осмѣлся созерцашъ мой пламень неизмѣнный!

Покровомъ Божеству служу моимъ огнемъ,

Пылинка праха я передъ Его стопами.

Казалось, солнца блескъ зашмился предъ Твор-
цемъ,

И въ ужасъ приведенъ былъ сими я словами.

И неба свѣтлаго распоргнулъ предѣль,

И взору моему преграды не явилось,

Земля исчезла вдругъ и солнце закашилось

И Богъ предсталъ — и я Его лишь только
зрѣлъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Зрѣлице шолікой сла-
вы не сотворено для очей смершнаго;
довольно того, что Богъ открываешоя
намъ въ благодѣяніяхъ и чудесахъ при-
роды. И шакъ испытаю постигнушь Го-
здашеля въ его твореніяхъ. Вознесусь на
вершины горъ для опкрышія происхож-
денія рѣкъ; увижу рожденіе бурь, и громъ
разразишя подъ моими ногами. Иногда,
еидя на берегу моря, мы будемъ наблю-

дашь сіи великія движенія водъ, убѣгающихъ отъ береговъ своихъ и ударяющихъ въ нихъ; или, пролетѣвъ чрезъ сіи необозримыя пропасти, я опишу чудеса Новато міра; раскрывъ нѣдра земли, покажу вамъ кристаллы, золото, алмазы, соккрытые подъ правою, какъ бы для того, чпобъ оставишь мѣсто истиннымъ богашспвамъ; я вопрошу волканы о причинѣ сихъ огней, производящихъ споль ужасныя и великолѣпныя зрѣлица; и, возвращаясь наконецъ на поверхность земнаго шара, испытаю постигнуть, какимъ образомъ, изъ нѣдръ бесплоднаго праха, природа производитъ лѣса, цвѣты и жашвы.

Но прежде, нежели мы присшупимъ къ сему, думаю, чшо не бесполезно будетъ предсшавишь вамъ понятіе о главныхъ сиспемахъ древнихъ въ Физикѣ: я говорю о главныхъ; ибо если бы надлежало всѣ ихъ сиспемы изложишь въ подробности, то множеспво большихъ книгъ должно было бы написашь.

Древняя Физика была не сполько наукою природы, сколько наукою мнѣній

Философовъ. Тогда не наблюдали, но сочи-
няли всеобъемлющія системы. Фалесъ
объяснялъ сотвореніе міра посредствомъ
воды 1), Фересидъ посредствомъ земли 2);
Гиппонъ употреблялъ для сего огонь; не-
много воздуха достапочно было для Ана-
ксимена 3); Зенонъ пользовался всѣми че-
тырьмя стихіями 4). Запрудняясь въ на-
селеніи сего міра, другіе ученые возжи-
гали потомъ подземные огни, думая, та-
кимъ образомъ, произвесли металлы,
камни, растѣнія и, можешь быть, людей.

Если столь необычайныя чудеса ро-
дятся въ васъ нѣкоторую довѣренность
къ свѣденіямъ сихъ Физиковъ, и если вы
спросите ихъ о звѣздахъ, сіяющихъ на
небѣ, по сколько будете удивлены ихъ
отвѣтомъ! Солнце, по ошкрытію Касси-
ни, въ миллионъ разъ превосходящее ве-

1) Аристотель, tom. 4. *Metaph.*, lib. 1, cap. 3
— К. Оригена *Philosophumena*, cap. 1. О
Фалесъ.

2) Секстъ Эмпирикъ, p. 367.

3) Аристот. *Metaph.*, lib. 1, cap. 3. — Плу-
тархъ *de Placitis philos.*, lib. 1, cap. 3.

4) Секстъ Эмпир., p. 367.

личиною землю, имѣло, по мнѣнію Гераклипа, только одинъ футъ въ діаметрѣ 1) и Анаксагоръ почиталъ его не болѣе Пелопонеза 2). Сіе гордое свѣтило, котораго лучи разложилъ Ньютонъ, слѣдуя Фалесу и Ксенофану, есть нечто иное, какъ пламенное облако 3); слѣдуя Анаксагору и Демокрипу, огненная гора 4); и Филолай утверждалъ, что звѣзды суть зеркала, повѣшенныя на небѣ для того, чтобъ отражать намъ свѣтъ солнца.

Не смѣйпесь на счетъ сихъ древнихъ мудрецовъ: и у насъ находящіяся системы споль же нескладныя.

Прошло вѣка два или три, какъ Физика сдѣлалась наукою истинною. Галилей и Торичелли, взвѣсивъ воздухъ, и Беконъ, опредѣливъ почти всѣ новѣйшія открытія, положили дорогу, по которой должны были слѣдовать Ньютонъ и Ла-

1) Плулархъ, de Placitis phiols., lib 1, cap. 28.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, cap. 13.

4) Тамъ же. — Оригена Philozoph., cap. 8, объ Анаксагорѣ.

вуазье. Въ первомъ письмѣ моемъ, я буду говорить съ вами о сихъ двухъ великихъ геніяхъ, или, лучше скажешь, всѣ мои письма будутъ заключать только нѣкоторое изложеніе идей ихъ.

Между тѣмъ удивительныя наблюденія сихъ славныхъ мужей произвели величайшіе успѣхи въ Физикѣ. Свѣденія умножались каждую минуту; человекъ увидѣлъ себя принужденнымъ учиться безпрерывно. Какой предосторожности, какаго наставленія не требовалось тогда, чтобъ учиться по книгамъ новѣйшимъ и лучшимъ! Вы удивляетесь *Изугеніями природы*; и между тѣмъ сія книга заключаетъ въ себѣ множество заблужденій. Я знаю, что вселенная никогда не имѣла столь искуснаго живописца, каковъ былъ авторъ Павла и Виргинія: перенесенный на берега Иль-де-Франса, онъ первый имѣлъ славу описать красоты природы новой: по его гласу распѣнія, рѣки, горы, земля, все кажется выходящимъ изъ хаоса— и украшенный міръ ешановишя швореніемъ Провидѣнія.

Разставившись съ островомъ, взлелѣяннымъ
судьбою,

Вспающимъ изъ воды подъ тѣнью пальмъ
густою,

Вдругъ странникъ молодой несется по волнамъ.

Презрѣвъ Фортуны даръ, привязанный къ
прудамъ,

Онъ въ Новомъ мѣрѣ былъ не алчнымъ ко
спяжанью.

Богаишвами земли и водъ обильной дапью

Онъ презрѣлъ: мудраго блескъ злата не прель-
стиль:

Богаиштво новое корабль его вмѣстиль.

Тоску любовниковъ, невинности забавы

Въ Европѣ возгласишь пишомецъ громкой
славы!

Онъ ошъ Виргилія кисть, кажется, пріиаль

И первыхъ мѣра дней картину начерталь

Какъ живы краски въ немъ, вѣрны изобра-
женья

Ошъ прелесней любви до прелесней шворенья!

Ахъ, кшобъ не захошѣлъ любить подобно имъ:

Они завидны намъ мученіемъ своимъ.

Но вошъ ужъ съ ними я въ жилищѣ небогатомъ,

Живу въ долинѣ ихъ, и спановлюсь ихъ бра-
шомъ!

А въ полѣ, вечеромъ, забавы ихъ дѣлю

И ошъ благихъ небесъ имъ счастья молю.

А шамъ, расшущіе кокосы вмѣстѣ съ ними,

Я вижу васъ, какъ вы, подъ вѣтвями гу-
спыми,

Скрывали здѣсь любовь подъ небомъ голубымъ:
Любви сей образцемъ вы были имъ живымъ!

Подъ вану шѣнь давно они не приходили:
Ихъ добродѣтель вамъ на мигъ судьбы явили.

Свидѣтели ихъ ласкъ и счастливой мечты,
Ошкрѣпке юносили плѣнительной черты.
Оснались шолько вы ошъ всѣхъ любимыхъ
ими,

Вы были нѣжныхъ шайнъ поруками нѣмыми!
Подъ вашей сѣнію въ покоѣ отдохну

И, вопросивъ сію прелестную спрану,
Пошомство удивлю плѣнительнымъ преданъ-
емъ,

И ихъ, въ послѣдній разъ, почпу воспоми-
наньемъ!

Вошъ милья мѣста, гдѣ Павелъ въ счастьи
взросъ,

Гдѣ шолько весель былъ, гдѣ шолько пролилъ
слезъ!

Вошъ здѣсь видѣли ихъ, вошъ здѣсь они лю-
били

И нѣжностью своей сей лѣсъ одушевили!

О пальбы гордыя, долины и рутѣ!

Вы душу, чувшва всѣ смягчаеице мои!

Тамъ дѣши милья, одни, рука съ рукою,

Лешають по муравѣ неслышною споюю.

Такъ Леды нѣжная семья, на свѣшъ дневной,

Встаешь из скорлупы съ улыбкою нѣмой!
 Но на сѣдой скалѣ, тоски угрюмой полный,
 Зришь Павелъ на корабль, браздящій моря
волны,
 И на зарѣ, увы, его лишь слышенъ стонъ.
 Когда въ покоѣ все, шомишься грусью онъ —
 И сердце мертвое не чувствуетъ участья:
 Ему не пережишь враждебнаго несчастья!
 Такъ видѣлъ я его. На шомъ холмѣ нѣмомъ,
 Гдѣ прахъ Виргини почилъ павѣки спомъ,
 Онъ на колѣняхъ былъ и холмъ кропилъ сле-
зами,
 Съ душой расперзанной, съ потухшими очами,
 Съ поникшею главой, ошчаянь и уныль . . .
 Я видѣлъ гробъ его . . . увѣдъ . . . и слезы лиль!

Такимъ образомъ сердце мое увлекается краснорѣчьемъ поэта. Но не шомъ бываетъ, когда я хочу изучить природу: шогда я удаляю всѣ сии прелестныя мечты; я всегда другъ Платона, но еще болѣе другъ истины.

Истинная наука состоить въ подражаніи ходу природы, въ разрушеніи, вознаграженіи и швореніи, подобно ей. Но достигнуть до ея величія: эша цѣль еще далека ошъ насъ. Мы подражаемъ явленіямъ природы, она безпрестанно измѣняетъ

ихъ; мы обнаружимъ одно изъ ея инстинствъ, она тысячи скрываетъ отъ насъ; мы производимъ испытанія, она сохраняетъ, оно возраждаетъ міръ. По гласу гения, вода и воздухъ перескаютъ бысть стихіями, и древняя наука исчезаетъ какъ сонъ. Вдругъ человекъ ославляетъ за собою двадцать вѣковъ заблужденій, и мысль его возобновляется. Между тѣмъ, среди сего переворота человѣческихъ мнѣній, природа остается неизмѣняемою; и, продолжая ходъ свой, она, кажется, улыбается новѣйшимъ открытіямъ нашимъ.

Сіи открытія заключаютъ ли истину? Весьма дерзко было бы утверждать объ этомъ. Дѣйствительно, какъ не спрашиваясь ошибки, когда подумаешь, что нѣтъ ни одного заблужденія въ наукахъ, которое бы не имѣло ревностныхъ и безчисленныхъ сборниковъ! Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ удивлялись Физикъ Аристотеля; противорѣчіе ей было бы пресупленіе; великіе умы поддерживали ученіе Эпикура; системы Архелая, Демокрита, Анаксагора, Ксенофана приобрьтали постепенно блестящіе успѣхи.

Тамъ, гдѣ мы видимъ только одни заблужденія, наши предки думали найши истину. *Helas!* говоритъ Монпанъ, *á voir ce tintamarre de tant de têtes philosophiques, vantons nous d'avoir trouvé la fève au gâteau.*

Ученые подобны сему королю Сіамскому, который послѣ продолжительныхъ испытаній, произведенныхъ въ горячемъ климатѣ, имъ обидасмомъ, рѣшилъ съ своими жрецами, что вода бываетъ всегда жидкою; истина сія почислалась доказанною до шѣхъ поръ, пока одинъ путешественникъ, взошедъ на горы Ава, сосѣдственныя съ Сіамомъ, встрѣтилъ шамъ Физиковъ, которые увѣряли его, что вода есть только плавкой кристаллъ, камень, распоряемый только теплою. О ученые, у васъ также есть своя гора Ава!

Все это можетъ родить нѣкоторыя размышленія о ничтожности человѣческихъ познаній: но мое письмо и безъ того уже очень длинно; а Лафоншенъ говоритъ, что никогда не должно истощать предмета.

Меньшенинъ.

ОБЪ ОБРАЗЪ ВОСПИТАНІЯ
У МАЛАЙЦОВЪ ВЪ МАЛАККЪ

(1820).

Въ землѣ, въ копорой нѣтъ никакихъ учебныхъ заведеній, ни обществъ для разпространенія познаній, гдѣ книгопечатаніе также неизвѣстно, какъ и выгоды онымъ доставляемыя, гдѣ вся наука сослоишь въ помъ, чпдбы умѣшь читашь на языкѣ неизвѣстномъ молишвы: въ такой землѣ, говорю я, щещно думали бы мы найши что либо, кромѣ невѣжества и суевѣрія. Все воспитаніе, получаемое Малайцами въ школахъ, ограничивается изученіемъ читашь Алкоранъ по Арабски, а иногда писашь; ариемши-

ка же и другія опрали челоѳческихъ познаній тамъ совершенно неизѳспны.

Нынѳ находящяся тамъ два училища: одно въ городѳ Малакѳ, а другое въ Транкерѳ. На мѳспѳ сего послѳдняго существовала нѳкогда древняя школа, основанная для Музульмановъ, кои, кромѳ Алкорана, обучались въ оной и счисленію; число учениковъ очень уменьшилось въ послѳднія пять лѳтъ; въ обоихъ училищахъ считалось прежде 170 воспитанниковъ; нынѳ же едва находишся оныхъ бо челоѳкъ: причину сего должно искать въ безпрестанно возрастающей бѳдности народа. Число дѳпей, посѳщающихъ училище, опносятся къ числу неходящихъ въ оное, какъ 8 къ 12, кромѳ невольниковъ (*) и должниковъ.

(*) Невольниковъ ничему не учащъ: однако ещѳ пять или шесть челоѳкъ изъ нихъ, кои, паходясь въ неволѳ съ весьма молодыхъ лѳтъ, получили нѳкопорую илѳнь образованія вмѳспѳ съ дѳщами господѳ своихъ; но они въ такомъ случаѳ получаютъ свободу: ибо господинѳ считаешѳ низкимъ называшѳ невольникомѳ челоѳка, умѳющаго читашѳ Алкоранѳ.

На седьмомъ году обыкновенно мальчиковъ обрѣзываютъ, а съ сего времени они посѣщаютъ мечети; въ школу начинаютъ ходить также на седьмомъ году, а иногда ранѣе или позже; нѣкоторые получаютъ первое образование у родителей. При отдачѣ мальчика въ училище, отецъ приводитъ его къ учителю, которому и приноситъ въ подарокъ плодовъ, розовой воды, цвѣтшовой и сандалной воды; вступая въ учебную комнату, дитя падаетъ передъ своимъ учителемъ и обнимаетъ его ноги, въ знакъ зависимости. Учитель между тѣмъ читаетъ *фатагаты* (первую главу Корана) и всѣ ученики отвѣчаютъ *аминъ*. Когда дитя встаетъ, одинъ изъ учениковъ беретъ подарки и раздѣляетъ своимъ товарищамъ, которые льютъ себѣ на грудь сандалную (*chendana*) или розовую воду.

Ученіе продолжается отъ 6 до 10 часовъ, потомъ отъ 11½ до 2, и отъ 5 до 5 часовъ; вечеромъ ученики приносятъ дощечки свои домой: если учитель спрогъ, то всякой вечеръ приходитъ съ просьбою осмапривать, учатся ли они. Время, ко-

порое проводящъ дѣши въ школъ, подвержено многимъ общошпельствамъ; успѣхи зависящъ отъ прилѣжанія учениковъ и ихъ способностей; одни изъ нихъ выучивающъ 30 главъ Алкорена, другіе выходящъ изъ школы, совершенно не зная оныхъ; обыкновенное время ученія продолжается 6 или 8 лѣтъ, а нѣкоторыя дѣши осшающъ 12 лѣтъ и долѣе въ школъ; но выходящъ изъ оной шакже мало зная, какъ и при всшупленіи въ оную.

Малайцы не пишушъ на пескѣ, какъ Малабарцы; вмѣсто бумаги употребляютъ они шонкія дощечки изъ легкаго дерева, называемаго *paleu*, покрышыя съ одной стороны мѣломъ, разведеннымъ въ водѣ; вмѣсто пера служишъ имъ шроспникъ (*resam*) или *kalam* (*fansar*) и сагу (*kabong*); чернила дѣлающъ изъ пережженнаго сарачинскаго пшена, кошорое попомъ распирающъ, разводящъ въ чистой водѣ и процѣживающъ сквозъ полотно; буквы Малайскія сушъ Арабскія, къ коимъ прибавили они шесть другихъ въ концѣ азбуки. Дишя начинаешъ чершишъ азбуку на дощечкѣ, сверху коей

написаны слова: во имя милосердаго и всемогущаго Бога (*). Когда дощечка вся исписана, они моютъ ее въ колодець. Коранъ учащъ въ школахъ только по Арабски безъ всякаго объясненія; ученики сидятъ или на землѣ, или на полу на подобіе паркета, въ хижинѣ, покрытой листьями *attana (d'attap)*; эпотъ полъ сдѣланъ изъ дерева *нибуга (niebouga)* вышиною отъ земли на два, три и даже чешыре фута; на оный входятъ по лѣспницѣ, имѣющей 3 или 4 ступени. Всякое утро даютъ новый урокъ; въ вечернемъ классѣ обыкновенно повторяютъ выученное по утру; это занятіе называется *mendas* и тогда то они пишутъ; тѣ, кои учатъ еще азбуку, пишутъ буквы, а которые уже болѣе успѣли, списываютъ нѣкоторыя мѣста изъ Алкорана и такимъ образомъ учаща они читаютъ мало по малу при помощи дощечекъ.

(*) Первой стихъ Корана, которымъ Музульмане начинаютъ всѣ свои книги, даже самыя соблазнительныя.

Учитель получаетъ за ученіе чепыре писы (*) въ недѣлю; плаша сія называется *duit-ghamis*, повелику получается по чепвергамъ; когда ученикъ начинаеть новую главу, шо дѣлаеть учителю подарокъ, шочно шакъ какъ и при своемъ вступленіи, и родители плашяшь ему рупію, или одинъ долларъ Испанской, а многда болѣе или менѣе, смотря по своему досташку.

Воспитанники въ исходѣ года не получаютъ никакого награжденія; но наказанія, кои иногда они сносятъ принужденны бывають, проспираються даже до жестокости, содержа ихъ во всегдашнемъ страхѣ. Отецъ, отдавая своего сына учителю, говоритъ: „сдѣлайте изъ моего сына, что вамъ угодно: мнѣ принадлежатъ только его глаза, руки и ноги.“— Это значить, что учитель не можеть

(*) Рупія равняется 2 франк. 50 сант. Французскимъ. Впрочемъ цѣна оной подвержена многимъ перемѣнамъ, смотря по времени и мѣсту: въ Пондичери 64 писы равняются рупіи; въ Гузаратѣ рупія стоить только 50 писъ.

ему ни повредишь членовъ, ни выколошь глазъ; если дѣтя, по несчастью, сдѣлаешь ошибку въ письмѣ, то получаетъ за то по рукамъ нѣсколько ударовъ веревкою до крови; если оно не умѣетъ чистить, разводяшь огонь, зажигая орѣхи какао, и его поварищи, наклонивъ ему голову надъ дымомъ, держашъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, что бѣдное дѣтя почти задыхается; — иногда кладушь ему между пальцами, кои крѣпко сжимаюшь, орудіе, составленное изъ пяти маленькихъ кусковъ дерева, связанныхъ по концамъ веревочками; если оно скрылося, то поднимаюшь ему ноги особенно нарочно для сего изобрѣшенною машиною, и въ такомъ положеніи оно получаетъ шоль сильныя удары по пятамъ, что едва можешъ потомъ дойти до дому. — Дѣтя вспаюшь въ 3 или 4 часа поутру, и всякой стараеця прийти въ школу первый, дабы избѣжашъ наказанія; при наступленіи часа ученія, утинешъ приказываешъ всѣмъ дѣтямъ явиться предъ себя: только шоль, кто пришелъ первый, избавляешся наказанія; второй по-

лучаешь ударъ по рукѣ; претій два удара, четвертый при и такъ далѣе; слѣдующій получаетъ удары въ возрастающей прогрессіи, смотря по числу учениковъ, такъ, что ежели ихъ 50, то послѣдній получаетъ 49 ударовъ.

Воспитаніе дѣвиць находится въ большемъ небреженіи у Малайцовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мать моего *townshy* (писаря) содержала училище для дѣвиць, но по смѣрти ея оное уничтожилось. Большое число Малайцовъ, будучи не въ состояніи воспитывать дѣшей въ училищѣ, обучаютъ ихъ дома, но никогда родители не учатъ дочерей своихъ писать, дабы сіе искусство не доставило имъ средствъ имѣть связи и переписку, опасную для ихъ мужей. Во внутреннихъ областяхъ земли нѣтъ никакого заведенія, могущаго назваться училищемъ; большая часть дѣшей воспитывается у родителей, кои часто днемъ посылаютъ ихъ къ земледѣльцамъ для обученія обработывать землю, сѣять и собирать пшено, а вечеромъ учатъ ихъ читать Алкоранъ и молитвы.

Изъ всего сказаннаго можно заклю-
чить, что немногіе изъ нихъ обучаю-
тся читать Алкоранъ, что ни одинъ, мо-
жетъ бытъ, не умѣетъ читать на соб-
ственномъ языкѣ, и что издержки, на
ученіе ихъ употребленныя, бывають со-
вершенно потеряны.

Въроятно не найдется ни одного у-
чителя, который бы давалъ уроки язы-
ка Малайскаго; ибо ни въ училищахъ, ни
дома не учатъ оному: однако есть нѣ-
сколько людей, могущихъ читать на языкѣ
семь, хотя это кажется и удиви-
тельнымъ. У меня есть списокъ всѣхъ,
умѣющихъ читать по Малайски; число
ихъ простирается до 4000 человекъ; они
живутъ въ деревняхъ (Samrongs), находя-
щихся въ окрестностяхъ Малакки разсто-
яніемъ на 3 или на 4 мили пути: но уди-
вленіе исчезнетъ, когда размыслишь, что
они употребляютъ буквы Арабскія и го-
ворятъ всегда по Малайски. Они очень
любятъ чтеніе: если кто имѣетъ случай
достать книгу; то читаетъ оную
вслухъ, на чтеніе его сбѣгаются всѣ со-
сѣди; числомъ 20 и 30 человекъ; кромѣ

рымъ онъ не только чишаетъ, но и учишь чишать ихъ самихъ, къ чему потребно нѣсколько дней. Число книгъ весьма ограничено, всѣ писанныя, особливо *hisayat* или исторіи, какъ они называютъ, но кои въ самомъ дѣлѣ ничто иное суть, какъ настоящіе романы; герой не разсмащивается въ оныхъ въ отношеніи къ характеру; егò приключенія, подвиги, чудеса, имъ содѣланныя, составляютъ единственнѣйшій предметъ сихъ исторій: часто въ нихъ видны герои, переносимые духами изъ страны въ страну, изъ міра въ другой міръ; превращающіе людей въ животноныхъ, дѣлающіе ихъ добрыми Музульманами, служащіе духу Исламизма, переносящіе города изъ одной обласпи въ другую, ходящіе по водѣ; заставляющіе говорить вещештва неодушевленныя; повелѣвающіе спихіями; гупешествующіе на облакахъ, сражающіеся съ духами, сидящими на крылатыхъ львахъ; убивающіе драконовъ, коихъ крылья просшираются отъ одного полюса къ другому; восходящіе на небо для созерцанія славы мучениковъ и на-

слажденія всѣми удовольствіями Магомешова рая. Такія чудеса составляютъ половину сихъ сочиненій и находятъ легковѣрныхъ, кои онымъ удивляются. Малайцы ненавидятъ Каполицизмъ, спавятъ почиташелей Иисуса Христа наряду съ идолопоклонниками, Кафирами или невѣрными— и, не находя въ Священномъ писаніи ни одного слова о ихъ Пророкѣ, ложно порицають истинное Христіанство.

Съ Француз. Д. Сахаровъ.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГИМНЪ БОГУ.

Великъ Господь! Въ бездонныхъ небесахъ
Его чертогъ, природъ современный,
Воздвигнушый вселенной на сполпахъ,
Сіянемъ предвѣчнымъ озаренный!

*

Зажжешся ли воспокъ зари лучемъ —
То Онъ повель воскрылемъ багряницы . . .
Весь солнца свѣшь передъ Его огнемъ,
Какъ взглядъ луны предъ искрами денницы.

*

Онъ низведешъ на землю крошкѣй взглядъ —
Земля ему улыбкой опвѣчаешъ;
Онъ возгремишъ — скалы въ дыму горяшъ,
И ось земли прелещущей спенаешъ!

*

Хвали Его, сонмъ огненныхъ міровъ!
 И пы зажгись, о солнце, какъ лампада,
 Парящая дыханіемъ вѣковъ,
 Зажгись въ хвалу паинспвеннаго взгляда!

*

Ты, океанъ, горами вознесись!
 Воспой хвалу, и вшорь ее волнами!
 Ты, тордый кедръ, главою преклонись,
 И прошуми хваленья пѣснь лисцами!

*

И въ честь Ему окреспность огманай
 Ты, грозный левъ, сынъ степи раскаленной!
 О соловей, пы пѣснь свою сливай
 Съ хваленіемъ дубравы обновленной!

*

И пы, скала, опора небесамъ,
 Будь для Него алтарь несокрушимый!
 Курись надъ ней душистый еиміамъ —
 Хвалебный даръ, природой приносимый!

*

Ты, эхо, пѣснь хваленія внемли,
 И вшорь ее въ пущыиѣ отдаленной!
 И пы воспрянь, владыка, царь земли,
 Воспой Ему съ гармоніей вселенной!

*

Поднимешся ль свѣшило днѣ изъ волчь,
 Или сойдешь на одръ успокоенья —
 Хвали Его и, вдохновенья полнь,
 Предупреждай природы пѣсноцѣнье!

*

Хвали Его, когда клубится прахъ,
И вихрь крупный дубравы обнажаетъ,
Когда роса, какъ перлы на лугахъ,
И ликъ земли улыбною сіяетъ!

*

Забуду ль я Тебя благословлять,
Даровъ священныхъ таинственный податель!
Кто мнѣ внушилъ къ добру любовь питать?—
Не Ты ль, мой Богъ, не Ты ль, міровъ Созда-
тель!

*

Въ тиши лѣсовъ, подъ сѣнію древесъ,
Я научусь б сѣдовать съ шобою:
Таинственный, безмолвный видъ небесъ
Краснорѣчивъ бесѣдою нѣмою! . . .

*

И буду я вездѣ швой гласъ внимаю —
И въ свистѣ бурь, и въ шумѣ волнъ пѣни-
стыхъ!
И на коврахъ весны себя благословляю,
Уединясь подъ кровъ дубравъ пѣнистыхъ! . . .

В. Григорьевъ.

КЪ НЕЗНАКОМОЙ КРАСАВИЦЪ,

плакавшей въ церкви.

Прекрасная, давно ль ты землю посетила?
Вчера ты разцвѣла — и улыбнулась ей,
А упрямь . . . на нее слезу ты уронила.
Я зрѣлъ сію слезу: она душѣ моей
Въ присутствіи Творца таинственно сказа-
залась.
Но скорби что виной? Успрашы ль благъ зем-
ныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Душа швоя ихъ чуждою казалась:
Она была превыше ихъ!
Склонясь предъ алшаремъ, гдѣ Агнецъ-ис-
купишель
Приноситъ кровь свою за насъ,
Не ты ль, не ты ль была мой съ небомъ
примиришель?
И въ часъ торжесшвенный, священный,
спрашный часъ,

Когда молчишь вся тварь, шрепещущь Сера-
Фимы,

Предвѣчной благости свершается объшь
И инайны, хладному уму непоспижимы,

Я видѣль взорь, гдѣ горній свѣшь,
Гдѣ самый рай сіяль! . . . О ангель, шы моли-
лашь:

И могъ ли Вышній не внимашь?

Я видѣль — небо преклонилось

И низходила благодашь!

Предъ симъ же адшаремъ колѣнопреклоненный,
Къ шебѣ, Опецъ сиропъ, взываешь сирота,

Опца и мапери въ младенчествѣ лишенный:
Когда влекли меня ищеславье, суеша,

И спраспти пылкихъ дѣшь мой смыкали
вѣжды,

И красились мечшой обманчивы надежды.

Просиль я шѣнныхъ благъ — шы не вни-
малъ мольбѣ:

Благодарю тебя! — Но днесь оплять дерзаю

Съ молецьемъ пламеннымъ къ шебѣ:

Дай друга на землѣ, дай ту, кого желаю,

Кого искаль, ищу, и — видѣль можешъ бышь . . .

Кошорой бы душа слилась съ моей душою;

Печали испывавъ, умѣла бь ихъ дѣлишь,

И плакашь предъ шобою!

Наколай Иван. Пцсареев.

ВОСПОМИНАНІЯ,

О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты
Съ своимъ блаженствомъ и страданьемъ.

Жуковский.

Какъ Майской въперокъ, какъ рѣзвое мечпанье
Вспорхнулъ вѣкъ радостей, забавы юныхъ
лѣтъ;

Гдѣ дни счастливые? . . . Одно воспоминанье
Не измѣнило намъ, мой милый Филалетъ! . . .

Судьбой оппорженный жестокой

Ошь мѣсць, гдѣ ты, гдѣ милый край родной,
Я вяну въ упрѣ дней; унылый, одинокой,
Живу лишь вѣрною мечшой.

Изъ свѣшлыхъ храмовъ оболъщенья
Спремаюсь душой къ далекимъ пѣмъ мѣ-
сцамъ,

Гдѣ чашу горесипи и чашу наслажденья
Мы вмѣстѣ поднесли къ младенческимъ у-
спамъ,

Гдѣ вмѣстѣ съ жизнію для дружбы разцвѣ-
тали,

Гдѣ дружбѣ жизнь безъ кляпвы обрekli,
Въ свой путь рука съ рукой безпрелетно по-
шли,

Сего дня счастливы — грядущаго не знали
И мнили вѣчносшью блаженство измѣрять...
А вѣчносшь пропекла съ грядущею денницей!...

И другъ швой осужденъ въ столицѣ
Личиной радости печаль свою скривашь.
Здѣсь шоль же свѣшлый мiръ, шѣжъ преле-
сипи шворенья,

Тажъ благосшь общаго ошца,
Здѣсь тажъ спущники печаль и наслажденья,
Здѣсь шѣже смершные, но шѣжели сердца?..

Ошдайшежъ мнѣ мѣсша ошчизны,

Привѣшный кругъ друзей моихъ!

И я мгновены блага жизни

Ошдамъ съ поклонами за нихъ! . . .

Ты помнишь, милый другъ, когда ночная шѣнь
Сшремилась къ западу шуманною рѣкою,

Пылалъ воспокъ и новый, юный день
Окресшность облекалъ злашою пеленою;
Мы шли встрѣчашь зарю на холмѣ надъ рѣкой:
Донъ пышный пѣною подъ нами разспилался
И шумныя спада поилъ своей волной;

Морями свѣшь въ просипрацствѣ разливался
 И пробуждался шрудъ забопливый съ зарей;
 На все взирали мы въ безмолвыи упоенья,
 Нашъ жадный слухъ внималъ природы шор-
 жесшву;
 И, брашья чувспвами, съ слезой благодаренья,
 Обшовъ еиміамъ спремили къ Божесшву.

Когда же царь свѣшилъ на полднѣ опдыхалъ
 И шяжкимъ пламенемъ долины осыпалъ,
 Мы съ гибкой удочкой, шомимы ожиданьемъ,
 Сидѣли . . . спалъ въ волнахъ усшпалый вѣ-
 шерокъ . . .
 Не смѣли мы дохнушь . . . вдругъ . . . ча-
 снымъ шрепетаньемъ
 Добычу обличалъ нашъ чупкій поплавокъ . . .
 О радосшь! о воспоргъ! нашъ плѣнникъ пе-
 редъ нами! . . .

И всѣ шчасшливца поздравляшь
 Спѣшашъ съ веселыми очами
 И вновь садяшся ожидашь —
 Какъ понешъ пѣплавокъ съ желанною наградою.
 Пошомъ спремились въ садъ; облишые про-
 кладой
 Древесныхъ сумраковъ, на шяжкій лѣша зной
 Зефировъ дружныхъ шзывали;
 Или, сражаясь съ волной,
 Рукой безшрепешной Донъ свѣшпый опѣнялъ;
 Или, съ ружьемъ и гибелью въ рукахъ,

Ловили средь лѣсовъ другія наслажденья —
 И пламенный перушъ, на крыльяхъ разру-
 шенья;
 Несъ ужась, брань и смерть блуждающимъ въ
 лѣсахъ.

Когда жъ свѣшило дня капилось надъ горами
 Межъ свѣпныхъ облачныхъ холмовъ,
 Когда послѣдними лучами

Горѣло на злыхъ окончинахъ домовъ —
 Мы шли шуда, гдѣ камни гробовые
 Въ глухой долины сняшь; гдѣ другъ минув-
 шихъ лѣтъ;

Едва блеснувшая покойшя Марія (*),
 Для міра лучшаго покинувшая свѣтъ.

Тамъ мы, коленнопреклоненны,
 Любили милый прахъ мечпами воскрешашъ
 И юный сирота, съ душою умленной,
 На гробъ матери учился въ жизнь вслупашъ.
 Изъ шлѣвносии земной, парили мы душою —
 Въ родной, но дальній міръ, гдѣ всѣмъ бѣдамъ
 конецъ,

Гдѣ вѣчны радости, гдѣ, примирясь съ судьбою,
 Приемлешь доблестный безсмертія вѣнецъ...
 Но вечеръ покрывалъ прохладными крылами
 Поля, блестящія росой;

(*) Родственница и другъ автора, умершая на 17-мъ году послѣ годоваго замужства. Она оставила сына, которій не видалъ своей матери: П.с.р.в.б.

Являлася луна — и робкими споамаи
 Спѣшили мы домой.

При каждомъ шорохѣ нашъ путь перерыва-
 вался . . .

Зефиръ ли въ листьяхъ препешаль? —

Я въ страхѣ къ другу прижимался —

И спрахъ, какъ въперъ, улашалъ! . . .

Гдѣ жъ ты, о Филалешъ, о слушникъ жизни
 юной?

Когда опять, средь опческихъ полей,

Я буду воспѣвашъ и счастье и друзей

На лирѣ шухострунной? . . .

И гдѣ минувшее? Прошли очарованья!

Крылашы радости, вы скрылися отъ насъ!

Лишь изрѣдка знакомый гласъ,

Въ ласы вечерняго мечтанья,

Мнѣ шепчешъ: *уловай!* . . .

И, взоръ въперивъ желанья

На милый полуденный край,

Гдѣ обитають упованья

И свѣшлы радости и жизнь души моей,

Въщаю: плъ навѣкъ блаженство измѣнило? . . .

Нышъ, другъ мой! Не совсѣмъ сокрылось отъ
 очей

Надежды крошкое свѣшило,

Привычный вождь пловцамъ въ волненьяхъ
 жизни сей! . . .

П. с. р. в. д.

1819.

КЪ С — У,

отбъзжающему на родину.

Прости, любезный! Добрый путь!
Лети на родину свашую —
Въ семьѣ родимой отдохнись,
Извѣдай жизнь прямую!
Младенчества беспечный мигъ
Тамъ сердцу вяшно опзовелся,
И свѣжеси въ прежнихъ чувствахъ твоихъ
Съ душею юности сольелся;
Природа встрѣпишь шамъ себя
Съ давно знакомою улыбкой:
Ты очаруешься, промолвишь въ себя,
Что заведешь спуда ошибкой . . .
Коснешься въ радости нѣмой
Вѣдами скованной цѣвницы —
Она ошкликнется на гласъ призывный швой
И грянешь гимнь заупреченей денницъ! . . .

Тамъ все тебя одушевить :
 И дикій дымъ роднаго крова,
 Умолкшихъ сель вечерній видъ,
 И свѣжестъ утѣра золошова . . .
 А здѣсь, мой другъ, приличій свѣтскихъ хладъ;
 Здѣсь шухнешъ пламень вдохновенья —
 И если иногда и прояснится взглядъ
 Воспоргомъ пѣснопѣнья:
 То — уцѣлѣвшій знакъ подъ черепомъ зимы;
 То огонёкъ въ глуши полу-попыхшій;
 То слабый лучъ чрезъ скважину шюрьмы
 На узника украдкою скользящій . . .

В. Григорьевъ.

С. П. бургъ.

С О В Ъ Т Ъ.

Форшуну записной любимецъ,
Чего тебѣ недоспаешь?
Всѣмъ надѣляя — а Воропынецъ
Тебѣ покоя не даетъ!

*

Хоть ты не Рошшильдъ, но не бѣденъ-
Здоровъ, съ шаланпами, любимъ;
Спишь безъ просыпа до объденъ;
Душа бесѣдъ, на зло другимъ.

*

Какъ знать? Быть можешь, надъ побою
Вновь счастье явишь чудеса,
И вынешь жребій швой чредою
Изъ роковаго колеса.

*

Но что тогда? Заботы бремя
 Съ богаисшвомъ на шея падешъ;
 Въ расчешахъ все погибнешъ время;
 Веселость духа опцвѣнешъ.

Ахъ, на швоемъ, пріашель, мѣстѣ
 Я о другомъ бы хлопошалъ;
 Я помышлялъ бы о невѣстѣ:
 Умомъ по сердцу бы сыскалъ.

Съ мірской проспился бѣ суепою;
 Спѣсивую забылъ бы знашь;
 И съ милой, доброю женою
 Я спалъ бы жишь да поживашъ.

Такъ упрекалъ я Филалеша,
 Такой благой давалъ совѣтъ;
 Но, опобѣдавъ у Фельеша,
 Заѣхалъ — взялъ себѣ билетъ.

В — рѣ. II — сѣ.

С М Ъ С Ъ.

РУСКАЯ АРХЕОЛОГІЯ.

Въ прошломъ Іюлѣ мѣсяцѣ сего года Дѣйствительный Членъ нашего Общества и И. Виленскаго Университета Орд. Профессоръ Росс. Словесности И. Н. Лобойко прислалъ въ даръ Обществу на Александрійской бумагѣ сдѣланный въ Вильнѣ литографическій оттискъ *Воздуха* (*), шипаго въ Москвѣ мона-

(*) Такъ называется потъ *покровѣ*, коимъ *потирѣ* и *дискосѣ* или чаша и блюдо при священнодѣйствіи на Литургіи обще покрываются; почему и различается отъ двухъ меньшихъ *покровецѣ*, изъ коихъ одинъ на дискосѣ, а другой на потирѣ особенно налагается. Священникъ, воздухомъ покрывая еяныя священные сосуды, читаетъ молитву: покрый насъ кровомъ крылу Твоею. Индѣ въ церковныхъ книгахъ употребляется и Греч. слово *αἴρ. π. ε.* *воздухъ*.

хиями въ 1545 г., попомъ принадлежавшаго Виленскому Базиліанскому монаспырю, а нынѣ хранящагося въ Пулавахъ, помѣстьѣ Г. Тайнаго Совѣтника, Сенапора и Попечителя Виленскаго учебнаго округа, Князя А. А. Черторыжскаго. Величина сего покрыва на *оттискѣ* (на коемъ не означено, почто ли оный снятъ въ величину подлиннаго) въ длин. 13 $\frac{1}{4}$, а въ ширину 9 вершковъ Рос. аршина. На немъ предсавлено положеніе Іисуса Христа во гробъ. Съ лѣвой стороны рисунка Богоматерь (съ надписью МР. ΘΥ. Миширь Θεου), сидя на пресполѣ, поддерживаешъ главу лежащаго Спасителя, надъ коимъ надпись ІС. ХС., за нею стоятъ двѣ сѣшующія жены; съ правой стороны гроба два Архангела: *Михаилъ* и *Гавриилъ* (а Михайла а Гаври . . .) въ діаконскихъ стихаряхъ, держащіе въ одной рукѣ (Михаилъ въ правой, а Гавриилъ въ лѣвой) по жезлу, оканчивающемуся кольцомъ, а другою поддерживающіе склоненныя отъ горести лица свои. На разстояніи между ними, близь і Архангела изображенъ входъ ко гробу изъ двухъ столбовъ съ круглымъ сводомъ, на коемъ повѣшена кадильница (съ надписью: кадило), а по бокамъ сего входа надпись: *положеніе въ гробѣ*. Спереди Арх. Гавриила св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, приникшій ко гробу, къ коему прикасается лѣвою рукою, а правою поддержи-

ваешъ поникшую свою главу, надъ кою надпись: Іо. Фел. п. е. Іоаннъ Феологъ. У ногъ Спасителя два лица, изъ коихъ одно долженъ быть св. Іосифъ, подпилающій подъ ноги Божественнаго Спирадальца плащъ или убрूसъ; а за нимъ вѣроятно Апостоль Пейръ, съ горестнымъ вниманіемъ взирающій на сіе дѣйствіе. Надъ обоими Архангелами изображены парящіе съ небесъ ко гробу два Ангела, изъ коихъ на лѣвой сторонѣ съ распротертыми руками, а у другаго, съ правой стороны, лѣвая рука приложена къ уснамъ его. Надъ ними пропаяна отдѣльная кайма, вѣроятно представляющая твердь небесную, испещренную звѣздами, между коими во всю кайму помѣщены два, въ видѣ новорожденныхъ мѣсяцовъ, свѣтила, прошивоположенно рогами одно другому, представляющія конечно омраченіе солнца и луны, въ Евангеліи засвидѣтельствованное. Въ каждомъ изъ сихъ полумѣсяцовъ видны человѣческіе лики по грудь, въ царскихъ вѣнцахъ, отражающіеся лучами свѣта. Вся сія карпина обведена тройною каймою наподобіе рамокъ, изъ коихъ первая украшена узоромъ съ цвѣтами, наподобіе звѣздъ, а прочія двѣ исписаны словами и всѣ 3 вмѣстѣ занимають мѣсто въ ширину $1 \frac{1}{4}$ вершокъ. Средняя кайма, сама по себѣ шириною $\frac{3}{4}$ вершка, изображаетъ шестую на под-

линникъ подпись церковными большими шакъ
 называемыми ломанными буквами во всю кай-
 му; а крайняя кайма содержишь подпись цер-
 ковными же малыми неломанными буквами.
 На 4 углахъ воздуха, гдѣ сходяшся между со-
 бою каймы, въ опдѣленныхъ чешыреуголь-
 никахъ представлены шеспокрыльные *Херу-
 сими и Серафими*; сіи названія написаны
 только: на лѣвомъ верхнемъ, *Херувимъ*, и на
 правомъ нижнемъ, *Серафимъ*; вокругъ же всѣхъ
 4 сихъ Ангеловъ подпись (коей нѣкопорыхъ
 словъ нѣтъ въ подлинникѣ, вѣроятно испер-
 шихся) изъ Пророка Ісаи гл. VI ст. 3: Свяшъ,
 свяшъ; свяшъ Господь Саваоѣъ, исполнь вся
 земля (землю) славы Твоея. Весь правой вер-
 хній уголь сего воздуха изображенъ недоспа-
 ющимъ, и шакже вѣроятно по вѣхости уш-
 раченный. Сей недоспашокъ въ видѣ прямоу-
 гольнаго шреугольлика соспавляетъ на маломъ
 кашешѣ 2, на большомъ $3\frac{1}{8}$, а по ипопенузѣ 4
 вершка. Большая надпись, начинающаяся съ
 нижняго лѣваго угла, содержишь въ себѣ Хе-
 рувимскую пѣснь, поемую на Липургіи въ ве-
 ликую Субботу, шворенія св. Василя В., Свя-
 шый Боже, свяшый крѣпкій, свяшый без-
 смершый, помилуй насъ. Да молчишь вся-
 ка плоть челошѣка и да споишь со страхомъ
 и шрепешомъ и ничшо же земнаго въ себѣ да
 помышляетъ * Царь бо царшвующихъ и Гос-

подъ господствующихъ Хриосъ Богъ нашъ
 происходишь *заклатися и датися* * *вб снѣде*
сѣрнѣмъ. Предыдушь же се лица Ангельскіи
 со всѣми началы и власшми многоочистые Хе-
 рувимы и шесто * крыльные Серафимы лица
 закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуіа.“

* Значишь пресѣченія надписи по угламъ,
 а косыми буквами здѣсь изображены недо-
 стающіе на подлинникѣ и снимкѣ слова.

На крайней каймѣ подпись начинается
 подъ словами, выше приведенными, на большой:
 свяшый Боже: „лѣта 7053=1545, при держа-
 вѣ Благовѣрнаго Великаго Князя Ивана Ва-
 сильевича всея Руси и при священномъ Мака-
 кіи Митрополиѣ всея Руси. Замышлень
 бышь сей воздухъ Декабря 26 повелѣніемъ Ге-
 деона Священно-Епископа * (.....*..... здѣсь
 вся слѣдующая спрока по каймѣ съ правой
 стороны воздуха и часть по верхней части
 онаго недостаетъ, и едва примѣны слѣды
 буквъ), пречистыя его манери и великихъ
 чудотворцевъ, вѣрою же и подвигомъ и мо-
 литвами Господина Епископа Гурія совер-
 шися великое сіе Божіе дѣло лѣта 7044=1546
 III II (кажелся, Марпа Зо)* а сдѣланъ въ пре-
 чистѣй обители пречистыя Богородицы Оди-
 гипрія въ монастырѣ на Москвѣ смиренны-
 ми инокинями въ честь и славу пречистой
 Богородицы. „ — НВ. Слова, обыкновенно въ

церковныхъ книгахъ упоиребляемыя подъ шиплами, и въ шакомъ же видѣ прошиву подлинника на опшискѣ изображенныя, здѣсь для облегченія всѣхъ вообще чишапшелей писаны, какъ выговариваются. Примѣчашельно шакже, что буква *а* въ сей подписи изображена похожею на нынѣшнюю гражданскую *я*, а самая буква *я*, двогласною *іа* — Хопя въ сей надписи и не названъ имянно монасыпырь, въ коемъ шипѣ сей воздухъ, по по слову *Одигитрія* видно, что это нынѣшній Новодѣвичій Московскій первокласный, находящійся внѣ г. Москвы у Лужецкой заставы на шакъ называемомъ *Дѣвцкелѣ полѣ* Хамовнической части въ 4 кварталѣ, построенный 1524 г. В. К. Василиемъ Іоанновичемъ, на шомъ самомъ мѣспѣ, до котораго (за два поприща отъ Москвы) препровождена была шоржешвенно подлинная икона Смоленской Божіей Матери, взятая въ Смоленскѣ нѣкоимъ *Юргою*, а по просьбѣ Мишроп. Іоны 1496 г. В. К. Василиемъ Вадилевичемъ изъ Москвы возвращенная ошашъ въ Смоленскѣ съ прочими вмѣстѣ взятыми свяшыми иконами. — На мѣспѣ же оной, въ церкѣи Благовѣщенія, по повелѣнію Великаго Князя, поставлена списанная въ одну мѣру съ подлинною, перенесенная 1525 г. въ храмъ, созданный въ честь пр. Богородицы Смоленскіи; сіе шоржештво уставиено празд-

новашь ежегодно мѣсяца Іюля 28 д. съ крестнымъ ходомъ, что и донинѣ совершается (Исп. Рос. Іерархіи III. 341). — *Одигитріе* же съ Греческаго полкуеися пушеводительница, названіе приданное образу Пресв. Богородицы с. Лукою Евангелистомъ написанному в оупъ Царицы Евдокіи къ Пульхеріи пересланному, бывшему въ Царѣградѣ въ посидѣнномъ Пульхеріею соборомъ храмѣ, послѣдоспавшемся ордену Мальшійскому 1738 Окп. 28 перенесенному въ г. Гашчинъ по воспріятіи И. Павломъ I на себя званія Великаго Магиспра сего ордена. Сіе названіе *Одигитріе* произошло оупъ того, что прозиравшіе молишвами Богородицы слѣпцы не требовали уже *проводниковѣ*. Служба на праздникъ сей иконы положена особая шакже 28 дня Іюня. (См. Никиф. цер. исп.)

В. А.

КРАКОВСКІЕ ПАМЯТНИКИ.

Въ 1-й книжкѣ сего Журнала текущаго года объявлено было объ изданіи въ Варшавѣ, подъ надзоромъ особеннаго, учрежденнаго Правительствомъ Комитета, *Краковскихъ памятниковъ*, въ 6 шепрадахъ въ листъ большой мѣры, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ по 4 печатныя мѣдными досками изображенія, представляющія гробы Польскихъ Королей и героевъ, почивающихъ въ Краковской соборной церкви. До сего времени изданныя уже двѣ первыя шепради съ 8 изображеніями, получены здѣсь и раздаются подписавшимся. Между тѣмъ, пока по окончаніи сего изданія присовокуплено къ нему будетъ описаніе изображеній, скажемъ нѣсколько словъ объ изданныхъ двухъ первыхъ шепрадахъ, состоящихъ изъ 8 листовъ.

Тетраде I. листъ 1. Monumentum Lesconis Nigri. Грбовая палатка, или гробница Лешка VI Чернаго. Надъ гробницею его изванъ образъ его въ видѣ покоящагося рыцаря въ лапахъ и Царскомъ вѣнцѣ, склонившаго свою голову на правую руку, а въ лѣвой держащаго даржаву. На спящемъ у ногъ его щитѣ изображенъ гербъ Польши, бѣлый орель. Надъ гробомъ, на спѣнѣ, образъ Богородицы, поддерживаемый двумя Ангелами. Палатка ушверждена на 4-хъ мраморныхъ столбахъ, и украшена профеями и разными изображеніями. Сей Государь владѣлъ въ Польшѣ съ 1239 по 1289 годъ, послѣ дяди своего Болеслава V Спыдливаго, присоединилъ удѣлъ свой, Княжесво Сѣрадское и часть Куявіи къ Малой Польшѣ, былъ сильнѣе своего дяди, побѣдилъ Рускаго Князя Льва Даниловича, который, желая вмѣсто его завладѣть Польшею, для сего призвалъ къ себѣ на помощь Монголовъ, указалъ имъ путь на западъ и погубилъ собственныя свои области Сей Лешко, не оставивъ по себѣ наслѣдника, подалъ причину къ великимъ смяшеніямъ, продолжавшимся и послѣ 6 лѣшняго по немъ междуцарствія, даже до 1533 -года. (См. Ист. Гос. Росс. 2 изд. Т. IV. стр. 145).

Листъ 2. *Monumentum Regis Lokietek et Monumentum Casimiri Magni.* Два памятника или гробницы Королей Владислава II Локош-

ка (Локшика) и Казимира Великаго. Первый изъ нихъ, прозванный *Локтикомъ* по малому свѣдѣнью роспу, ипрекрасно всходилъ на Польскій престоль. Въ 1290 послѣ Генриха IV Кн. Бреславскаго (Wroeslaw), въ 1197 по смерти Короля Премыслава I, и въ 1306 по смерти Вацлава, но шоржеспвенно коропованъ въ Краковѣ 20 Янв. 1319 г., гдѣ съ того времени вѣнчались на царство и послѣдующіе Короли Польскіе. Царствовалъ попомъ 13 л. и умеръ 2 Марш. 1333 г. на 75 г. ошъ рожденія. Онъ почиается первымъ Королемъ Польскимъ, спасилелемъ своего опечеспва въ самое смущенное время, и основашелемъ самодержавія. При немъ началось соединеніе Липвы съ Польшею. Гробница его кирпичная, какъ опечеспвенное произведеніе, уступаетъ въ красотѣ мраморнымъ позднѣйшихъ Королей, и потерпѣла ошъ ѣдкости времени, но еще имѣетъ признаки почиенной простоты своего вѣка, и даже кажется довольно пріятною съ виду. На гробницѣ положенъ изваянный испуканъ его, въ царской одеждѣ, съ мечемъ подъ лѣвою рукою, держащею державу. Лѣвый бокъ гроба украшенъ десятию изображеніями женскихъ фигуръ, сѣшующихъ и предспавляющихъ вѣроятно обласпи его владѣній.

Гробъ Казимира III Великаго, сына Владислава Локшика, шощасъ по смерти опца

своего избраннаго на Польскій пресполъ: онъ прославилъ 32 лѣтнее свое царствованіе больше мирными дѣяніями, нежели воинскими подвигами, былъ Юстиніаномъ Польскимъ, и проименованъ Королемъ земледѣльцовъ (Krol chlorow); соединилъ удѣльные владѣнія Пяшовъ (природныхъ), изъ рода коихъ былъ послѣднимъ на Польскомъ пресполѣ, скончался въ Краковѣ 1370 г. 5 Ноября, погребенъ на правой сторонѣ алтара соборной церкви. Росту былъ высокаго, шѣломъ подшѣ, волосы имѣлъ густые и курчавые, бороду длинную, каковымъ представляеть его изваянный на гробницѣ испуканъ въ царскомъ одѣяніи. Посему нѣкоторые Писатели мнятъ, что онъ проименованъ Великимъ по великости шѣлесной.

Листъ 3. *Monumentum Sigismundi I. eiusque filii Sigismundi Augusti* Великолѣпный мавзолей, раздѣленный на двѣ половины, изъ коихъ нижняя вмѣщаетъ въ себѣ гробъ Сигизмунда I, а верхняя сына его Сигизмунда Августа. Сигизмундъ, пятый сынъ Казимира IV Ягеллона, всупилъ на пресполъ послѣ брата своего Александра 1506 г., ум. 1547 на 82 г. ошъ рожденія. При немъ сполько процвѣтали Науки въ Польшѣ, что вѣкъ его называется златымъ. Многими хорошими качествами его заглаждающа слабости, наипа-

че въ глубокой спаросли оказанныя опъ излишняго угожденія супругъ своей, хитрой Италіанкѣ Бонѣ Сфорци. Въ войнахъ съ Россією имѣлъ онъ перемѣнное счастье; взялъ и покорилъ Смоленскъ, присоединилъ къ Польшѣ Анджешиво Мазовецкое. Незадолго предъ своею кончиною (1544), успушилъ пресполь сыну Сигизмунду Августу, избранному преемникомъ его еще въ 1529 г., и въ слѣдующемъ году коронованному, который царствовалъ 24 г., ум. 1572, на 52 году опъ рожденія. При немъ реформація и другія секшы начали беспокоить Кольшу, а Лифляндія въ войну съ Россією прешерпѣла великое разореніе, но Ливва окончашельно присоединена въ коронѣ Польской 1569 г., и соснавила одно съ нею Государство. Испуканы обоихъ сихъ Королей, изванные надъ ихъ гробницами, представляющъ ихъ въ видѣ рыцарей, покоящихся, облокопясь на правую руку, а въ лѣвой держащихъ царскій жезлъ, и украшены разными изображеніями.

Листъ 4. *Sarcophagus Annae Austr. uxoris Sigismundi III.* Саркофгедъ или гробница Анны Австрійской, супруги Короля Сигизмунда III. Всѣ наружныя пять споронъ сей гробницы изображены каждая порознь. Двѣ боковыя изукрашены разными цвѣшными фигурами, головная гербами Польши и Ливвы, спорона у

ногъ празднымъ, для надписи, круглымъ щитомъ, а верхняя изваяннымъ крестомъ съ распятымъ Спасителемъ, который внизу поддерживающъ два Ангела. Сія Королева, дочь Карла Эрцгерцога Австрійскаго, внука Императора Фердинанда I, сочелась бракомъ съ Сигизмундомъ III въ 1592 году, умерла 1598 года, была матерью Владислава IV, преемника супруга ея на Польскомъ престолахъ, извѣснаго въ нашей Исторіи по избранію его на Московскій престолъ послѣ Лжедмитріевъ, который, по происшедшей за оный распрѣ у отца съ сыномъ, сохраненъ Всевышнимъ Промысломъ для природной опрасли Россійскихъ Государей въ Домъ, доннынъ благополучно царствующемъ.

Тетрадь II. листъ 5. Monumentum Boleslai Pudici. Гробница Короля Болеслава V, проименованнаго Ствдливвиѣ, сына Лешка I, по смерти коего, будучи только 6-ли лѣтъ отъ рожденія, въ 1227 г. началъ княжить подъ опекою Силезскихъ Князей и находился подъ оною до 1241, умеръ 1279 г. бездыннымъ, по взаимному обѣшу сохраненія непорочноспи съ супругою своею, Кунегундою, дочерью Венгерскаго Короля Бельи VI. (род. 1224, сочеш. 1238), При немъ, въ 1241, Татары впоргнулись въ Русь и Польшу и оныя опустошали, и при немъ же, по мнѣнію Нѣмецкихъ

Императоровъ. Изваянный на гробъ его испуканъ въ лапахъ въ лѣвой рукѣ держишь булаву или шеспоперъ, а въ правой спущенный внизъ мечъ, упершій въ щипъ съ Польскимъ гербомъ. Вокругъ него изсѣчена Лапинская подпись гошическими буквами, означающая имя, санъ и время кончины здѣсь погребеннаго.

Листъ 6. *Monumentum Stephani Bathorei*. Гробница Стефана Баторія, весьма извѣстнаго въ нашей Исторіи покореніемъ часши Бѣлоруссіи и безуспѣшною осадою Пскова. Онъ вспунилъ въ 1575 г. на пресполь Польскій по вольному избранію изъ числа многихъ домогавшихся онаго кандидашовъ, послѣ Генриха II, вскорѣ оставившаго сей пресполь празднымъ; царствоваль 10 л. въ Гроднѣ: умеръ въ 1586, на 54 г. отъ рожденія. Въ супружесствѣ имѣлъ Анну, дочь Польскаго Короля Сигизмунда I (1596), съ коею вмѣстѣ былъ коронованъ (листъ 8). Онъ основаль Виленскую Академію, нынѣшній Университетъ, въ 1579 г. Сей герой Государь, самъ будучи ученымъ, весьма уважалъ ученыхъ. Надъ гробомъ его изваянь испуканъ, изображающій сего самаго Короля.

Листъ 7. *Stanislaus Augustus visitans sarcophagos Sigismundi I, Sigismundi Augusti et Amalae Jagellonidae*. Станиславъ Августъ (Поляшовъ Часъ XX. Кн. I.

скій) посѣщаетъ гробы Королей Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа и Королевы Анны Ягеллонки. Художникъ желалъ при семъ случаѣ представить вмѣстѣ сіи три гробницы, изображенныя порознь (листъ 3 и 8) въ семъ изданіи. Предъ Королемъ, послѣдуемымъ вельможами своего Двора и духовенствомъ, освѣщающъ свѣчь пламенниками два церковнослужителя. На лицѣ его, кажется, изображено какое-то скорбное предчувствіе, что прахъ его не будетъ покоиться тамъ, вмѣстѣ съ прахомъ его предшественниковъ. Промысль указалъ сему Государю-Философу, окончивъ рядъ Польскихъ Королей, скончавшяся и почивавшя въ Россійской столицѣ, гдѣ онъ назначенъ былъ Вѣнценосцемъ ошъ своей Благошворительницы, дабы Польша возродилась для своего благоденствія, съ единоплеменницею своею — Россією, подъ державою АЛЕКСАНДРА I.

Листъ 8. *Sarcophagus Annae Jagellonicae, sororis Sigismundi Augusti. Саркофагъ Анны Ягеллонки, сестры Сигизмунда Августа.* Пять наружныхъ сторонъ онаго, подобно тому, какъ на листѣ 4-мъ, изображены символы трехъ Богословскихъ добродѣтелей: Вѣры, Надежды и Любви, на другой: Твердости или Поспоянства, Правосудія и Истинны; на 3-й головной гербъ Польши и Литвы, на 4-й у ногъ круглый щитъ для подписи, на 5-й вер-

хней изваянь крестъ Спасителя, съ висящимъ на ономъ шерновымъ вѣнцемъ, водруженный на горѣ Голговъ. Сія дочь Сигизмунда I, супруга Стефана Баторія, вмѣстѣ съ нимъ утверждена была на Польскомъ пресполѣ Государственнымъ Сеймомъ въ Анджеіовѣ 1576 г., ум. 1596 г. 52 лѣтъ бездѣпною.

Всѣ сіи памятники и другіе, въ слѣдующихъ шефрадахъ изображенные, находящяся въ Соборной (капедральной) церкви Краковскаго замка, построенаго въ первыхъ вѣкахъ Пясшами, и е. природными Польскими Королями, копорые и жили въ ономъ, а нынѣ обращеннаго на богоугодныя заведенія. Положеніе его—на каменной горѣ, называемой Вевель, возвышающейя посреди города, и господствующей надъ опдаленными окресностями, изъ коихъ смопрящему на нее представляеть великолѣпный видъ. У подошвы сей горы находилъся входъ въ проспранную пещеру, въ копорой, по древнему преданію, Князь Кракъ, или Кракусъ, владѣвшій тогда въ Польшѣ, убилъ змѣя, опусиошавшаго сію спрану. Соборная церковь находилъся посрединѣ сего замка. Сей священный памятникъ у Поляковъ почишаеться также, какъ у древнихъ Римлянъ Капилолій и у Французовъ Пантеонъ. Въ ней находилъся смертныя ослашки ихъ Государей и героевъ, для погребен-

нiя коихъ она особенно посвящена. Нельзя безъ благоговѣнiя и истиннаго умиленiя войши въ сей древнiй храмъ, видя въ немъ многiе мавзолеи; надписи, спашуи и придѣлы, украшенные мраморомъ и бронзою. Тамъ нельзя ступишь шагу, чшобъ не опкрышь священныхъ отечесственныхъ слѣдовъ и напоминанiй храбрости и знаменитыхъ подвиговъ вишязей сей страны. Тамъ почиваетъ почтенный прахъ Болеслава III, Болеслава IV, Владислава Локшика, Казимира Великаго, Иоанна Алберта (Олбрахта), Стефана Баторiя, Сигизмунда III, Владислава IV, Иоанна Кизимира, Михаила Вишневецкаго, Иоанна Собѣскаго и Фридриха Августа III. Придѣлъ (карлица) Сигизмундовъ превосходитъ всѣ прочiе великолѣпiемъ. Она построена изъ песчанаго камня, покрыта лисами золоченными съ огня, а потому ослѣпительнымъ своимъ блескомъ примѣтна въ великой отдаленности. Въ ней погребенъ почиваемый Римскою церковiю Св. Станиславъ, покровитель Польши, и покоишся прахъ двухъ героев ихъ, Таддея Косцюшки и Князя Иосифа Поняповскаго, положенный въ склепъ Короля Иоанна Собѣскаго, побѣдителя Турокъ подъ Вѣною, и спасителя сей столицы.

Довольно обстоятельное описанiе Кракова и вообще Царства Польскаго можно ви-

дѣль въ книгѣ, на Французскомъ языкѣ изданной въ Варшавѣ 1820 года въ 8 д. 111 стр., съ каршою сего Царства, планомъ нынѣшней сподлицы онаго Варшавы, и 10-ю разными достопамятными видами, подъ названіемъ: *Руководитель для путешествующихъ въ Царство Польское и Краковскую Республику: Guide du voyageur en Pologne et dans la République de Cracovie.* Сіе сочиненіе Гр. І. Красиньскаго, переведенное на Россійской языкѣ Д. И. Языковымъ, и недавно оппечатанное, вскорѣ будеть издано въ свѣтъ.

В. Анастасевичъ.

С. П. б. 28 Авг. 1822 г.

ИЗВѢСТІЕ О ПАМЯТНИКѢ
ПАВЛУ ГРИГОРЬЕВИЧУ
ДЕМИДОВУ.

Дворянство Ярославской Губерніи, движимое благородною признательностію къ знамени по у покровителю просвѣщенія въ ошесствѣ нашемъ и основателю въ Ярославлѣ Училища высшихъ наукъ, покойному Дѣйствительному Служащему Совѣшнику Павлу Григорьевичу Демидову (*), опредѣлило воздвигнуть ему на одной изъ площадей Губернскаго города приличный памятникъ.

(*) За многія въ пользу наукъ принесенныя пожертвованія и въ особенности за учрежденіе поманутаго Училища Государь ИМПЕРАТОРЪ почтилъ Демидова примѣрною наградою: онъ украсилъ его орденомъ Св. равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени.

Государь **ИМПЕРАТОРЪ**, извѣстившись чрезъ Господина Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о шаковомъ намѣреніи Ярославскаго Дворянства, изъявилъ на оное **ВЫСОЧАЙШЕЕ** Свое соизволеніе слѣдующимъ Рескриптомъ, состоявшимся въ 11 день Мая сего года на имя Ярославскаго Гражданскаго Губернатора:

„Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, по предсавленію Вашему, доведи до свѣденія **МОЕГО** объ изъявленномъ Дворянствомъ Ярославской Губерніи желаніи воздвигнуть покойному, Спашскому Совѣшнику Демидову Памятникъ, въ ознаменованіе признапельности своей къ пожертвованіямъ его на заведеніе въ Ярославль Училища Высшихъ Наукъ.

„Признавая намѣреніе Дворянства заслуживающимъ всякое съ **МОЕЙ** стороны одобреніе, яко движеніе чувствованій благодарности, сколько же благородной, какъ и самый подвигъ, къ коему она обращается, Я съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю согласіе **МОЕ** на предложенія о семъ Дворянства, **ПОВЕЛѢВАЯ**:

„1.) Согласно съ предсавленіемъ Вашимъ, Памятникъ соорудить среди избранной для сего Вами парадной площади, по рисунку и плану, Вами предсавленнымъ.

„2.) Открышь для соспавленія на сооруже-
женіе онаго суммы подписку, въ которой всѣ
Дворяне Ярославской Губерніи какъ прису-
щствующіе, такъ и отсутствующіе могли бы
участвовать.

„3.) Суммы, какія посредствомъ сихъ
добровольныхъ подписокъ собраны будутъ,
по мѣрѣ поступленія ихъ, обращашь въ При-
казъ Общественнаго Признанія.

„4.) Сборъ и употребленіе сихъ суммъ на
самое сооруженіе Памятника производить
подъ надзоромъ и распоряженіемъ Вашимъ и
Губернскаго Дворянскаго Предводителя.“

Сей памятникъ. проспой и величест-
венной, соспавляетъ огромная колонна съ
бронзовою на верху сферою и сидящимъ на ней
двуглавымъ орломъ. На пьедесталѣ надпись:
*Благодарное Дворянство Ярославской Губерніи
Павлу Григорьевичу Демидову, Покровителю
Просвѣщенія и Основателю въ Ярославль У-
чилища Высшихъ Наукъ.* На другой сторонѣ
вспавлена будетъ мѣдная доска съ именами
подписавшихся на сооруженіе памятника и
съ означеніемъ пожертвованной каждымъ изъ
нихъ суммы.

Чесль и слава Ярославскому Дворянству!
Оно подаешь современникамъ примѣръ, до-
стойный подражанія, и заранѣе приобрѣща-
ешь себѣ уваженіе потомства. Въ Россіи

нѣшь *Вестминстера*: слѣдственно надобно, чшобы подвиги добродѣтелей мирныхъ, подобныя великія пожертвованія и шаланшы людей, одаренныхъ геніемъ, находили у насъ признашельносшь въ частныхъ сословіяхъ гражданъ. Такъ Ломоносовъ (*) и Державинъ еще ожидающъ шоржесшвеннаго свидѣельсшва оной.

Приложенный къ сей книжкѣ рисунокъ доспавленъ Обществу Дѣйствительнымъ Членомъ онаго, учасшникомъ въ сооружешія памяшника, Графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвосповымъ и липографированъ на его иждивеніе. Общество долгомъ поспавляетъ изъясшть за сіе Его Сіашельсшву искреннюю благодарносшь.

(*) Въ десятой книжкѣ *Извѣстій Россійской Академіи* мы съ удовольствіемъ видѣли заботливосшь почшеннаго Г. Президентша оной о возобновленіи памяшника Ломоносова, сооруженнаго Графомъ М. Л. Воронцовымъ. Памяшникъ сей грозшть уже паденіемъ и едва примѣшенъ между великолѣпными гробницами.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

• *подпискѣ на Сибирскій Вѣстникѣ*

на 1823 годѣ.

Въ пятнадцатое продолженіе Сибирскаго Вѣстника Издапель его обращалъ наиболѣе мысли и вниманіе читателей своихъ на неизмѣримыя пространства Сибири, представляя имъ, по естественнымъ красотамъ мѣстъ дикихъ, но величественныхъ, по богатству многообразныхъ произведеній всѣхъ царствъ природы, по наконецъ памятники древности, плоды ума и рукъ человѣческихъ, при существованіи копорыхъ исчезаетъ мракъ давно минувшихъ столѣтій; онъ знакомилъ также ихъ съ разноплеменными обитателями Сибири и со многими другими предметами, достойными вниманія наблюдателя — соотечественника и вообще Философа, Историка и Статистика. Сверхъ того Сибирскій Вѣст-

никъ сопровождалъ любопытнаго разсмаши-
вашеля природы по ошдаленнѣйшимъ сѣвер-
нымъ шундрамъ и по поросамъ Ледовишаго
моря до послѣдняго предѣла ошкрытій въ по-
лунощныхъ странахъ хладнаго сѣвера, и ош-
туда въ прошивоположныя страны: въ Ки-
тай, Монголію Зюнгарію, Ташкенць, Бухарію
и Киргизь — Кайсацкія степи, кошорыхъ жи-
тели, еспешивенныя произведенія и прочіе
предметы возбуждають любопытство къ из-
слѣдованію и другихъ сопредѣльныхъ странъ
Азіи.

Но все пышлѣе издание Сибирскаго
Вѣшника заключаель въ себѣ только малую
часть свѣденій, собранныхъ самимъ Издапель-
лемъ во время пунешесствія его по Сибири и
сообщенныхъ ему любительями просвѣщенія,
удоспоившими присылаель къ нему и шакія
еще спашьи, кошорыя при всей занимапель-
ности своей не могли войти въ составъ Си-
бирскаго Вѣшника единств. инно потому, что
помѣщеніе ихъ здѣсь было бы несогласно съ
принятымъ и строго наблюдаемымъ планомъ
сего Журнала, ограниченнаго только Сибирью
и сопредѣльными съ нею странами.

Издапель Сибирскаго Вѣшника желаетъ
разпроспранить кругъ своихъ занятій обо-
зрѣніемъ и описаніемъ любопытнѣйшихъ
предметовъ, какіе представляель Азія: сія

обширнѣйшая часть свѣша, наиболѣе ущедренная благами природы, первое опечесство рода человеческого, первое мѣсто рожденія и усовершенія наукъ и искусствъ. Имѣя намѣреніе и возможность открытъ чипапелямъ обильнѣйшій источникъ полезныхъ свѣденій, онъ предпринялъ сообщать Публикѣ сначала будущаго 1823 года свѣдѣній, не только касающихся до Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстъ, но и вообще о странахъ Азіи; а потому къ составленію Сибирскаго Вѣстника, въ 1823 году предназначаются уже слѣдующія отдѣленія и свѣдѣнія:

I. ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФІЯ и СТАТИСТИКА. — Разныя сочиненія, опрывки и свѣденія, составляющіе предметъ сихъ наукъ въ отношеніи къ Сибири и вообще къ Азіатскимъ странамъ, какъ-то: Кипаю, Японіи, Ташаріи, Тибету, Индостану, Персіи и проч.

II. ПУТЕШЕСТВІЯ. — Ученыя и любопытныя по означеннымъ странамъ полныя и опрывки изъ путешествій.

III. ЭТНОГРАФІЯ или НАРОДООПИСАНІЕ. — Извѣстія о народахъ, обитающихъ въ Сибири и въ странахъ съ нею сопредѣльныхъ.

IV. БЮГРАФІЯ. — Жизнеописаніе разныхъ лицъ, чѣмъ либо опличившихся въ Сибири и въ странахъ съ нею сопредѣльныхъ.

Каждое изъ сихъ отдѣленій будетъ имѣть два разряда: первой для спашей, относящихся собственно къ Сибири и Азіатской Россіи; второй къ прочимъ странамъ Азіи.

V. СМѢСЬ. — Сіе отдѣленіе назначается для всякихъ свѣденій, которыя, по какимъ нибудь причинамъ, не могутъ входить ни въ одно изъ предыдущихъ отдѣленій, но которыя нужны сколько для необходимаго въ періодическихъ изданіяхъ разнообразія, столько же для пользы и удовольствія читателей, какъ по: спашей ученаго содержанія; извѣстія о новыхъ учрежденіяхъ, открытіяхъ, происшествіяхъ и проч.

Кромѣ гошловыхъ уже многихъ спашей для наполненія Сибирскаго Вѣстника, Издашель будетъ пользоваться иностранными книгами и журналами, въ коихъ содержатся любопытнѣйшія сочиненія о восточныхъ странахъ и надѣется помѣщать переводы съ самыхъ восточныхъ языковъ, которые, если онъ признаетъ нужнымъ и возможнымъ, будутъ печататься иногда вмѣстѣ съ подлинниками. — Издашель также спашаетъ себя въ обязанность сообщать въ Сибирскомъ Вѣстникѣ разборъ спашей изъ новѣйшихъ книгъ и особенно изъ книгъ учебныхъ, въ коихъ говорится о Сибири и другихъ странахъ Азіатскихъ, общая въ сужденіяхъ

своихъ о достоинствѣ сихъ спашей, въ из-
 правленіи вкрапихся въ нихъ ошбокъ и въ
 пополненіи сущесвенныхъ недоспапковъ ру-
 ководствоваться совершеннымъ безприспра-
 спіемъ и единспвенно желаніемъ споспше-
 спвовашъ съ своей спороны по возмощности
 разпрощраненію свѣденій, полезныхъ его со-
 ошечеспвенникамъ.

Хоща при семъ новомъ разположеніи Си-
 бирскаго Вѣспника можно бы и наименовать
 его Азіанскимъ Вѣспникомъ; но Издапель
 рѣшилсѣ удержашъ прещнее для него назва-
 ніе, попому болѣе, чпо въ составъ сего Жур-
 нала войдушъ въ 1823 году спашей, касающ-
 іѣся почти до однѣхъ полько шакихъ спранъ
 Азіи, кошорыѣ сблжающсѣ съ Сибирью или
 по шорговлѣ или по другимъ ошношені-
 ямъ.

По множеспву и разнообразію предме-
 шовъ Сибирскаго вѣспника предназначаспсѣ
 въ 1823 году чрезъ каждыѣ двѣ недѣли выда-
 вашъ по одной книжкѣ сего Журнала ошъ 3
 до 4 печашныхъ лисповъ. Къ нѣкопорымъ
 книжкамъ прилагаемы будущъ гравированные
 или лиспографированные лиспки, прещсав-
 ляющіе иногда виды красивыхъ, или по чему
 нибудъ занимашельныхъ Сибирскихъ и дру-
 гихъ мѣспъ, иногда одежды и сшаряды жи-

шелей, планы мѣспъ и спроеній, ландкарты и проч.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 24 книжекъ, здѣсь въ С. Петербургѣ *тридцать рублей*, а съ доставленіемъ на домъ или пересылкою *тридцать семь рублей* ассигнаціями.

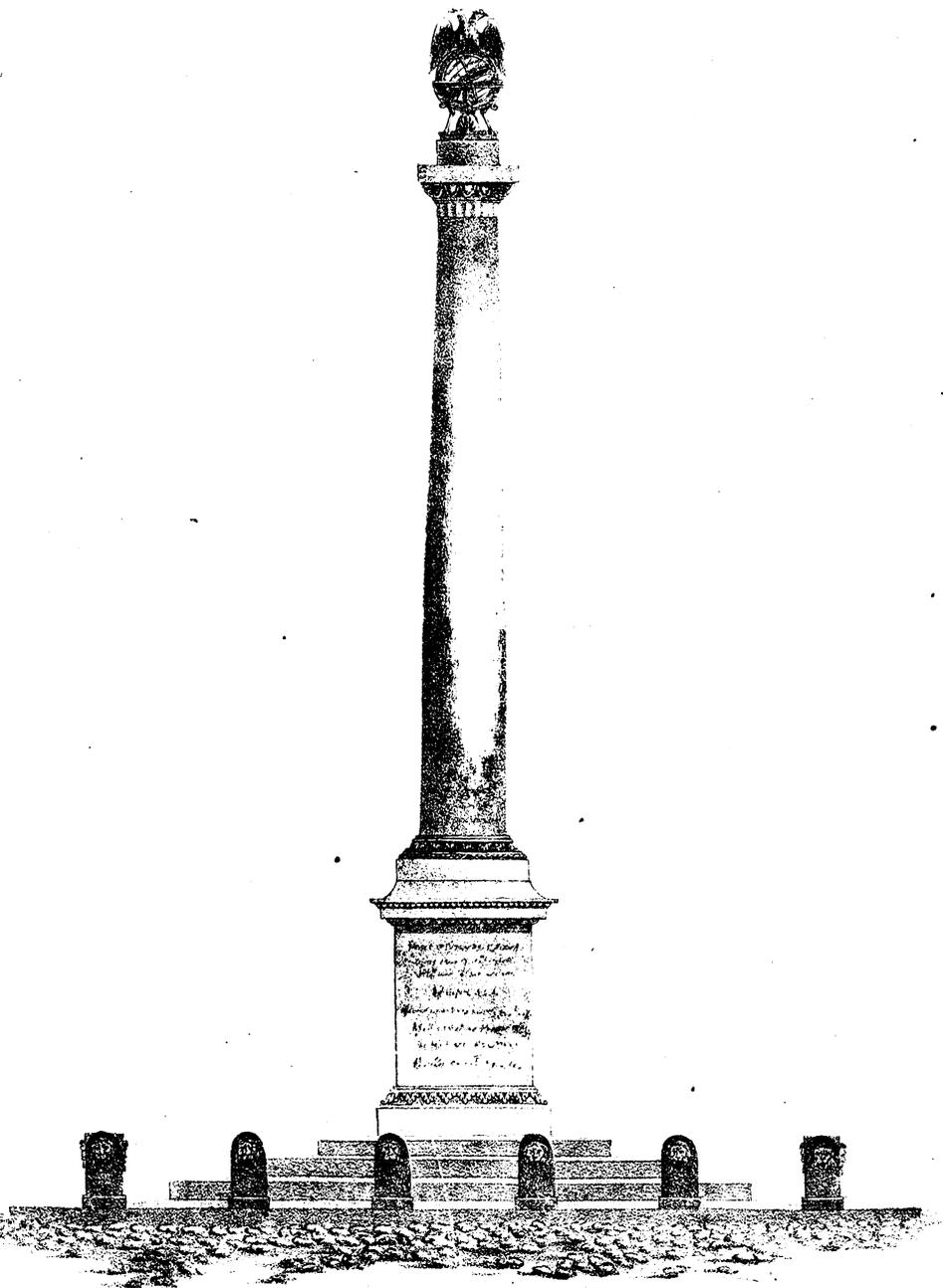
Для избѣжанія всякихъ затрудненій въ изданіи Сибирскаго Вѣстника и предварительнаго распоряженія въ печатаніи попребнаго числа экземпляровъ, желающіе получаютъ оный благоволяя подписываться въ теченіи наступающихъ мѣсяцевъ Октября и Ноября: въ С. Петербургѣ у-самого издашеля, въ библиотекѣ для чшенія В. А. Пласилвищикова у Сивяго моспа и въ книжной лавкѣ И. В. Сленина у Казанскаго моспа; иногородные могутъ отнноситься въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта, или къ самому же Издашелю, подписывая на пакетѣ: *Издашелю Сибирскаго Вѣстника. Въ Санктпетербургѣ*. По прошествіи сказанныхъ двухъ мѣсяцевъ, или и прежде, если Издашель найдетъ дослалочнымъ число подписавшихся, то не приминетъ объявить въ Вѣдомостяхъ обѣихъ Синолицъ о продолженіи Сибирскаго Вѣстника. Въ случаѣ же малаго числа подпи-

савшихся, или какихъ либо другихъ препятствій, могущихъ остановить сіе изданіе, возвращены будутъ полученныя деньги по принадлежности.

Издатель Сибирскаго Вѣстника

Григорій Спасскій.

Н А У К И.

И С Т О Р И Я.

ПОСОЛЬСТВО

Иоахима Скульпшесуса отъ Бранденбургскаго Курфирста Фридриха Вильгельма къ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 году.

(Отрывокъ изъ Опыта исторіи путешествій по Россіи).

Лудовикъ XIV воевалъ съ Голландією; Императоръ Леопольдъ, Курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ и другіе Германскіе Князья, опасаясь могущества Франціи, поспѣшили на помощь сей Республики. Король Французскій, чипобъ раздѣлилъ силы враговъ своихъ, заключилъ союзный договоръ со Швецією, которая обязалась отправить въ Импер-
Часть XX. Кн. I. 8

скія земли войско, состоящее на жаловань Франціи. Такимъ образомъ въ 1674 году и явилась въ Помераніи 16 тысячная Шведская армія подъ предводительствомъ Генерала Врангеля. Фридрихъ Вильгельмъ оставилъ Альзацию и поспѣшилъ на защиту собственныхъ владѣній: однакожь, не довѣряя однѣмъ своимъ силамъ, обратилъ взоры на Россію, копорюю правилъ тогда Алексѣй. Царь, побѣдивъ Поляковъ, занимался въ то время внутреннимъ устройствомъ вновь прибрѣшенныхъ областей, и, пользуясь миромъ съ Европейскими державами, вводилъ въ народъ своею просвѣщеніе. Дабы склонить на свою сторону могущественнаго Царя Россійскаго, Курфиршъ отправилъ къ нему посланникомъ Каммермейстера Неймаркскаго Іоахима Скульпешуса, который, находившись года два тому назадъ при нашемъ дворѣ, зналъ уже Россійскія обыкновенія и потому могъ бы лучше исполнить свое порученіе.

Скульпешусъ отправился 1 Іюля изъ Кенигсберга, и слѣдуя чрезъ Расхенбургъ и Августово прибылъ 6 числа въ Грод-

но, општуда поѣхалъ въ Минскъ чрезъ Жолудекъ, лежащій на впадающей въ Нѣмень рѣкѣ Жолубадкѣ, Бѣлицы, Кореличи и Кайдановъ, шри мѣстечка, принадлежавшія тогда фамиліи Радзивиловыхъ. Проѣхавши Гайдацовъ, посланникъ Бранденбургскій видѣлъ обширное поле, нѣкогда мѣсто битвы между Ташаръ и Поляковъ. Покрывавшія оное груды шѣль еще свидѣтельствововали объ ожеспоченіи сражавшихся. 14 Скульпетусъ опправившись изъ Минска, проѣхалъ чрезъ Борисовъ въ мѣст. Крупку, лежащее на рѣкѣ Бобрѣ; рѣка сія впекаешъ въ Березину, впадающую въ Днѣпръ; она была покрыша спругами, на коихъ опправлялись въ Кіевъ вино, хлѣбъ, ленъ, пенька и другія Россійскія произведенія. 17 Іюля посланникъ проѣхалъ деревню Тубошкино; поля кругомъ были запущены; въ нѣкопоромъ опдаленіи возвышались еще свѣжія, не покрышыя правую могилы, оспашки битвы, происходившей пушъ во время послѣдней войны у Россіанъ съ Поляками. 18-го Выѣхалъ онъ изъ Шклова, поспроеннаго по Россійскому обыкновенію:

дома были деревянные, не обшитые досками съ рѣзными наличниками, и наконецъ 19-го прибылъ къ рѣкѣ Радзинь, со-спавлявшей въ то время границу между Россією и Польшею. Скульпешусь, не желая медлить въ Польскихъ владѣніяхъ, переправился черезъ Радзинь и остановился въ деревнѣ Рѣхинѣ, волчинѣ Архіепископа Смоленскаго. На другой день поутру писалъ онъ къ Смоленскому Воеводѣ Князю Михайлѣ Андреевичу Голицыну, извѣщалъ его о своемъ прибытіи, требовалъ скорого отправления. 22 посланный возвратился: Воевода извинялся, что не смѣетъ отвѣчать письменно, а увѣдомлялъ, что получилъ отъ двора повелѣніе отправить посланника въ Москву, и что немедленно явился къ нему приспавъ съ подводами. Два дни прошли въ тщешномъ ожиданіи. Наконецъ 24 ввечеру прибылъ въ Рѣхино со-спникъ съ подводами, съ толмачемъ изъ Смоленскаго прихода и 4 спрѣльцами, извиняя причиненное замедленіе временемъ жапвы. Посланникъ пустился въ дальнѣйшій путь, но версты за три отъ Смоленска снова остановленъ былъ по повелѣнію Вое-

воды и принужденъ шуть переночевашь въ спаромъ полуобрушившемся кабакъ.

„На другой день 26 Іюля въ 7 часовъ пошурю, говоришь Скульшешусь, явился у меня переводчикъ Христофоръ Шиноравскій, и привѣстловавъ Лашинскою рѣчью, просиль не гнѣвашься, что я былъ задержанъ, представляя причину шому позднее время и недосугъ Воеводы, заняшаго обученіемъ дворянъ ружью, присовокупляя, что Воевода назначиль уже ко мнѣ пристава и повелѣль приготоовишь подводы до самой Москвы. Я благодариль за привѣстловіе, но даль замѣшишь неудовольшвіе свое по случаю неучливости Воеводы, принудившаго меня ждатель за городомъ съ 5 часовъ пополудни и не сдѣлавшаго мнѣ никакой встрѣчи на границѣ. Я прибавиль, что не шакъ встрѣчаютъ Царскихъ посланниковъ во владѣніяхъ Курфиршта, и что даже въ Россіи, года два шому назадъ, когда я ѣхаль черезъ Псковъ и Новгородъ, со мною обходились учпшвѣе. Наконецъ прибыль ко мнѣ Спольникъ Иванъ осиповичъ Кучинъ и, привѣстшво-

вавъ меня Царскимъ имянемъ, объявилъ, что онъ назначенъ ко мнѣ приславомъ и надѣялся вскорѣ доставить мнѣ счастье узрѣшь свѣтлыя Царскія очи. Черезъ полчаса прибыли мы къ городу; меня провезли ошъ однихъ воротъ къ другимъ кругомъ стѣны (ибо Рускіе никого изъ иностранцевъ не впускають въ города) и потомъ въ предмѣстіе, гдѣ ошвели намъ домъ.“

27 Іюля посланникъ Бранденбургскій выѣхалъ изъ Смоленска, 28 ночевалъ подъ обширнымъ небомъ на берегу рѣки Хмоспя, а на другой день прибылъ въ Дорогобужъ, лежацій на веселомъ мѣстѣ на берегу Днѣпра. Воевода Дорогобужскій Василій Яковлевичъ Дашковъ ошправилъ двоихъ чиновниковъ спросить о здоровьѣ посланника и прислалъ ему нѣсколько бутылокъ меду, пива и водки, въ замѣну чего Скульшешусъ подарилъ Дашкову нѣсколько лимоновъ и ружье. 31 Іюля поушру посланникъ пріѣхалъ къ рѣчкѣ Полянкѣ, замѣчательной пошому, что она до взяшя Смоленска составляла границу между Россією и Польшею, и въ пошъ

же день ввечеру въ Вязьму. 1 Августа выѣхали они изъ сего города, и слѣдуя по мѣстамъ болописнымъ, большею часію покрытымъ лѣсами, не безопасными по множеству скрывавшихся въ нихъ разбойниковъ, 3-го прибыли въ Можайскъ. Царь ходилъ сюда ежегодно на богомолье, давалъ иногда въ семь городъ аудіенціи иноспраннымъ посламъ, и часію въ окрестностяхъ шѣшился охопою. 4-го посланникъ прибылъ въ деревню Кубинскую, 5 въ д. Везёму, а 7 въ д. Мамонову, верстахъ въ 20 отъ Москвы: шупъ по повелѣнію двора онъ долженъ былъ оспановиписья.

„ На другой день, говоришь Скульпе-пусъ, явился ко мнѣ переводчикъ Мейснеръ, присланный отъ ближняго боярина и Царской Думы Совѣтника Арпамона Сергѣевича Маиговѣва. Бояринъ радовался моему здоровью и благополучному прибытію, просилъ не гнѣваться, что меня заставляющъ ждашь въ Мамоновой, представляя тому причиною опсупснвіе Царя, выѣхавшаго изъ столицы на богомолье, и обспояшельство, что Голландскій гонецъ не очисшилъ двора, принад-

лежащаго Бранденбургскимъ посланникомъ, и наконецъ спрашивалъ, гдѣ бытъ аудіенціи, въ какомъ званіи я пріѣхалъ и привезъ ли подарки для Его Царскаго Величества.

„Я отвѣчалъ, что касательно аудіенціи я совершенно подчиняюсь волѣ Е. Ц. В-ва; прошу только, чтобы меня за невозможностію добраться въ Мамоновой съѣстныхъ припасовъ не задерживали здѣсь, какъ въ Смоленскѣ, а привезли скорее въ Москву; что я пріѣхалъ въ званіи посланника, а касательно подарковъ, надеюсь, они будутъ угодны Е. Ц. В-ву.“

Спустя нѣсколько времени Бояринъ Аршамовъ Сергѣевичъ прислалъ извиняющіяся въ неучтивости прислуга, бывшаго виною, что я нуждался въ съѣстныхъ припасахъ во время пуши моего, прибавлялъ, что онъ радуется моему пріѣзду и въ знакъ дружбы присылаетъ мнѣ кушанье съ собственной кухни. Въ то же время принесли посланнику $1\frac{1}{2}$ бочки пива, $\frac{1}{2}$ бочки меду, лаханъ свѣжей рыбы, огромной величины дыню, арбузъ и блюдо наливныхъ яблоковъ. Бояринъ присово-

куплялъ, что онъ присылаетъ сіи плоды, дабы посланникъ могъ видѣшь и послѣ рассказать, что не въ одной Италіи или Германіи только, но и въ Россіи есть плоды, неуступающіе вкусомъ чужеземнымъ. Въ шопъ же день перевезли посланника въ одно изъ предмѣстій Москвы.

10 Августа Скульшешусъ вѣхалъ въ Москву. Вѣздъ сей описываетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

„ Въ 9 часовъ приспавъ мой объявилъ мнѣ, что чрезъ нѣсколько часовъ ввезутъ меня въ городъ и что Царь назначилъ ко мнѣ новымъ приспавомъ родспвенника Боярину Аршамону Сергѣевичу Полковника Александра Тихоновича Танѣва, которому и поручено меня встрѣпить. Извѣспившись, что меня ждуть на другой споройѣ Москвы рѣки, я опправиль впередъ обозъ и самъ за онымъ поѣхалъ. Переправившись за рѣку, встрѣченъ я былъ Дьякомъ изъ приказа и полмачемъ, которые сказали, что приспавъ Царскій дожидается на Поклонной горѣ (*).

(*) Извѣстно, что такъ называется гора, лежащая передъ самою Москвою на Смо-

Подъѣхавъ къ оной, я увидѣлъ присѣлава, сошедшаго съ коня и споявшаго посреди дороги съ 50 дѣпей Боярскихъ и приказныхъ служилыхъ. Въ споронѣ была рота конницы въ красной одеждѣ, съ ружьями на плечахъ. Примѣшивъ, что присѣлавъ подошелъ ко мнѣ на нѣсколько шаговъ, я вышелъ изъ кареты. Когда мы сошлись, онъ, прочитавъ весь Царскій шишуль, извѣстивъ меня о своемъ назначеніи, спрашивалъ оспъ имени Государя о здоровьѣ и благополучно ли я доѣхалъ. Когда я поблагодарилъ за милоспъ Е. Ц. В-ва, присѣлавъ подалъ мнѣ руку и подвелъ меня къ двумъ бѣлымъ конямъ, покрытымъ леопардовыми попонами и убраннымъ богатыми сѣдлами изъ красного бархаша, вышитаго золотомъ. Я сѣлъ на одного, присѣлавъ на другаго: для трехъ главнѣйшихъ чиновниковъ посольства приготовлены были также лошади.“ Порядокъ шеспвія былъ слѣдующій:

1. Впереди конная рота въ красныхъ кафтанахъ съ ружьями на плечахъ; 2. за
- ленской дорогъ. Городъ представлялся съ нея во всей красотѣ.

ними приказные въ бѣлыхъ одеждахъ; 3. попомъ 50 дѣшей Боярскихъ, 4. чиновники посольства, 5. два конюшихъ, съ леопардовыми попонами, покрывавшихъ Царскихъ коней, 6. посланникъ по правой, а приславъ по лѣвой споронѣ. 7. За ними служители Царскіе и посланника, и наконецъ 8. старый приславъ съ 10 спѣльцами, шедшими по сторонамъ обоза, сошполявшаго изъ 34 подводъ. — Такимъ образомъ проѣхали они въ Бѣлый городъ, гдѣ отведенъ былъ навремя домъ для посланника.

Отсушествіе Царя, множесство дѣлъ, происходившихъ отъ съѣзжавшихся въ это время 8 посланниковъ разныхъ государствъ, а болѣе всего приближавшійся праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, въ который Царь, по принятому обыкновенію, разгавливался у Папріарха при дни сряду, не позволили Скульпелусу имѣть аудіенціи шотчасъ по его прибытіи. Въ замѣну сего замедленія дворъ старался доставить ему всевозможное удовольствіе: Нѣмцамъ, жившимъ въ Москвѣ и даже иностраннымъ Мини-

спрамя позволили навѣщать его. Самъ посланникъ имѣлъ право ъздити по городу, милость, какою въ то время пользовались немногіе изъ особъ сего званія. На содержаніе посланника отпускалось ежедневно, 2 четверти говядины, $\frac{1}{2}$ барана, 2 части свинины, 3 цыпленка, 1 гусь, 1 утка, 30 яицъ, 2 мѣры масла, 60 хлѣбовъ, 10 копѣекъ деньгами на покупку праныхъ кореньевъ, 2 мѣры пшеничной муки, погарну пива и меду, штофъ водки, 2 четверти овса, возъ сѣна и возъ дровъ.

Наконецъ 18 Августа въ 6 часовъ утра приставъ извѣстилъ посланника, что онъ въ пошъ день удостоится узрѣть свѣтлыя Царскія очи. „Черезъ два часа, говоришь Скульшешусь, явился шолмачъ Іоакимъ Мейснеръ и просилъ меня имянемъ Боярина Матвѣева изъяснить, о чемъ хочу говоришь, во время аудіенціи, дабы заблаговременно это перевести и предсавишь Е. Ц. В-ву. Въ 3 часа пополудни явились на дворъ моемъ 2 всадника въ бѣлыхъ кафшанахъ и въ поже время привели 6 бѣлыхъ коней. Назначенный для меня покрывъ былъ мо

пардовою попоною. Еще чрезъ полчаса явился приспавъ и, одѣвшись въ присланное изъ Царской кладовой платье, предложилъ мнѣ ѣхать. Впереди насъ несли подарки: большое зеркало, обложенное яншаремъ, большое серебряное богапо вызолоченное изображеніе фоншана, шахматы изъ чернаго дерева, украшенные серебромъ и часы съ маяшникомъ. За несшими подарки слѣдовали 22 всадника, пошомъ чешыре моихъ чиновника на царскихъ коняхъ, а наконецъ я по правой рукѣ у присава. По бокамъ шли въ ливреяхъ 8 Царскихъ и 5 моихъ служителей. Во время шестивія прїѣзжали къ намъ нѣсколько разъ гонцы, приказывая ѣхать тише или иногда совсѣмъ останавливаться. На дворцовой площади 13 ропъ пѣхопы сшояло подъ ружьемъ по обѣимъ сторонамъ дороги, по кошорой мы ѣхали. У крыльца, гдѣ мы сошли съ лошадей, встрѣшили меня и присава Полковники. Отдавъ имъ шпаги, мы взошли на крыльцо, ведущее въ церковь, въ которой Царь обыкновенно исповѣдывается (*)

(*) Церковь сія есть Соборъ Благовѣщенія.

и прямо всступили въ огромную залу, наполненную госпями Царскими (купцы именитые). Когда я подошелъ къ аудіенцъ-залѣ, дверь ея была опворена: Царь сидѣлъ на пронѣ; кругомъ были Бояре. Я обнажилъ голову и поклонился при входѣ, а попомъ еще два раза чрезъ каждые 4 шага. Приставъ и полмачъ стояли опъ меня влѣвъ. Между шѣмъ Канцлеръ объявилъ, что Государь позволяешъ мнѣ говорить.

Посланикъ изъяснилъ, что Курфирсъ присылаешъ Государю дружескій поклонъ, желаніе сохранишъ навсегда взаимную любовь и согласіе, сполько споспѣшествующія благу обоихъ народовъ и наконецъ поздравленіе съ благополучно продолжающимся царшвованіемъ Его Величества; вкратцѣ объявилъ, что пріѣхалъ по дѣламъ Имперскимъ, просилъ на-

---

Крыльцо, о которомъ здѣсь говорится, теперь не существуетъ. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ старый дворецъ въ Москвѣ былъ срытъ: остались сполько красное крыльцо, грановишная палата и шерема.

значить чиновниковъ для переговоровъ и, заключивъ желаніемъ Царю многихъ лѣтъ и порученіемъ себя Высокой Его милости, вручилъ Его Величеству вѣрющую грамоту, которую Царь и передалъ Боярину Машвѣву. Государь спрашивалъ о здоровьѣ Курфирсша предъ опѣздомъ посланника; послѣ удовлетворительнаго опѣзна Царской Думы Совѣтникъ Окольниковій Григорій Карповичъ Богдановъ именемъ Государя спросилъ о здоровьѣ посланника. За симъ, когда посланникъ и 4 чиновника его свисти допущены были къ Государевой рукѣ, Богдановъ объявилъ ему, что Его Царское Величество соизволилъ выслушать его, посовѣтуешся о сказанномъ съ своими Боярами и тогда повелишь объявить ему свой опѣзна. Такъ кончилась сія первая аудіенція.

20 было первое совѣщаніе у Скульпешуса съ Боярами. Хотя подробное извѣстіе о сихъ переговорахъ не входитъ собственно въ составъ нашего сочиненія, но они столь любопытны, что, упомянувъ о нихъ, думаемъ доставить удовольствіе читателямъ. Изъ нихъ ясно

увидимъ правила благоразумной политики, коими руководствовался Царь Алексѣй, увидимъ, что Бояре Рускіе, управлявшіе дѣлами внѣшними, если уступали Министрамъ иностраннымъ въ образованіи, то равнялись и, можешь бышь, превосходили ихъ умомъ природнымъ, едвали не важнѣйшимъ всѣхъ приобретенныхъ познаній.

„Когда я пріѣхалъ къ дому посольскаго приказа, говоришь Скульшешусь, вышла ко мнѣ навстрѣчу Дьякъ и провелъ меня по длиннымъ переходамъ въ небольшую, краснымъ сукномъ обишую комнату; въ углу стоялъ столикъ, покрытый серебряною парчею; на немъ была серебряная вызолоченная чернилица и нѣсколько бумагъ. Вскорѣ прибылъ Ближній Думный Григорій Карповичъ Богдановъ съ поварищами Василиемъ Бабикинымъ и Емельяномъ Украинцевымъ, а потомъ и Бояринъ Машѣевъ.

Выше сказано, что Скульшешусу поручено было вооружить Россію противъ Швеціи; недавнее впаденіе Шведовъ въ пограничныя Россійскія области, поселивъ

въ Царѣ справедливое негодованіе противъ Спокгольмскаго кабинета, подавало посланнику надежду успѣшь въ своемъ намѣреніи. Кромѣ сего впаденія Шведовъ война Поляковъ съ Турками весьма занимала нашъ дворъ. Царь Рускій, движимый священной любовію къ Христіанству, отправлялъ посольства ко всѣмъ Европейскимъ дворамъ, чшобъ подвигнуть ихъ противъ наслѣдственнаго врага Христіанскаго имени, самъ послалъ войско на помощь успѣннымъ Полякамъ. Посланникъ не опустилъ сего обстоятельства изъ виду Изложивъ Боярамъ ходъ Имперскихъ дѣлъ, въроломное впаденіе Шведовъ въ Маркграфство Бранденбургское и благопріятный оборотъ дѣлъ Курфирста, присовокунилъ, что сія война со Шведами принудила Государя его употребить противъ нихъ войска, отправленныя на помощь къ Полякамъ, и наконецъ представилъ, что теперь настало лучшее время отомстить Шведамъ за причиненныя обиды и положить предѣлъ ихъ чесплюбію и жадности къ завоеваніямъ. „Шведы, говорилъ онъ, пока-

„ли даже самой Россіи, что не уважа-
 „юпъ договоровъ; миниспры ихъ увѣря-
 „юпъ васъ въ дружбѣ, а войски жгупъ
 „ваши города и грабятъ пограничныхъ
 „жителей. Теперь они въ крайности:
 „казна ихъ испощена, войско упопроб-
 „лено въ Германіи, корабли не вооруже-
 „ны; союзники ихъ оставили. Не пропу-
 „скайте же благопріятнаго случая: пош-
 „лите теперь же своихъ воеводъ въ об-
 „наженную Лифляндію и усмирите дерз-
 „кихъ. Если же, плаша за вѣроломство
 „искренности, не воспользуетесь об-
 „стоятельствами, то будете раская-
 „ваться, и удивите, что Швеція, уси-
 „ленная пришествіемъ сосѣднихъ наро-
 „довъ, сдѣлается спрашною и для васъ
 „— и, можетъ быть, вамъ самимъ будетъ
 „предписывать законы.“

Сіи слова были, можетъ быть, спра-
 ведливы; но сомнительныя дѣла съ Тур-
 ками и память о неудачѣ подъ Ригою
 удерживали дворъ Россійскій отъ войны.

„Хорошо, отвѣчалъ Бояринъ Маш-
 „въевъ, бытъ такъ! Мы признаемъ спра-
 „ведливостъ своихъ требованій: но мо-

„ жемъ ли Царю присовѣловать воору-
 „ жисься прошивъ Шведовъ, когда не зна-
 „ емъ, согласны ли между собою союзни-
 „ ки Курфирста и не видимъ между ними
 „ пошребнаго единодушiя. Легко ли разор-
 „ вашъ вѣчный миръ? Войну начать не
 „ прудно; но, чшобъ кончить ее, сколько
 „ надобно пролить крови Христiанской,
 „ и кто поручишь, каковъ будетъ ко-
 „ нецъ. Царь хочетъ мира; а если заклю-
 „ чаешь насшупашельные союзы, шо про-
 „ шивъ однихъ шолько враговъ Христiан-
 „ скаго имянi. Государь нашъ въ дружбѣ
 „ съ вашимъ; чшобъ показать ее, онъ пи-
 „ саль къ Королю Шведскому и убѣждалъ
 „ его не зашѣвывать неправедной войны:
 „ ждемъ опвѣща — и, что привезеть го-
 „ нецъ, сообщимъ Курфирсту. Между шѣмъ
 „ послы Государевы, отправлявшiеся въ
 „ Швецію, удержаны — и войскамъ Россiй-
 „ скимъ, расположеннымъ между Пско-
 „ вомъ, Новгородомъ и Лукомою, повелѣ-
 „ но собраться на границѣ: собранные,
 „ они принудяшъ Шведскiя войска осла-
 „ вашься въ Лифляндiи и не позволяшъ
 „ врагамъ вашимъ употребить ихъ про-

*

„пивъ Курфирста. Вопшь - все, что мо-
 „жемь сдѣлашь. Дѣлають ли болѣе союз-
 „ники ваши въ Германіи? Жерпвуютъ
 „ли изъ одной дружбы имущесвомъ и
 „жизнію подданныхъ? Государь останет-
 „ся другомъ Курфирсту, и будетъ ему
 „союзникомъ словомъ и дѣломъ, не прер-
 „ветъ съ нимъ сношеній и не опшведетъ
 „войскъ опъ границъ Лифляндскихъ. Бо-
 „лѣ опъ насъ не пребуише.“

Тщечно хитрый посланникъ употре-
 блялъ самое убѣдительное краснорѣчіе,
 дабы склонить Бояръ на свою сторону;
 щещно другіе министры предстатель-
 ствомъ своимъ подкрѣпляли требованія
 Скульпешуса: Бояре остались при своемъ.

Во время пребыванія Скульпешуса
 въ Москвѣ Царь ѣздилъ на богомолье къ
 Троицко-Сергіевской лаврѣ. Посланникъ
 былъ приглашенъ смодрѣшь шоржесп-
 венный Государевъ выѣздъ. Онъ описы-
 ваетъ его слѣдующимъ образомъ.

„19 Сентября въ 3 часа пополудни
 Присавъ объявилъ мнѣ, что время оп-
 правляться. Для посланниковъ были при-
 готовлены особенные подмоспки, оби-

ные зеленымъ сукномъ. Мое мѣсто было подлѣ Цесарскаго посла; далѣе влѣвѣ были Резиденцы Данскій и Польскій. Сперва провели 30 Царскихъ лошадей въ серебряномъ уборѣ и богатыхъ пополахъ. Попомъ слѣдовало верхомъ 4 ропы спрѣльцевъ въ красныхъ кафпанахъ; за ними множесто каретъ; въ концѣ въ золотой Австрійской каретѣ сидѣлъ Его Царское Величество съ двоими Царевичами; кругомъ ѣхали верхомъ Бояре и Боярскія дѣти. Когда Е. Ц. В-во проѣзжалъ мимо насъ, мы поклонились; Государь снялъ шапку и попомъ отправилъ Думнаго Григорья Карповича спросить каждого изъ насъ о здоровьѣ; подобные вопросы были намъ дѣланы и опъ имяни Царевичей.

2 Октября Царь возвратился изъ своей поѣздки; 4 посланникъ Бранденбургскій получилъ отпускную аудіенцію. Въ опвѣстной къ Курфирсцу грамотѣ Государь извѣщаль, что гонецъ, посланный въ Швецію, возвратился и привезъ письмо, въ коемъ Шведское правительство упркало Курфирста въ нарушеніи мира. Царь

увѣрялъ, что и впредь сообщать будетъ Курфирсту о сношеніяхъ своихъ со Швеціею. Скульшенусъ, видя, что первыя покушенія его не удались, прибѣгнулъ еще разъ къ Боярину Матвѣеву, представлялъ, что грамаица Царя не соотвѣтствуетъ дружбѣ его съ Курфирстомъ и заспавляешъ думать, что Шведамъ вѣрнѣе болѣе, нежели его Государю, между тѣмъ какъ всему свѣшу извѣстно, что они были нарушителями покоя. „ Зна-
 „ емъ, отвѣчалъ Матвѣевъ, что Шведамъ
 „ вѣрнѣе нельзя; но Царь между вами не
 „ судья, а извѣщаетъ Курфирста объ
 „ опившѣ Шведовъ, а Шведамъ даетъ
 „ знать о вашихъ письмахъ. За чѣмъ намъ
 „ безъ причины нарушать миръ и вое-
 „ вать Лифляндію? Государь назначилъ
 „ Окольниковъ Василья Семеновича Во-
 „ лынскаго съ поварицами на съѣздъ съ
 „ послами Шведскими: съѣздъ сей будетъ
 „ на границѣ въ Декабрѣ. Наши послы
 „ предложатъ Шведамъ войну или миръ.
 „ До того времени войски Царскія не опой-
 „ дутъ опъ Лифляндіи, и Курфирсту сво-

„боднѣе будеть управляшься со врагами
„своими въ Помераніи.“

Симъ кончились переговоры. 7 Октяб-
бря посланникъ Бранденбургскаго Курфир-
ста отправился по прежней дорогѣ въ
обратный пушь, получивъ на издержки
110 рублей изъ Царской казны: при отъ-
здѣ подарено ему было я сорока соболей.

Скульпешусъ былъ принятъ въ Мос-
квѣ опличнымъ образомъ: во время пуб-
личныхъ церемоній имѣлъ онъ мѣсто пе-
редъ Дашскимъ и Польскимъ Резидента-
ми; иногда первый изъ нихъ жаловался
на таковое преимущество — Бояре отъвѣ-
чали: что Дашскій посланникъ не чу-
жой, ибо живеть въ Москвѣ давно и на
своемъ содержаніи, между тѣмъ какъ
Бранденбургскій считається гостемъ и
проживаетъ на счетъ двора. Изъ отчета
Скульпешуса видимъ, что обычаи пред-
ковъ нашихъ въ послѣдніе годы царство-
ванія Алексѣя Михайловича очень сбли-
зились уже съ Европейскими: примѣны
однакожь слѣды той излишней недовер-
чивости, какіе находимъ шеперь еще у
разныхъ Азіатскихъ народовъ. Отчетъ

Скульптешуса помѣщенъ въ 9 части Бишингова Историческаго и Географическаго магазина (*). Кромѣ извѣстій, собственно до его порученія касающихся, можно найти въ ономъ любопытныя свѣденія о пребываніи въ Москвѣ Цесарскаго посланника Барона Бошпони и о намѣреніяхъ Россійскаго двора прошиву Турокъ.

О. Корниловичъ.

(*) Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Ant: Friedr. Büsching. Halle 1775. IX S. 1—76.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ
РОССІЙСКАГО ФЛОТА (*).

ВВЕДЕНІЕ.

Въ началѣ X вѣка подвиги Рускихъ на водахъ были уже знамениты: исторія повѣствуетъ, что Олегъ, выступивъ изъ Кіева по Днѣпру съ 2,000 легкихъ

(*) Введеніе и начало сей исторіи были читаны и одобрены въ ученомъ собраніи Государственнаго Адмиралшейскаго Департамента, 1822 года, Іюля 28 дня. Сочинитель, приступая къ симъ трудамъ по волѣ начальства, проситъ ГГ. любителей отечественной исторіи не оставивъ его своими замѣчаніями и критикой, необходимыхъ для всякаго занимающагося симъ родомъ сочиненій.

судовъ, изъ коихъ на каждомъ было по 40 человекъ, прошелъ Черное море, обложилъ Константинополь, взялъ послѣднюю для Грековъ дань и прибилъ щипъ свой на вратахъ Царя-Града.

Вскорѣ видимъ водоополченія Игоря подъ Константинополемъ, испребленные Греческимъ огнемъ и послѣ опять порожествующими; попомъ Святослава, воюющаго съ успѣхомъ прошиву Болгаръ на Дунаѣ — и другіе походы Россіянъ: но тогда флоты сіи служили только для перевоза воинствъ; битвы ихъ были безпорядочными сраженіями, въ коихъ личная храбрость и сила одерживали побѣду — и попому повѣствованіе о движеніяхъ водоополченій тогдашняго времени принадлежитъ болѣе къ исторіи народной, нежели къ исторіи флота.

Повѣствованіе о морскихъ силахъ Россіи начинается со временъ Петра Великаго, перваго основателя флотовъ — и промежутковъ семи вѣковъ представляеть намъ неясное изображеніе одного торговаго и прибрежнаго мореплаванія, въ то время, какъ другія страны уже по

нѣскольку столѣтій гордились флотами, возвыщавшими на моряхъ славу своихъ государствъ.

И такъ, ежели въ древности не находимся ничего для исторіи военныхъ флотовъ: поспѣдимъ по крайней мѣрѣ раскрыть въ ней причины столь позднаго образованія Россійскаго мореходства.

Во всѣхъ государствахъ торговля была предшественницею и причиною основанія силъ морскихъ. Въ древнія времена Финикіяне, Карфагеняне, Греки — въ новѣйшія Генуэзцы, Венеціане, Испанцы, Голландцы и Англичане могутъ служить тому примѣромъ. Каждый народъ, получая политическое существованіе, чувствуетъ необходимость торговли, истиннаго источника народнаго изобилія. Вода, стихія, копорую человекъ умѣлъ подчинить своей власти, нося на себѣ величайшія тягости, представляеть удобнѣйшія средства для сообщенія произведеній народовъ и частей свѣта между собою. Рѣки и моря, обладаемыя государствами, составляютъ ихъ силу и богатство, давая жизнь и движеніе пор-

говлѣ посредствомъ мореплаванія. Но не-
совершенство челоуѣковъ и дѣль ихъ ус-
воиваетъ на каждое добро участокъ зла,
неизбѣжнаго въ семь свѣтъ: торговое
государство, учиняясь богатымъ, не за-
медляетъ возбуждать въ другихъ наро-
дахъ зависти, недоброжелательства и
желанія вреда чуждому благополучію. По-
кушенія, опасныя для торговли и море-
плаванія, заставляють брать предостро-
жности: морскія силы вооружаются—
и такимъ образомъ произхождение фло-
товъ беретъ свое начало.

Въ Россіи всегда была коммерція;
успѣхи ея всегда были важны: но силы
морскія получили образованіе только въ
исходѣ XVII столѣтія. Разсмотримъ же
теперь, не была ли коммерція Россіи
тому причиною (1).

Еще до Р. X. Славяно-Руссы, или во-
обще Скиѣы, гранича къ востоку и югу
съ сильнѣйшими непріятелями и вмѣстѣ
предпочишая плодородіе Низовыхъ зе-
мель, селились болѣе около восточныхъ и
южныхъ краевъ нынѣшней Россіи. Опъ
Дуная по берегу Чернаго моря, чрезъ

Днѣпръ и Азовское, владѣя Крымомъ и распространяясь опять около береговъ Чернаго моря, мимо подошвы Кавказа даже до Каспійскаго, сіи народы изобиловали земными произведеніями въ сихъ спранахъ благословенныхъ. Хлѣбъ, пенька, рыба, мѣхи и невольники соспавляли мѣну Россовъ-Скиѳовъ на необходимыя жишнейскія пошребности. Танаисъ или нынѣшній Азовъ, построенный Греками, былъ главнымъ мѣстомъ торговли сего края.

Спуспя многіе вѣки, распространившееся народонаселеніе и торговля умягчили нравы Россовъ. Города начали строиться, законы основались, торговля открыла источники богатствъ въ новообразовавшемся государствѣ, названномъ Русью. Серебро, золото, жемчугъ, драгоценные каменья и другіе предметы роскоши замѣнили мѣсто произведеній, необходимыхъ для первыхъ нуждъ человѣческихъ. Богатый Кіевъ, стоя на Днѣпрѣ, видѣлъ въ спѣнахъ своихъ множество иносшанныхъ поселенцовъ, привлеченныхъ выгодами обширной шоргов-

ли. Суда Кіевскія, вмѣстѣ съ судами Новгородскими, Черниговскими, Смоленскими и другихъ городовъ, собравшись въ городкѣ Вишичевѣ, нагруженные товарами, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, шли къ Днѣпровскимъ порогамъ и проходили ихъ съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ. Часпо суда выпаскивались на берегъ, дабы миновать опасныя мѣсна и пороги, шпацились волокомъ по землѣ, спускались снова на воду и такимъ образомъ достигали Месимврии, перваго Греческаго города (2). Черное море, покрывшее Рускими кораблями, называлось тогда Рускимъ (3), по свидѣтельству нашихъ и Визаншійскихъ лѣтописцевъ.

Въ Каспійскомъ морѣ Аспрахань, или лежавшій въ 8 верстахъ выше по Волгѣ городъ былъ главнымъ мѣстомъ торговли Болгарь, обитавшихъ по берегамъ моря и Волги. Товары Персіи, Индіи, Бухаріи шекли чрезъ сей городъ въ Россію и въ Нѣмецкія земли, а по сосѣдству Дона въ Грецію, Испалію и Францію.

Чердынь въ Великой Перміи былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Персид-

скихъ и Индѣйскихъ, шедшихъ по Волгѣ до Камы и сею до самаго Чердыня.

И такъ Кіевъ, Аспраханъ и Чердынь были главными мѣстами южной торговли Россіи съ Европою и Азіею. Торговля же сѣвера, не упоминая о Винетѣ, славномъ городѣ Славянъ, жившихъ до Р. X. на южномъ берегу моря Варяжскаго, городъ, послѣ разоренномъ Датчанами, съ поспроеніемъ Ладоги обратилась въ сію славную въ то время пристань, откуда Рускіе корабли, чрезъ Ладожское озеро, ходили Невою въ Финской заливъ и Балтійское море до Голланда, на коемъ городѣ Визби, прежде открытія прохода въ Индію около мыса Доброй надежды, былъ для всей сѣверной Европы мѣстомъ складки Персидскихъ и Индѣйскихъ товаровъ, шедшихъ чрезъ Россію.

Вскорѣ, по разширеніи Новгородскаго Княженія, просширавшагося къ сѣверу до Бѣлаго моря, къ востоку до самой рѣки Печоры, а къ западу до Рижскаго залива, Новгородъ возросъ торговлею до высочайшей степени могущества, владѣя богатствами почти всего сѣвера, мѣняя

товары на собственныхъ корабляхъ (4) и принимая госпией чужеземныхъ, пекущихъ во множествѣ для поселенія и учрежденія своихъ коншоръ въ семь знаменитомъ городѣ.

Въ Бѣломъ морѣ Славяно-Россы производили торговлю мѣхами и другими товарами съ Норманнами, Шведами и Дашчанами. Изъ Холмогоръ, богашаго купеческаго города на Двинѣ, суда Рускія распространялись по Бѣлому морю, около береговъ Норвегіи и даже въ Сѣверное или Нѣмецкое море.

Въ Сѣверный океанъ рѣкою Печорою изъ Чердыни шли восточные товары для сѣверной Европы. Для сего караваны Персидскіе и Индѣйскіе, приходя къ устьямъ Волги, перегружались въ мѣлкія суда и сею рѣкою шли до Камы, изъ Камы въ Вишуру, отшуда въ Колву, въ Вишурку, въ Чусовое озеро, изъ него въ р. Вогулку, а изъ сей въ Еловку; здѣсь товары перегружались на лошадей, а суда перешаскивали Печорскимъ волокомъ чешыре версты — и, нагрузаясь опять на р. Волосницѣ, плавали по ней въ Печору, а

сею уже въ Сѣверный океанъ. Другой путь сихъ каравановъ въ Бѣлое море былъ слѣдующій: прошедъ до Чусоваго озера, подымались изъ него по р. Березовкѣ, отдѣляющейся къ Двинѣ и осплывляющей вправѣ путь въ Печору; изъ Березовки, Бохонинымъ волокомъ на 7 верстѣ, перебирались до Камы или Кемы, а сею плавали до Скиѣскаго или Бѣлаго моря.

Великіе Князья Россійскіе, поспавляя торговлю однимъ изъ первыхъ предметовъ своей полишки, старались о распространеніи оной, заселяли порѣчныя мѣста и, строя вновь торговля города, обезпечивали шѣмъ свои заселенія. Такимъ образомъ Ярославъ привелъ въ сильнѣйшее движеніе Пермскую и Корельскую торговлю и оградилъ Новгородскую поспроеніемъ Юрѣва.

Южный и сѣверный предѣлы Россійской торговли, соединяя Европу съ Азією, вознесли Россію на высокую степень богатства и могущества; распространеніе мореплаванія доставило оной союзы сильныхъ державъ и коммерческихъ народовъ. Олегъ и Игорь заключили съ Гре-

ками въ X вѣкѣ торговые договоры; Великій Новгородъ въ XIII столѣтіи вступилъ въ союзъ Ганзейскихъ городовъ для обезпеченія своего кораблеплаванія отъ рабобоевъ Норманновъ и другихъ сѣверныхъ народовъ.

Предсказавивъ картину торговли, въ семь мѣстѣ прилично сказать о судахъ, употреблявшихся для мореплаванія древнихъ Россіянь.

Лѣтописи не оставили ясныхъ преданій о постройкѣ погдашнихъ судовъ; извѣстно только, что корабли или лодки значили одно и тоже (5) и были вначалѣ небольшія лодки, сплетенныя изъ прутьевъ и обтянушыя кожею (6), что видно и доселѣ у всѣхъ народовъ, коихъ мореходство еще въ младенчествѣ; но въ послѣдствіи времени, хотя имя кораблей осталось тоже, но образъ построения измѣнился и люди Россіянь могли уже подымать по 40 человекъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ (7).

Константинъ Багрянородный, описывая торговлю Рускихъ X вѣка, говоритъ, что употребляемыя для торговли суда

состояли изъ одnodеревыхъ лодокъ (*моно-*
ксила), изготовляемыхъ выше Кіева по
Днѣпру Славянами и, по вскрытіи льда,
пригоняемыхъ въ Кіевъ, гдѣ уже Россія-
не снабжали ихъ всѣми нужными къ
плаванію вещами, грузили поварами и
шакъ плавали на нихъ до Константино-
поля (8). Свидѣтельство другихъ исто-
риковъ открываетъ, что дѣйствительно
дно сихъ лодокъ было изъ одного цѣля дли-
ною въ 60 футовъ, а бока плетеные и об-
шитые кожею возвышались на 12 футовъ,
какъ говоритъ Зонара, называя ихъ такъ-
же *Монохули*, или одnodеревыми (9). —
Константинь передалъ намъ память о
таковыхъ семи Рускихъ судахъ, находив-
шихся въ 955 году при Греческомъ фло-
тѣ и на коихъ было 415 человекъ, что
составитъ почти по 60 человекъ на каж-
дое судно, называя оныя *Росѣ каравіа* (10);
послѣ въ 949 упоминаетъ еще о девяти
Рускихъ корабляхъ также подъ именемъ
Русика каравіа (11). Суда сего построе-
нія были не только у однихъ Руссовъ или
Варяговъ, или тогдашнихъ Норманновъ,
но и прежде сего у Римлянъ, когда Юлій

*

Цезарь велѣлъ сдѣлать оныя по образцу найденныхъ имъ у Бришшовъ и назвалъ ихъ также *carabus* (12). Сходство словъ: *carabus*, *каравіа*, *каравіанѣ* и *корабль* и самое происхожденіе слова *корабль* отъ *кора*, *короблю*, внушая понятіе о поспрѣшеніи судовъ сихъ, даетъ поводъ заключить, что бока ихъ были гнушыя или плетеные, вначалѣ обитыя корою или кожей (13).

Вмѣщая большое число людей, лодіи, или ихъ подводная часть, дѣлаемая изъ одного дерева, долженствовала быть очень велика; но Иосафанъ Барбаро говоритъ, что на берегахъ Волги росли деревья, изъ коихъ можно было выдалбливать лодки, поднимавшія 10 лошадей и 20 человекъ (14).

Сии лодіи, не смотря на свою величину, были очень скоры находу, легки для переволоковъ по сухому пуши, причемъ иногда поддѣлывали къ онымъ колеса (15), иногда носили даже на плечахъ; управлялись они двумя рулями съ носу и кормы, такъ, что могли, не обращаясь, идти въ ту или другую сторону (16). Па-

лубы на нихъ не было, а первыя крышыя суда изобрѣнены Изьяславомъ (17); мачша съ однимъ парусомъ служила только для попушныхъ вѣтровъ. О легкости Рускихъ судовъ говорятъ: Констаншинъ (18), Лиупрандъ (19) и Олай Магнъ (20); послѣдній былъ очевидцемъ, какъ Рускіе уже въ 1519 году, во множествѣ приходившіе торговать въ Торнео, носили на плечахъ длинныя лодки свои, состроенныя изъ еловаго дерева и поднимавшія осьъ во до 25 человекъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что суда сего построения могли употреблялись для торговли и плаванія въ опдаленные края, когда уже въ XVII столѣтій *шитики*, на которыхъ ходили по Ледовитому морю для промысловъ, были не что иное, какъ лодки, сдѣланныя изъ досокъ, сшитыхъ прутьями и прикрѣпленныхъ къ ребрамъ ремнями; промежутки были заштыканы мохомъ вмѣсто конопати, а швы снаружи обшиты дранью для предохраненія мха; палуба покрывала суда сіи, которыя, не взирая на такую непрочную постройку, ходили далеко въ море и безбоязнен-

но вдавались въ опасности отъ плавающихъ льдовъ по сему океану (21).

Равнымъ образомъ Козачьи лодки въ семь же сполвпнн мало отличались отъ лодій древнихъ Россіянъ; были бо фушовъ длиною, 10 или 12 шириною и дѣлались изъ выдолбленной явы или липы, длиною около 45 фушовъ, возвыщаясь досками 12 фушовъ вдлину, фушь вширину, пришиваемыми въ наборъ одна на другую такимъ образомъ, что къ верху, бывшему безъ палубы, доски шли расширяясь. После лодки сіи смолились и вооружались отъ 12 до 15 весель съ каждой спороны, рулями съ каждаго конца, мачшою съ парусомъ, довольно дурно сшитымъ и рѣдко употребляемымъ, пошому что Козаки охотнѣе гребли, нежели ходили на парусахъ во всякую, даже попутную, погоду. На сихъ дурнопоспроенныхъ лодкахъ они пуокались весьма далеко въ Черное море, и ежели Турецкія галеры запирали имъ входъ въ устье Днѣпра у Очакова, тогда они въ бухтѣ, недалеко отъ устья, вышаскивали лодки свои, волокли вокругъ города въ Леманъ, и такимъ образомъ ус-

пѣвали дня въ два отпраляться вверхъ по Днѣпру съ добычей (23).

Слово лодія не означало малыхъ судовъ и давалось только двумъ родамъ большихъ лодокъ, что явствуетъ изъ законовъ Владиміровыхъ, гдѣ упоминается о самыхъ большихъ судахъ подъ названіемъ *морскихъ лодій*, потомъ за ними о *набойныхъ лодьяхъ*. Меньшія суда были *струги* и *голы* (24). По мнѣнію ученаго Круга (25), набойная лодья значила прежде описанное плетеное и кожею обитое или обшитое судно, и потому называлось *набойнымъ*, что щели и скважины *набивались*, а плетеная бока *обивались* кожей; но не сходнѣ ли слово *набойное* съ *наборнымъ* или шакимъ судномъ, на которое набиваются или набираются доски, край на край, одна на другую, какъ и доселѣ дѣлающа и говорятся, и ежели первоначальныя Рускія лодыи были кожаныя, нельзя сомнѣваться, чтобы оныя въ послѣдствіи времени не дѣлались наборными.

Впрочемъ, каковы бы ни были древнія суда Россіянъ, и ежели оныя не сход-

символами съ прочими Европейскими судами, но и не опличались много отъ оныхъ, во первыхъ пошому, что Варяги или тогдашніе Норманны, призванные въ Россію, были сами опытные мореходцы, имѣли частыя сношенія торговлею съ Константинополемъ, другими народами и, служа часно на флотахъ Греческихъ (16), могли видѣть образъ и устройство судовъ ихъ; другое, что невѣденіе компаса, ограничивая мореходство всей Европы прибрежнымъ плаваніемъ, требовало единообразныхъ правилъ для построй- ки судовъ, измѣнявшихъ видъ свой по- лко по мѣстнымъ обстоятельствамъ береговъ, около которыхъ плавать надле- жало. Сверхъ сего дружественныя сно- шенія Россіянъ со многими государст- вами, обширная ихъ торговля, даже усло- вія, вынуждаемая у Грековъ войною (27), доказывали въ Рускихъ ту же степень образованія и даже больше познанія правъ человѣчества, нежели у другихъ народовъ. Когда варварское береговое право всѣхъ Европейцевъ, даже въ позднѣйшія время- на, не разбирая друзей и непріятелей,

дѣлало плѣнниками несчастныхъ плавателей, разбивавшихся у береговъ, и овла- дѣвало ихъ шоварами: тогда Рускіе, при кораблекрушеніяхъ, почитали имущество союзниковъ неприкосновеннымъ, провож- дали безвредно шловцовъ въ ихъ отече- ство — и всякое оскорбленіе, сдѣланное не- счастливымъ, почитали преступленіемъ.

Въ такомъ положеніи было образо- ваніе, торговля и мореплаваніе Россіянъ древнихъ времянь, какъ вдругъ ложная Молистика Владиміра, раздѣлившаго госу- дарство, нанесла первый ударъ могуще- ству Россіи. Раздоры начались; Князья одного княженія, по ненависти къ друго- му, захватывали на своей землѣ чужихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ съ шова- рами: такъ Князь Давидъ Ярославичъ захватилъ Греческихъ купцовъ въ Олещ- вѣ, Всеволодъ Ольговичъ, досадуя на Нов- городцевъ, велѣлъ ловишь ихъ гдѣ бы шо ни было, опнимашъ ихъ имѣніе и шова- ры, а самихъ сажашъ въ шемницы, и проч. Неуспройства сіи нарушили свободу торговли; страшные разбои по Волгѣ и Окѣ прекратили совершенно пушь това-

ровъ и плаваніе; Новгородъ потерпѣлъ сильные удары, нанесенные его богатству и кредити; Россія, раздираемая междоусобіемъ, клонилась къ паденію.

Наконецъ волны варваровъ опъ Каспійскаго моря пошекли въ Россію. Князья удѣльные, вмѣсто того, чтобы общими силами посшавишь оплошь своимъ поработишелямъ, раздѣленные враждами, спокойно смощрѣли на поспешенное завоеваніе опечешва, и вскорѣ южная торговля Россіи, попрясенная въ своемъ основаніи, перешала бышь ея подпорю съ сей стороны. Татары разорили Кіевъ; многіе южные города выжжены и испреблены; Липовцы, пользуясь смашеніями, вступили въ Смоленскія обласпи—и мореплаваніе спранъ сихъ изчезло съ свободою шорговли Россіянъ.

Сѣверная торговля Великой Перміи, остановленная въ своемъ источникѣ, изсякла; сънею вмѣстѣ и Холмогорская; одинъ только Новгородъ продолжалъ посылашь корабли свои въ Балшійское море и караваны по сухому нуши въ Лифляндію и Финляндію; но и здѣсь усиливающіеся Шве-

ды поспроили въ устьѣ Невы Ніеніанць, копорый, хопя и переходилъ въ руки Новгородцевъ, но часпо заставлялъ ихъ довольствоваться одною сухопушною торговлею чрезъ Ревель и Нарву съ Ганзеа-лическими городами.

Прошекли два спольшія и мало по малу начали разсвѣяваться шучи, облежавшія Россію. Великій Князь Іоаннь Васильевичъ III, опразивъ Тамаръ, первымъ долгомъ почель возстановишь коммерцію. Посольство къ Баязешу въ Константинополь возобновило южную торговлю въ Крыму, Кафѣ и другихъ Турецкихъ обласняхъ съ Лифляндскими и Эспландскими землями; подтверждены условія для обезпеченія сѣверной торговли; Индѣйцамъ позволено свободно торговать по Россіи.

Поспигая причины несчастій своего опечесства, Іоаннь думалъ соединишь раздѣленные часпи онаго; Республики Вяшская и Псковская были уже присоединены къ общему соспаву Россіи, но оставалась Новгородская, сильная, богашая, подкрѣп-ляемая Ганзейскими городами Республика, и соспавлявшая въ нѣдрахъ Россіи особен-

ное государство. Она пала подъ ударами Иоанна; торговля ея, равно какъ Искова и Вятки, подвежена подъ общія поспановленія — и, измѣнивъ права и видъ свой въ союзѣ Ганзы, приблизилась къ упадку.

Царь и Великій Князь Іоаннъ IV, взявъ у Поляковъ Полоцкъ, покоривъ Казанское и Аспраханское Царства, опнявъ у Шведовъ Нарву, Юрьевъ, завоеванный въ 1501 году у Рускихъ — и, желая обезсилить Эстонию и Ливонию, построилъ подлѣ Нарвы Иванъ-городъ, заселилъ множествомъ Рускихъ купцовъ и сдѣлалъ складочнымъ мѣстомъ сѣверной торговли.

Казалось, что, не взирая на медленный ходъ возраждающейся коммерціи, несчастія, претерпѣнные Россією, могли бытъ вознаграждены сими пріобрѣтеніями: но чѣстолюбивый Іоаннъ, не забоясь, чтобы завоеваніемъ Аспрахани и Казани открылъ дорогу для южной торговли, обратился съ грозою на вновь непокорныхъ Новгородцевъ. Раздраженный ихъ упорствомъ, вмѣсто того, чтобы кроткими способами внушить послушаніе, не удовольствовался тѣмъ, что поко-

рилъ, разорилъ и испребилъ жестокимъ образомъ множество гордыхъ Республиканцевъ, Иоаннъ расселилъ оспашокъ жителей въ отдаленнѣйшіе города — и Новгородъ, остававшійся въ цвѣтущемъ состояніи, не взирая на перевороты счастья Россіи, утратилъ политическое и коммерческое существованіе. Сими самымъ Иоаннъ нанесъ рѣшительный ударъ сѣверной торговлѣ. Новгородъ, превращенный въ развалины, не возставалъ болѣе — и Нарва, которою Грозный хотѣлъ замѣнить сей городъ, не могла быть для Россіи тѣмъ, чѣмъ была древняя ея столица. — Во время сихъ переворотовъ, когда открытіе компаса въ Европѣ, перемѣнивъ образъ построенія кораблей, дало отважность мореплавателямъ пуститься неизвѣданными пучинами для поисковъ и пріобрѣтенія новыхъ богатствъ, Россіане, своими несчастіями оставшіе отъ другихъ народовъ, утратили свою торговлю, мореплаваніе, а вмѣстѣ и надежду учрежденія собственныхъ флотовъ. Когда другіе Европейцы, вооруженные благодѣтельнымъ компасомъ, обходили цѣлый

свѣсть, опыскивая невѣдомыя страны, и, осягощенные корыстными, обоготчили свои государства, Россіане, промѣнявъ Татарской плѣнь на грозное правленіе Іоанна, подѣ страхомъ смерти, не смѣли выѣзжая изъ своего опечества, обоготчили чужестранцевъ, приходившихъ къ нимъ кораблями, сами же, видя свободу и промышленность заключенными въ плѣсныя предѣлы, приучились мыслить, что всякое нововведеніе есть поступокъ, противный Религіи и повиновенію законной власти.

Со всѣмъ тѣмъ поступки Іоанна не соотвѣтствовали его намѣреніямъ: онъ помышлялъ о просвѣщеніи подданныхъ, видѣлъ пользы своего государства; но часто жертвовалъ ими власнолюбивымъ видамъ. При немъ введена шерпимость върѣ, выписаны иностранцы для службы и учрежденія полезныхъ художествъ, заведена типографія и, открытиемъ порта въ Архангельскѣ, приведена въ движеніе торговля на сѣверѣ, пристра лишь бездѣйственная. Англичане, Шведами недопущенные къ Нарвѣ, возвращаясь въ Лон-

донь, составили компанію и отправили въ Сѣверное море шри корабля для открытія неизвѣстныхъ земель и ошысканія прохода въ Индію. Одинъ изъ сихъ кораблей, подъ начальствомъ Ричарда Ченселора, разлученный бурей съ другими, попалъ въ Бѣлое море и, преслѣдуя свое предпріятіе, дошелъ до Двины, гдѣ ошановился у монастыря Св. Николая. Видя возможность завести здѣсь торговлю, Ченселоръ отправился въ Москву и выпросилъ у Грознаго привиллегію Англичанамъ беспошлинно торговать у Архангельска (23), вскорѣ возникшаго, куда селеніе и купечество перенесено было изъ Холмогоръ. Вскорѣ Голландцы, Гамбургцы, Шведы, Данчяне, Бременцы и другіе начали посѣщать сей городъ. Грозный, предполагавшій завести еще въ Нарвѣ свое кораблеплаваніе, но ошановленный въ семь предпріятіи зависшію и вмѣстѣ мщеніемъ за Новгородъ Ганзеатическихъ городовъ, положившихъ сдѣланнымъ въ Любекѣ пошановленіемъ не посылать въ Нарву своихъ судовъ, ни даже ошпускать въ Россію масперовыхъ

по части караблестроительной (29), выписалъ въ 1581 году изъ Голландіи къ Архангельску корабельныхъ мастеровъ и мапсоровъ для зеведенія верфи и плаванія (30). Въ самомъ дѣлѣ построень былъ галіотъ, отправленный въ Сѣверный океанъ для открытій — и два года продолжались его поиски къ востоку; но въ 1584 году у рѣки Оби экипажъ сего судна былъ перебитъ и судно испреблено Самоѣдами, тамъ обитающими (31). Завоеваніе Сибири, открывъ новую вѣтвь промышленности для Россіи, отклонило вниманіе Іоанна въ ту сторону — и первую неудачею постройки корабля въ Архангельскѣ окончилось покушеніе завести тамъ мореходство.

Хотя возникающая торговля Архангельска и Астрахани могла бы привести сама по себѣ Россіянъ къ сему же предмету; но новыя несчастія не умедлили посѣщать Россію. Междоцарствія начались и наполнили государство смутеніями. Лжедмитрии ввели за собою Поляковъ, которые овладѣли Москвою, Смоленскомъ и другими городами; Шве-

ды, подъ видомъ вспоможенія, разграбили Новгородъ, Ладогу, Орѣшекъ и другіе, жгли и разоряли повсюду. Россія избавилась помощію Вышняго Промысла отъ бѣдъ сихъ; но опустошенная, безъ порядка, безъ торговли, истощенная во всѣхъ силахъ государственныхъ.

Съ восшествіемъ Романовыхъ на престоль заря спокойствія возшла на небосклонъ Россіи. Царю Михаилу Теодоровичу многого споило, если не совсѣмъ излѣчишь, по крайней мѣрѣ закрыть раны, нанесенныя опечеству предшествовавшими бѣдствіями. Съ Швеціею, Лифляндіею, Персіею, Турціею возобновлена торговля; приложено особенное стараніе объ Архангельскѣ; съ Кішаемъ учреждены торговыя сношенія.

Царь Алексѣй Михайловичъ ввелъ новые законы, основалъ регулярное войско, призвалъ отовсюду иностранцевъ для ремеселъ и художествъ и, видя процвѣтающую въ Архангельскѣ торговлю, помышлялъ объ южной. Приобрѣтеніе Кіева и всей Малороссіи дало дорогу коммерціи на Черномъ морѣ; миръ же съ Польшею,

развязавъ руки Царю, позволилъ ему дальнѣйшія предпріятія о Каспійскомъ, на копоромъ онъ вознамѣрился завести флотъ для обезпеченія значительной съ Персами шорговли, отправалявшейся каранами въ Россію, не безъ опасносги по сухому пути отъ разбоевъ сосѣднихъ кочующихъ народовъ, а моремъ отъ безпркойныхъ Козаковъ.

Голландцы, заведшіе въ XV вѣкѣ, послѣ покоренія Новгородода, свои конторы въ Москвѣ, съ сего времени отправаляли къ Россійскому двору посланниковъ. Бывшій первымъ лицомъ при посольствѣ Якоба Бореля Иоганъ Фанъ Сведень (32) служилъ Царю совѣтомъ и дѣломъ. Въ селѣ Дѣдновѣ (33), лежащемъ въ 15 верстахъ ниже впаденія рѣки Москвы въ Оку, заложена была подъ управленіемъ Фанъ Сведена верфь, на копорой въ скорости начали строеніемъ небольшой фрегаты и яхты; посланникъ же Россійской, Бояринъ Михайль Никишичь Головинъ, отправаленный въ Голландію, долженъ былъ пригласить въ Россійскую службу офицеровъ и служилелей. Капи-

шанъ Давидъ Бушлеръ, племянникъ Фанъ Сведена, Ламбертъ Якобсенъ Гельшъ, Виллемъ Бареншсонъ Клопперъ, Диркъ Пишорсъ, много другихъ чиновниковъ и нижнихъ служителей отправились въ шопъ же годъ, и на слѣдующій выѣхали и другаго масшерства люди (34). Сии послѣдніе прибыли въ Москву уже по кончинѣ Фанъ Сведена, со смертію котораго не прекратилось однако же предпріятіе Царя, поручившаго управленіе верфи Корнелису Бокговену, вызванному въ Россію посланникомъ Ильей Милославскимъ съ опцемъ его Исаакомъ въ 1645 году (35). Бокговень докончилъ съ успѣхомъ постройеніе яхты и фрегата, названнаго Орломъ и украшеннаго великолѣпнымъ гербомъ Царскимъ. Бушлеру поручена была команда фрегата, а Гельшу яхты; вмѣстѣ съ ними отправлялись подъ начальствомъ Паулуса Рудольфа пасынокъ его Лодевикъ Фабриціусъ, Капитанъ Николасъ Фанъ Шакъ, племянникъ Бушлера, и много другихъ Голландцовъ для торговли (26).

Изготовясь вооруженіемъ и запас-

шись всѣмъ нужнымъ для заведенія въ Аспрахани новой верфи и постройкѣ судовъ, отправились они изъ Дѣднева по Волгѣ. Плаваніе было весьма затруднительно, по причинѣ мѣлей.

Когда они прибыли въ Аспрахань, безпокойства и смятенія въ семь городѣ воспрепятствовали отправленію судовъ по назначенію въ Персію. Спенька Разинъ, Донской Козакъ, поднявшій знамя возмущенія, явился подъ стѣнами Аспрахани, въ которой распространилось уныніе и наконецъ открылся бунтъ. Иностранцы, пріѣхавшіе на новопостроенныхъ судахъ, опасаясь дурныхъ для себя слѣдствій, рѣшились пошхоньку убѣжать на шлюбокѣ и, не дождавшись Капитана Бушлера, Констанцеля и вмѣстѣ корабельнаго плотника Карштена Бранша и Лѣкаря Термунда, пустились по открытому морю въ Персію (37).

Вскорѣ отворились вѣтры Разину: Аспрахань стала позорищемъ неслыханныхъ злодѣйствъ — и въ сіе по время разбойники сожгли фрегатъ Орель, лѣхту и другія бывшія на рейдѣ суда для воспре-

напслвованія побѣгамъ въ союзную Россію Персію. Капитанъ Буплеръ, Брантъ и Термундъ едва также ушли въ Персію (38), откуда отправились до опечесства своего. Двое послѣднихъ возвратились опять въ Россію, гдѣ первый промышлялъ сполярнымъ, а второй врачевнымъ искусствомъ (38).

Разинъ пріять достойную казнь: Аспраханъ успокоилась; но бунтовщики, испребивъ суда, уничтожили предпріятія и надежды Царя Алексѣя Михайловича.

Пробѣжавъ сей рядъ произшествій исторіи торговли Россійской, ясно можно видѣшь, какимъ образомъ несчастные политическіе перевороты, вредя успѣхамъ торговли, замедляли пѣмъ самымъ образованіе мореплаванія, первой причины и разсадника морскихъ военныхъ ополченій.

Петру Великому предшюла слава созданія флота, сей силы, долженствующей, по словамъ Его, бышь правою рукою государства. Исторія жизни сего Государя, предшавляя непрерывныя усилія

съ самой его юности къ устройенію мореходства, непосредственно принадлежащій къ испоріи флота. Но прежде, нежели приступимъ къ повѣствованію дѣлнй Петровыхъ, пошцимся обозрѣшь, какіе способы имѣла Россія для заведенія мореходства, и что въ послѣднія времена въ пользу онаго сдѣлано было?

(Продолженіе впрѣдъ).

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1). Слѣдующая за симъ исторія коммерціи извлечена изъ крапкой исторіи Россійской торговли, Чулкова, Москва, 1788; изъ книги: *Histoire raisonnée du commerce de la Russie* par M. Jean Benoit Scherer. Paris, 1788. и *Historisch Statistisches gemälde des Russisches Reichs*, von Heinrich Storch, Leipzig, 1800.
- 2). Исторія Госуд. Россійскаго, Карамз. Т. I стр. 242. Кругъ о древн. Рос. монѣшахъ стр. 87, его *ссылка*: *Memoriae Populorum* II. 982.
- 3). Неспора Кенигзб. списокъ. Стр. 7. Карамз. I. 243. Storch. IV, 90; его *ссылки* *Leichii comment. de vita et reb. gest. Constant.* p. 19.
- 4). Царственнѣй Лѣтописецъ подѣ 6647 год (1138). „Тоже лѣто приходили Свѣйскій „Князь съ Бискупомъ своимъ въ шесши- „десяши шнекахъ; но госпи Новгород

„скіе иже изъ замора шли съ великимъ
 „богатствомъ въ пяни лодіяхъ и биша-
 „ся много, и не успѣша ничпоже Новго-
 „родцемъ и оплучиша у нихъ при шне-
 „ки. А избиша ихъ сто и пятьдесять.“
 Чулкова Кр Исш. Р. пор. стр. 13. Storch
 IV. 106, *его ссылка*: Bayer in allg. nord.
 gesch. 505.

- 5). Неспора Кенигз. Спис. стр. 107. „И пой-
 „де Володимірь въ лодяхъ и придоша
 „въ Дунай и поидоша ко Царю-граду и
 „бысть буря велика и разби корабля Ру-
 „си“... и во многихъ другихъ мѣсцахъ.
- 6). Кругъ о древн. Росс. моц. стр. 82, *его ссылка*: Исидоръ говоритъ, что „корабль (сарабус) есть небольшая изъ прущевъ сплетеная и обшиная кожею лодка“ Isidori Hispal Episcop. Originum sive Ethimologiarum libri XX въ Auctores latinae linguae in unum redacti corpus, Genevae, 1623. 4. libri XIX. Cap. I. p. 1286.
- 7). Неспоръ Кенигз. спис. стр. 24.
- 8). Карамз. I. 242. Кругъ о древ. Р. монет. стр. 87, *ссылка обоихъ*: Memor. popul. II. 982.
- 9). Кругъ стр. 82, *его ссылка*: Johan Zonarae Annales, Paris, 1687 fol. I. 254. Storch IV. 89, *его ссылка*: Zonaras, Cedrenus, apud Stritter in memor. Populor. T: II p. II. page.

939. Bayer de Ruforum prima expeditione
C. T. Politana in Comm: Acad. Petropol. VI.
365.
- 10). Кругъ, стр. 81, его *ссылка*: *Contsantini Porphyrogenneti, de ceremoniis Aulae Byzantinae lib. II. c. 44. p. 381.*
- 11). Кругъ, стр. 81, *ссылка на то же* стр 389.
- 12) Кругъ стр 84, его *ссылка*: *S. Julii Caesaris commentarii, Cura Franc. Oudendorpii Lugd. Bat. 1737. 4. lib I. de Bello civ: cap. LIV. p. 577.*
- 13) Греческія и Лапинскія названія: *каравіа, carabus*, Исландск. *karfi*, Испанск. *karbh*, Финское *carvas, carpen*, сохранившееся названіе до сихъ поръ у Англичанъ и построеніе такихъ лодокъ подъ именемъ *coracles* (Кругъ стр. 83), въ Архангельскѣ особенный родъ судовъ *карбасы*, и Руское *корабль*, дающъ поводъ думать, что въ древности построеніе лодокъ было вездѣ одинаково.
- 14). Кругъ стр. 86.
- 15). Несморъ Кенигзб: спис. стр. 24. „И по-
„велъ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣ-
„лаши и поставляши на колеса корабли.
„И бывшу поносну вѣтру, вспяша парусы,
„и преидяху чрезъ поля ко граду. “
... Древняго лѣтописца часпъ II. стр.
121, въ главѣ о хожденіи Пимена въ Царь-

градъ въ 1389 годѣ . . . „Толже весны Пи-
 „мень Митрополишъ въ третій поиде
 „въ Царь-градъ . . . Пойдохомъ же ошъ
 „Переславля Рязанскаго въ недѣлю Ѡми-
 „ну; проводиша же съ нами и при спру-
 „ги да насадъ на колесѣхъ. Въ чепвер-
 „шокъ же придохомъ къ рѣцѣ Дону и
 „спустихомъ суды на рѣку на Донъ.“

16). Неспоръ Кенигзб. спис. стр. 217. . . . „И
 „не могшимъ имъ ничпоже успѣши про-
 „шиву Кіеву, бѣбо изхиприлъ Изъяславъ
 „лоды хипро и дивно, бѣша у нихъ греб-
 „цы гребуще невидимо, шокмо весла ви-
 „дѣши; бяху бо покрыпы досками, бор-
 „цы же спояху горѣ въ броняхъ спрѣ-
 „лющисъ, а кормника два, бѣше единъ на
 „кормѣ, а другой на носѣ, и каможе хо-
 „тяху, шамо идяху, не обращающе лодь-
 „ями.“ Шпорхъ см. примѣч. 9.

17). Смощри примѣч 16.

18). Кругъ, стр. 100, *его ссвилка*: De adm. Imp.
 Cap. II. p. 56. „ . . . „ Nam ubi cum navi-
 „bus Rufsi ad loca fluminis praerupta de-
 „venerint, cum non ultra procedere flumine
 „eductas humeris impositas transferant, . . .
 „ а стр 60 . . . „ Intres hi quidem trahen-
 „tes, alii gestantes humeris “

19). Тамъ же стр. 100, *ссвилка*: Histor. Liutprandi.
 Cap. VI. p. 464. . . . „ Rufsorum naves ob

„ parvitatem sui ubi aquae minimum est tran-
 „ seunt, quod Graecorum Chelandria ob pro-
 „ funditatem sui facere nequeunt.“

20). Тамъ же стр. 101, *ссылка*: Historia de genti-
 bus Septentrionalibus. Olao Magno Gotho.
 Romae 1553 fol. lib. XI cap. VII.

21). A Chronological History of North-Eastern vo-
 yages of discovery by captain James Burney.
 Lond. 1819. ch IV p. 69.

22). Description d'Ukraine, par le Sieur de Be-
 auplan. Rouen 1660. 4. page 55 . . . „basti-
 „ ssent de basteaux de viron 60 pieds de long,
 „ de 10 ou 12 pieds de larges et profonds de
 „ 12⁴ pieds, ce basteau est sans quille basty
 „ sur un cannot de bois de saulx ou de til-
 „ let qui a viron 45 pieds de longuears et
 „ est bordé et rehausé de planches de 10 a
 „ 12 pieds de long, larges de viron un pied,
 „ qu'ils clevillent et clouent les unes sur les
 „ autres . . . en eslargissant à mesure qu'
 „ ils haussent, . . . puis ils goudranent, et se
 „ servent de deux gouvernails à chacun bout
 „ . . . ils ont d'ordinaire dix a quinze rames
 „ de chacun bord, . . . ils ont ausfi un mast
 „ où ils mettent une voile assez mal faite, et
 „ ne s'en servent, que de beau temps, et ai-
 „ ment mieux ramer de grand vent, . . . ces
 „ dits basteaux sont sans tillac ets . . . стр.
 „ 57. se mettent soixante pour bastir un

„basteau qu'ils rendent prest en quinze jo-
 „urs . . . ainsi en deux ou trois semaines
 „de temps ils rendent prests 80 ou 100 bas-
 „teaux . . . ils s'embarquent dans chacun 50
 „a 70 hommes „ . . . стр. 4 . . . „ et tra-
 „versent miraculeusement la mer dans ces
 „mechants basteaux . . . “

- 23). Тамъ же стр. 59. . . Ils vont descendre á une
 „Ance qui est á trois ou quatres lieues a l'Est
 „d'Oczakow, auquel lieu se trouve un vallon
 „fort bas long de $\frac{1}{4}$ lieue, de grand mer mon-
 „tnt quelques fois un demy pied d'eau, et
 „va bien trois lieues á mont de Borysthene
 „où les Cosaques se mettent deux ou trois
 „cents tirer au sol leurs basteaux, les uns
 „après les autres et á moins de deux á trois
 „jours ils se rendent dans le Borysthene
 „avec tout leur butin. “
- 24). Правда Руская или законы Великихъ Кня-
 зей: Ярослава Владиміровича и Владимі-
 ра Всеволодовича Мономаха. Москва, 1799.
 4. гл. XIV. § 1. стр. 74. „Иже лодію ук-
 „радешь, по 30 кунь продажи, а лодію
 „лицомъ воропиши, а не будетъ ли ли-
 „цомъ, по за морскую лодью 3 гривны, а
 „за набойную лодью 2 гривны, а за
 „спругъ гривна, а за чолпъ 8 кунь. “
 Кругъ стр. 108.
- 25). Кругъ стр. 108.

- 26). Когда Левъ мудрый въ 902 году отпра-
влялъ свой флотъ прошиву Крина, на
Греческихъ корабляхъ было 700' Норман-
новъ, или, какъ они тогда уже называ-
лись, Руссовъ. Кругъ сир. 65, его ссылки:
Liutprandi . . . Rerum ab Europa Imp. ge-
starum lib. VI. Въ Rerum Italicarum Script
Muratori t. II. p. 426. „Rufsios, quos alio
nos Northmannos appellamus“ — lib. V. c.
6. p. 463. „Quam Graeci vocant Rufsi, nos
Northmannos „ — Сии 700 человекъ полу-
чали 1 кеншенаръ (centenarius), или 700
золошыхъ соладовъ. Слѣдовательно ка-
ждый получалъ 10 соладовъ въ прешь,
полагая, что начальники получали болѣе.
Мемог. papalor p. 972 и 1035 de Cerim. lib.
II. c. 44. p. 381. 389.
- 27). Нестора Кенигзб. спис. сир. 29 въ VII
спашь договора Олегова „ . . . „ Аще вы-
„вержена будешъ лодья въпромъ вели-
„кимъ на землю чужу к обрящущя ша-
„мо иже отъ насъ Руси . . . опослаши
„паки на землю Хреспьянскую, да про-
„водимъ сквозъ всяко спрашно мѣсно и
„проч.“ и шамъ же сир. 42. Спашья VII
договора Грековъ съ Игоремъ, . . . „ Аще
обрящуть Русь кувару (корабль) Грецкую,
верженну на коемъ либо мѣсшѣ, да не
пріобидяшъ ея. Аще ли опшъ нея возмемъ

кто что, или человека поработишь или
убиешь, да будешь виненъ закону Русску
и Грецку . . . “

- 28). Chronological History by James Burney, ch.
II. p. 13.
- 29). Histoire raisonnée du commerce de la Russie.
Scherer. T. I. p. 43. Чулковъ стр 33.
- 30). Rusland en de Nederlanden, door Jacobus
Scheltema T. I. p. 43. . . .
- 31). Burney. ch. II. p. 14, его ссылка: Purchas
T. III стр. 805.
- 32). Rusland en de Nederl. T. I. p. 275.
- 33). Въ морскомъ ушаевъ, у Голикова въ Дѣян.
П. В., у Шишкова въ спискѣ кораб. Рос.
флота село сіе названо *Дѣдиново* и *Дѣди-*
лово, но настоящее оному имя *Дѣдново*.
Село сіе имѣетъ донынѣ верфь, на ко-
ей спроятъ разшивы и другія большія
суда, поднимающія до 5000 кулей груза, и
барки; принадлежишь помѣщику Измай-
лову; населенія имѣетъ 5000 душъ.
- 34). Янъ Янсенъ Спрюйсъ, опредѣлившійся на
сіи суда спаршими парусникомъ, въ
путешествіи своемъ въ Россіи описыва-
етъ получаемое жалованье чиновниками
такъ:
Полковникъ получалъ въ мѣ-
сяцъ - - - - - 100 ефимковъ (ѣси).
Подполковникъ - - - 30.

2 Капитана каждый	20 ефимковъ.
Лѣкаръ - - - - -	20.
Переводчикъ - - -	10.
Капитанъ Бушлеръ -	160 гульденовъ (florins).
Штурманъ - - - -	100.
Лоцманъ - - - - -	60.
Плошникъ (Каршменъ Браншъ) - - - -	80.
Его помощникъ - -	36.
Каждый машрозъ -	50.
Парусникъ (Спрюйсъ)	57. Voyage de Struys. p. 147.

35). Scheltema T. I. p. 196

36). Тамъ же стр. 289.

37). Struys. Page 185.

38). Voyage de Struys. p. 340. Lettre de David Butler, écrite à Isbahan le 6 Mars 1671, touchant la prise d'Astracan. Хотя въ путешествіи Спрюйса и въ морскомъ успавѣ сказано, что Бушлеръ убитъ; но собственное его письмо служило доказательствомъ прошивнаго.

39). Scheltema стр. 290. Успавъ морской стр., 9.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

~~~~~

ВОСПОМИНАНІЯ О ВЕРОНѢ.

~~~~~

Воспоминанія о ВеронѢ имѣють для меня особенную прелесть. Не забуду я того восторга, съ какимъ приняшь былъ памъ въ 1799 году въ проѣздъ въ Испалію Графъ Александръ Васильевичъ. Изъ коляски его выпрягли лошадей; народъ повезъ его на себѣ; весь городъ былъ освѣщенъ; повсюду во всю ночь раздавались: *виватъ, Суворовъ! ангелъ, спаситель нашъ!* Еще и шеперь вижу, съ какимъ умиленіемъ проливалъ слезы глубокой призна-

тельность побѣдоносный нашъ старецъ, и какъ, помолясь Богу, при народныхъ кликахъ, бросился въ пышныхъ чертогахъ опдыхать на солому. На другой день Австрійскій Генераль Край, побѣдитель Французовъ при стѣнахъ Веронскихъ, подноситъ Суворову рапортъ. Чуждый всякой зависти, онъ обнимаетъ героя и говоритъ: *ваши побѣды отверзаютъ путь и мнѣ съ помощію Божіею къ новымъ.* — И опсюда, какъ изъ средопочія, просперлись лучи новой его славы. — Великолѣпнѣйшая Верона славилась еще во дни Римскаго всеобладанія и великими своими соотечественниками и памянниками рѣдкаго изящества. Тамъ знаменитѣйшіе Зодчіи Випрувій и Сан-Микели увѣковѣчили себя своими теоріями; тамъ превосходнѣйшая изъ всѣхъ картинъ кисти Тиціана: *Успеніе.* — Два часа шолько оставалось мнѣ для прогулки. Я пробѣжалъ съ моимъ вожатымъ, Аббатомъ Дел-Спрелли, который удивлялъ меня своими знаніями. Прекрасныя, широкія, мраморомъ устланныя улицы, палаты славнѣйшей архитектуры, хра-

мы, въ кошорыхъ истоцились всѣ иску-
сства, чтобы представишь величіе Бога
во всемъ велелѣши, при триумфальныя
арки, шеапръ съ ложами въ пять яру-
совъ — на все эшо успѣлъ я лишь взгля-
нуть. Но, вошедъ въ огромнѣйшій амфи-
театръ, кошорымъ Веронцы достойно
гордятся (ибо, поправляя его безпрестан-
но, не попускають времени къ нему
коснуться), я мысленно переселился въ
тѣ вѣки Рима, когда 23,484 гражданъ сво-
бодно шуть помѣщались. Сопутникъ мой
вызываетъ меня за городъ, чтобы пока-
зашь тѣ дымящіяся еще кровію мѣста,
гдѣ за нѣсколько дней рѣшилась упорнѣй-
шая битва. На берегу Адижа показываль
мнѣ Аббатъ пункты, на кошорыхъ дѣй-
ствовали Австрійцы и Французы; не безъ
основанія замѣчалъ ошибки Французскаго
полководца Шерера. Сраженіе сіе досто-
примѣчашельно по превращеніямъ во-
инскаго счасія. Вначалѣ все благопрі-
ятствовало Французамъ; уже хотѣли оп-
ворить имъ врага Вероны: но твердость
Края воспоржесивовала; брандеромъ по-
дорванный мостъ пресѣкъ сообщеніе, об-

рашплъ ихъ въ бѣгство, и симъ испро-
верглось стремленіе ихъ разбить Австрійцевъ еще до прибытія Россійскихъ
войскъ. — Здѣсь за городомъ нельзя не
воскипнѣнъ живописнымъ мѣстополо-
женіемъ Вероны. Величественный Адижъ,
прошекая посреди, отдѣляетъ Верону отъ
Веронезины: онъ служилъ нѣкогда гра-
ницею между Австріею и Италіею и на-
полненъ 80000 жителей. Нѣсколько часовъ
провелъ я въ сей столицѣ вкуса весьма
пріятно. Народъ любезной, трудолюби-
вой, просподушной. — Всѣ жители пре-
даны Австрійскому Дому, и за то мно-
го поспрадали. Скажу наконецъ: въ клас-
сической Веронѣ начинаешь жить съ дре-
вними Римлянами; съ статуями вели-
кихъ мужей ихъ бесѣдуешь путешест-
венникъ; безмолвіе ихъ краснорѣчиво; надъ
статуею Александра плакалъ Цезарь —
и изъ слезъ сихъ полились по вселенной
кровавыя рѣки. — О, жадный мраморъ,
какъ расплещешь ты сердца!

У. У.

З А Г А Д К А.

Прекрасная невѣспа, высокой породы, обручилась съ милымъ женихомъ на своей родинѣ. — „Но тебѣ нужно испытаніе: будешь ли, и въ разлукѣ, вѣрна обрученному?“ Такъ сказалъ отецъ — и невѣспу снарядили въ чужой и далекой край. Ей поднесли золотой кубокъ съ *питіемъ забвенія*. — Выпила; уснула. — Сила, подобная прищяженію магнѣта, съ быстротою молніи увлекла усыпленную. — Еще не обсохла прощальная слеза, какъ прелестная пробудилась подъ другими небесами, въ какомъ то новомъ, незнакомомъ мірѣ. — Искусный масперъ сдѣлалъ ей подвижную шемницу. У нея опняли вольность; но оставили ей волю. И дано пять приставниковъ, копорые были ея

слугами и спражами и единственными проводниками между нею и всѣмъ ее окружающимъ. — И лживы, по природѣ, сіи пята приспавниковъ. — Опъ опца же былъ такой завѣсть: благородная узница не возвратишь свободы своей, доколѣ ясно и вѣрно не узнаешь и не поймешь, гдѣ и для чего она находишья. И было другое условіе: погда освободишья заключенная, когда темница ея, которая паетъ опъ времени, какъ ледъ опъ лучей солнечныхъ, сама собою разкроеться. — И погда, если останеться еще въ ней память о *прежнемъ*: о милой родинѣ далекой, о женихѣ, который родился прежде, чѣмъ зародилось время, но былъ свѣжъ и молодъ, какъ заря утренняя; если не забудешь своего високаго и свѣтлаго произхожденія: погда опять, какъ будшо опъ сна пробужденная, она очутишья съ своими ближними, въ своей опчизнѣ дальней. — Но если забудешь все прежнее, бывое; если полюбишь *страну испытанія*: по надолго останеться тамъ, гдѣ есть и гдѣ ей быть самой понравилось.

Но, бѣдная узница, опъ кого узнаешь

ей: и гдѣ и зачѣмъ она? — Питіе забвѣнія помянуло ея свѣтлое существо. Сохранилось у ней только *темное воспоминаніе*, что гдѣ то была она прежде, и кого то оставила въ иной сторонѣ. — Долго она только смотрѣла на окружавшій ее міръ и ничего еще не видала, кромѣ *самой себя*. Все ее пугало, все приводило въ изумленіе. Наконецъ начала различать, въ слитномъ смѣшеніи предметовъ, существа къ ней ближайшія. — Но съ какою печалію замѣтила, что всѣ ихъ ласки, всѣ поощренія обращались только къ поддержанію *темницы ея*! И пверже день опо дня становилась темница сія, и крѣпче цѣпь, привязывавшая ее къ бытію, ей чуждому.

Наспало урочное время; плѣнница ощутила власнѣ надъ своими *пятью* приспавниками, и поспѣшила, чтобъ исполнишь завѣщаніе ей памянное: узнавать чрезъ нихъ, гдѣ *находилась она*. — Рассылаешь всѣхъ и въ вышину, и въ глубину, и въ даль, и по всѣмъ направленіямъ. — Скорбешные разлешаются. Но, невѣрные въ своихъ наблюденіяхъ и жадные только къ собственному наслажденію

нiю, они приносятъ ей вѣспи все ложныя. Должно непременно повѣрять одного другимъ, чѣтобъ узнать истину. — А между тѣмъ въ одной съ нею хранишь живущъ жилицы — хипрыя колдуньи. Онѣ знакомясь съ нею и, опѣ ранняго упрадо поздняго вечера, нашепшываюшь ей свои затѣйливыя рассказы о прелестяхъ той стороны, гдѣ она находится. Ей говорятъ о почестяхъ, о славѣ, о выгодахъ, о богатствѣ, о наслажденiи . . . Невинная ничего не разумѣешь, а уразумѣвъ, опѣ всего отказывается; ибо способы къ доспиченiю предлагаемаго возмуцаюшь ея первородную чистоту.

„Нѣшь,“ говоритъ плѣнная красавица, не „эпо дорого въ нашей *милой сторонѣ!*“ — Но гдѣ жъ эша милая сторона? Она сама ничего о ней сказашь не можешь. Колдуньи смѣются надъ ея *мечтами*; называютъ спранными ея поняшiя о *бывшемъ* и *будущемъ*, о темномъ и невѣрномъ будущемъ, и заываютъ приспиченную на шумный праздникъ *настоящаго*. — Ихъ посохъ *искусный живописецъ*. Онѣ яркими красками и роскошною ки-

спію изображаетъ ей картины веселой жизни, пиры, забавы и наслажденія. . . Ничто не упѣшаетъ унылой: она боится опсташь опъ шого, чего ни забышь, ни припомнить не можешь, что *иногда* бываетъ ей очень ясно и чего объяснишь не въ состояніи. — Но ее подкрѣпляетъ невѣдомый упѣшилель. — Часпо, въ тишинѣ ночи, когда засыпають зоркія колдуньи, подлешаетъ *кто то* въ лучѣ упренней зари и шепчетъ плѣнницѣ: „не унывай!“ И сей голосъ, мимолетный, какъ все прекрасное въ жизни, напоминаетъ ей о шомъ неизмѣнномъ блаженствѣ, которыми наслаждалась она *нѣкогда*. — Прелестное въ музыкѣ, высокое въ поэзіи; изящное въ искусстввахъ называла она *гостями изъ своей родины*, и радовалась имъ, какъ радуются соотечественникамъ своимъ на чужой споронѣ: но невольныя сравненія помрачали минувшую радость. „Здѣсь, говорила она, веляшь мнѣ *ненавидѣть*; а тамъ (я живо помню) общій законъ былъ *любить*. — Тамъ вѣчная весна любви, тутъ всегдашній холодъ *себялюбія*. — Тамъ (мнѣ эшо памятно)

всѣмъ понималъ мысли и чувства мои прямо, какъ понимающъ здѣсь цветы и звуки. Тутъ сколько нужно грубыхъ орудій, сколько мертвыхъ и темныхъ формъ — для выраженія одного живаго чувства, одной свѣтлой мысли, которая, и при всѣхъ пособіяхъ, еще вполне не выражается! — Здѣсь такъ высоко цѣнятся время, чтобы дѣлать изъ него такое низкое употребленіе! — Ахъ, еслибъ они знали, что цѣлые вѣки исчезаютъ въ одной минутѣ созерцанія того, кого и нѣкогда видала такъ близко и опъ кого теперь такъ удаленна спала.“ —

Она любила картины природы и съ любопытствомъ смотритъ на величественное теченіе бури, когда кипящее море силится выхлынуть изъ граничныхъ береговъ, и лѣса со скрипомъ ложатся подъ тяжекою сполою незримаго исполина воздушнаго. — Но ей болѣе нравится тихіе вечера, когда весна, какъ молодая заботливая мать, дышетъ ароматомъ и жизнью надъ колыбелію пробуждающейся природы; когда каждый цвѣшокъ осыпанъ алмазами росы, и когда въ

каждой капль зыблешся полная луна, или отражается подобіе одной изъ звѣздъ небесныхъ . . . „Ахъ, сія шишина, восклицаетъ она, напоминаетъ мнѣ о моемъ отечествѣ: опшолѣ изпекаетъ всякая шишина; памь вѣчно сіяетъ миръ ненарушимый.“

Такъ шоскуетъ шоскою шайнспвенною невѣста прекрасная о своемъ возлюбленномъ. Она сравниваетъ себя съ свѣшлымъ лучемъ, погруженнымъ въ мутные шуманы, и спараетъ неушрашншь своей ясности.

Уже познала, наконецъ, спрану своего заключенія и все ничшожество сокровищъ ея и бодрѣ сражаетъ съ колдуньями и не вѣришь слугамъ и приславникамъ. Между ними и собою, или, лучше сказать, между собою и собою поставила она *духъ отца своего — истинцу*. Съ тѣхъ поръ обманы прекрашались; ибо сквозь враша *истины* не проходитъ ничшо ложное. Тушъ открылась ей ея шайнспвенная судьба, ея высокое назначеніе. — Но срокъ неволи еще не протекъ. Впечатлѣніе воспоминанія о *прежнемъ*

отечество сполько еще было сильно, что она не могла его не чувствовать; но сама она въ неволѣ споль ослабѣла, что не могла уже разпоргнуть цѣпи своей. Въ такомъ бореніи оставалась заключенная — и жизнь сповала въ оковахъ вещества. Но время наступаетъ . . . И спокойно смотришь, обрадованная, какъ спончаешь темница ея — и, бодрѣе сражаясь съ колдуньями, смѣешься надъ ихъ поскливымъ сомнѣніемъ и весело восклицаешь: „онъ близокъ, часъ моей свободы!“

И вошь уже примѣтно дряхлѣешь темница; уже шапаются крѣпкія связи . . . и плѣнница спановится какъ будто умнѣе, ибо спала *опытнѣе*. — У нея, кажешся, вырастають крылья! — Я не отспала еще опдъ милаго, говоришь *вѣрная*: споска по немъ соединяешь меня съ нимъ. — И скоро . . . скоро . . . я полечу, полечу, какъ голубица свободная, въ его объятія сладкія, въ мое отечество прекрасное . . . Тамъ будетъ награда вѣрности за любовь и терпѣніе.

Федоръ Глинка.

ОБЪ ОМЕРЪ, КАКЪ О ТРАГИКЪ.

(Извлечено изъ Фр. Журнала).

Древность назвала Омера опцемъ поэзіи; времена послѣдующія ушвердили за нимъ сіе шипло. Творенія его, въ копорыхъ видѣнъ онъ какъ поэтъ, философъ, историкъ и географъ, послужили началомъ различныхъ отраслей поэзіи. Такъ Илиада и Одиссея произвели шрагедію. Чшобы почувствовать сію истину, не надлежитъ разсмашривать шрагедію, какъ поэму, раздѣленную на пять дѣйствій, гдѣ требуется шри единства, гдѣ разсказъ и пѣніе попеременно мѣняющіяся. (*) Сія условная форма есть одна при-

---

(*) Конечно сочинитель сей спашви разумѣлъ древнія Греческія шрагедіи.

надлежность, какъ стихи соспавляютъ принадлежность поэзіи, сущность которой состоишь въ изображеніяхъ, въ оборотахъ и въ сладкозвучіи. Плашонъ, хотя писалъ прозою, однако онъ — поэтъ въ полномъ значеніи сего слова. — Мы называемъ Омера прагикомъ, хотя онъ и не слѣдовалъ строгимъ законамъ драматическаго искусства. — Величіе характеровъ, сила страстей, дѣйствія, ими производимыя, языкъ, имъ свойственный — вошь главное въ трагедіи! Поэмы Омера сушь хранилища плодотворныхъ семянъ, ожидающихъ только теплоты Генія.

Если надлежишь показашъ въ полномъ блескѣ дѣйствіе различныхъ характеровъ, болѣе или менѣе удачно соспавленныхъ, сравнимъ Омера съ Виргиліемъ. Поэтъ Римскій, будучи менѣе пылкимъ, но болѣе осторожнымъ и разсудительнымъ, выбралъ для поэмы своей такое произшествіе, которое могло льстишь самолюбію Августа и бышь занимательнымъ для Римлянъ. Такимъ образомъ Эней сдѣлался Героемъ поэмы; его оплечи-

тельные качества были мудрость и набожность. Посмотримъ, что великаго являетъ его характеръ: въ первой книгѣ Герой, преслѣдуемый раздраженнымъ божествомъ, видитъ себя застигнутымъ бурей: что жъ онъ дѣлаетъ въ сію минуту? Проливаетъ слезы и молитъ небо о спасеніи! Конечно сего благочестія нельзя не одобрить: но, для возбужденія дѣйствія поэтического, надлежало бы предсказать Героя, не только презирающимъ опасности, но, по мѣрѣ оныхъ, болѣе и болѣе возвышающагося духомъ (*). Это не Аяксъ Омеровъ, окруженный мраками, кошорыми покрыло его зависпливое божество, восклицающій въ нетерпѣніи: Опець боговъ, избавь отъ мрака сызговъ Ахейскихъ! Ниспосли свѣтъ, и погуби насъ при свѣтѣ, если такова швоя воля. — Вотъ примѣръ возвышенныхъ чувствованій! Вотъ, что называется высокимъ,

---

(*) Такъ и Г. Мерзляковъ справедливо укоряетъ Хераскова, что онъ замѣтилъ въ Іоаннѣ одинъ только мирный, семейственный, такъ сказать, добродѣтели.

которое Лонгинъ опредѣлить старался. Слезы Энея не заслуживаютъ подобной похвалы. — Въ четвертой книгѣ онъ любитъ Дидону и любимъ ею: сія слабость въ Герое правдивомъ и набожномъ со всѣмъ не занимательна — и спроси, имъ питаемая, ему не прилична. Есть сердца, которыхъ счастливое и безмятежное соединеніе представляетъ пріятное зрѣлище: такъ, на примѣръ, дружба Папрокла съ Ахилломъ нравится и даже привлекаетъ, ибо ничто постороннее не возмущаетъ ея покоя. Напрошивъ душа чистаго никакаго не принимаетъ участія въ любви Дидоны. Будучи оставлена Энеемъ, она, по одному только обыкновенному преимуществу злополучныхъ, получаетъ право на сожалѣніе (*).

(*) Хотя Г. Рубби (издатель Италіянскихъ классиковъ) говоритъ, что одинъ Виргиліи превзошелъ бы Тасса, еслибы поэму свою могъ исправить. Но, короче, подумавъ, едва ли можно согласиться съ его мнѣніемъ; ибо ни изобрѣтательность, ни характеры въ Энеидѣ, ни планъ ея не могутъ сравниться съ Освобожден-

Въ послѣднихъ шести книгахъ Энеиды мы видимъ Энея, занимающагося дѣлами воинскими; здѣсь уже онъ не являешъ ни одной черпы блистательной. Нѣкоторые крипики справедливо укоряютъ Виргилія, что младый, пылкій и спремительный Турнъ, болѣе подходящий къ Героямъ Омера, скорѣе обращаетъ на себя вниманіе читателя.

Теперь разсмотримъ характеръ Ахилла: вопшъ счастливое лице, копорому все прилично; въ какомъ бы соспоянїи и при какомъ бы свѣтѣ мы его ни разсматривали, онъ всегда одинъ, ни на ми-

---

дымъ Іерусалимомъ. — Тамъ все дѣйствуетъ для единой цѣли, нѣтъ неприличныхъ опсшупленій, нѣтъ употребленнаго во зло преимущесшва вымысловъ, нѣтъ остановокъ, замедляющихъ быспрошу дѣйствія. Чшо побуждаетъ читателя слѣдовать за Энеемъ по опбытїи его изъ Картагена? Да и самая спрасшъ его къ Дидонѣ даетъ ли поводъ надѣяться, что онъ будетъ нѣкогда законодательмъ и основателемъ государства?

нушу не теряешь свойственнаго ему величія. Смѣло поддерживаешь онъ выгоды Хризиса и воинства, съ жаромъ защищаешь справедливое дѣло: Агамемнонъ опровергаетъ просьбу его; обиженный симъ опказомъ, въ пылу гнѣва, идешь онъ поразишь предъ олтарями Вождя, которому обѣщаль повиноваться безпрекословно. Сколько криптиковъ-моралистовъ возражаютъ прошивъ сего беззаконнаго пошупка Героя Омерова! Но сколько же и такихъ, кои, будучи побуждаемы шѣми же чувствами, какими подвигнушь былъ Герой, одобряють и дѣлаются тайными участниками сего мщенія! Таково дѣйствіе генія. Онъ овладѣваетъ умами и покоряетъ ихъ — и криптика нѣмѣетъ предъ могущесивеннымъ гласомъ чувствованій и спрасшей.

Аристотель, философъ просвѣщенный, рассуждая о произведеніяхъ вкуса и генія, предписаль законы драмъ: Герои оной, говоритъ онъ, должны имѣть свои недоспапки; ибо хотя добродѣшель высокая поражаетъ насъ, хотя мы удивляемся ей; но любимъ и

такихъ людей, которые, подобно намъ, имѣють свои слабости. Сія по дань несовершенства, плашмая великими людьми человѣчеству, въ особености насъ съ ними сближаетъ, и даже самыя ихъ пороки дѣлаются для насъ нѣсколько любезными.

Ахиллъ вездѣ великъ въ какомъ бы положеніи ни являлся: проливаешь ли слезы печали и гнѣва; пишаешь ли въ себѣ скрышную ненависть; встрѣчаешь ли благосклонно пословъ Агамемнона, и отпускаешь ли съ ними Бризеиду; принимаешь ли съ почестью полководцевъ, или грубо высылаешь ихъ изъ шатра? Но Гекторъ поржествуетъ; Греки гибнуть. Воть минуша, въ которую Ахиллъ въ полной мѣрѣ вкушаетъ удовольствіе мщенія! Входитъ Патрокль и имянемъ войска умоляетъ его о помощи. Тогда всякая мысль о мщеніи исчезаетъ: сія ужасная непоколебимая ненависть, возвращенная временемъ, уступаетъ моленіямъ дружбы — и минуша, въ которую порабощенная Греція удовлетворила гнѣву

Ахилла, естъ минуша перехода ея изъ опасности къ побѣдѣ.

Какъ бы ни назвали мы снисхожденіе Ахилла, слабоспію или добродѣтелью; но должно согласишься, что снисхожденіе сіе занимательно—и производимыя онымъ перемѣна и нечаянность сушь дѣйствія истинно прагическія. Не будемъ замедлять размышленіями быстрое шествіе поэца; уже Герой его на полѣ сраженія, чтобы опмстить за Пашрокла; шамъ его наспоюще поприще, и Трояне, пораженные ужасомъ, при видѣ его, ошсупающъ, подобно волнамъ морскимъ, у подошвы скалы разбивающимся.—Ахиллъ, нападая, громить шолцы непріятельскія: шакъ огонь (займемъ выраженіе Омера), возгнѣаемый вѣшромъ, пожираетъ лѣсъ обширный; полуизсохшія вѣшви деревъ съ шумомъ вспыхивающъ и упадающъ. Таковы дѣйствія гнѣва Ахиллова!

Но строгіе защитники морали вскорѣ находящъ случай упрекнуть Омера. Гекшоръ убишь: Ахиллъ влечетъ по землѣ окровавленный, бездушный шрупъ Героя, и, возвращаясь въ лагерь, находить

варварское удовольствіе видѣть соперника своего раздираемаго хищными пшцами. Но посмотришь далѣе. Въ сію минушу, когда сіе ужасное зрѣлище его восхищаетъ, является Пріамъ проситъ шѣло своего сына. Смягченный Герой утопаетъ въ слезахъ, слушаетъ и ушгьнаетъ опца несчастнаго. — Вотъ минуша, важная для драммы! Конечно шрудно vybrать характеры удачные, но надобно умѣть сверхъ того и располагать ими. Въ обыкновенномъ шеченіи жизни, люди всего чаще показывающся въ шакоемъ видѣ, который болѣе имъ свойственъ; но когда привлекающъ ихъ какія либо выгоды, когда препятствія раздражающъ ихъ опасши; тогда они одинъ опъ другаго чувствительнѣе различающся. — Противоположность характеровъ есть источникъ сихъ движеній, изъ котораго почерпнушы важнѣйшія правила для шетра.

Представивъ Ахилла, Героя Иліады, поржествующаго только на сраженіяхъ, значило бы показать его храбросшь, силу, проворство, не болѣе: но Омеръ идетъ

далѣе: открываетъ всѣ изгибы сердца его: любовь къ независимости, сію спремисельность пылкаго характера, презирающую всѣ преграды и ихъ разрушающую; показываетъ непрерывный, какъ сказать, приливъ спраспей, движенія иѣжныхъ чувствованій и ярости, гнѣва и снисхожденія. Посмотримъ, какое искусство употребляетъ поэтъ, чтобы показать его въ такомъ видѣ!

Агамемнонь менѣ спремиселень, но болѣе гордь и щеславень, имѣетъ власть самодержавную, копорой все должно повиноваться — другой вооружень мечемъ, предъ коимъ все трепещетъ; такимъ образомъ, поставленные въ равновѣсія, сіи два споль противные характера, не въ состояніи себя уничтожить. — Ахилль, раздраженный верховнымъ власишелемъ, готовъ излить на него всю ярость гнѣва: вошь одна спорона его характера; Патрокль открываетъ другую, сію чувствительность, сіе кропкое добродушіе Героя, копорой любитъ и ненавидитъ съ испуленіемъ. Но въ Иліадѣ всѣ почти лица находятся въ иѣкоморомъ одно къ

другому соотношеніи, для произведенія сильнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ дѣйствій. Изъ сего по соединенія и удивительнаго расположенія оныхъ происходитъ, что гордость, самолюбіе, мщеніе, зависть, жестокость, всѣ спраспи, владычествующія надъ человѣческимъ сердцемъ, всѣ движенія, раздирающія чувства, соединены мѣстѣ. — И вотъ причина, почему Омеръ заслуживаетъ и шипло эпическаго поэта и шипло прагика. Впрочемъ его поэмы заключающъ въ себя источникъ всѣхъ почти родовъ поэзіи.

Если бы какой нибудь путешественникъ, заблудившись въ странѣ дикой, вдругъ увидѣлъ величественные чертоги, окруженные прекрасными садами, въ коихъ ушомленный взоръ его попеременно опдыхалъ бы по на многообразныхъ произращеніяхъ всѣхъ климатовъ, по на спатуяхъ, представляющихъ великихъ людей и улыбающихся божествъ Миеологии; онъ безъ сомнѣнія сказалъ бы: „въ „сихъ пустынныхъ мѣстахъ обиталъ „человѣкъ необыкновенный, превосход-

„ный.“ Сии великолѣпные черпоги есть
Иліада, сошворенная среди народовъ еще
дикихъ; а необыкновенный человекъ —
Омеръ.

А. Н-нб.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖЕЛАНІЕ НЕБА.

(Изъ псалма 83: *Коль возлюбленна селеніа
Твоя, Господи!*)

О, какъ прекрасенъ видъ небесь! —
Туда души моей порывы;
Она, какъ жаждущія нивы,
Томился въ сей юдоли слезъ! —
Какъ шихо памъ въ Твоемъ черпогѣ! . . .
Къ Тебѣ, мой Богъ, пушей ищу —
И, безпріютный, шрепещу
Въ сихъ буряхъ, въ сей земной шрепогѣ . . .

Какъ счастливъ, кто хранимъ Тобой!
 Онь силы онъ восходитъ въ силу;
 И смѣло въ бипву онъ съ судьбой;
 Онь видитъ жизнь и за могилой . . .
 Тамъ для души зазывный пиръ;
 Тамъ жизнь свѣтлѣй надежды ясной . . .
 Не пакъ женихъ къ невѣстѣ спраспной,
 Какъ онъ желаетъ въ лучшей мѣр! —

По вѣтрамъ горлица кружился,
 Съ роднаго сорванна гнѣзда:
 Подъ ней безбрежна снець дымился,
 И въ вихряхъ свещень ей бѣда,
 И все ей гибель! . . . Такъ мой Вѣчный,
 Такъ спраждеть здѣсь душа моя . . .
 Когда жъ, услыша плачь сердечный,
 Усыновилъ любовь Твоя
 Изгнанниковъ изъ райской доли —
 И дѣши праха сей юдоли,
 Какъ упротъ чистая роса,
 Взойдушъ къ Тебѣ на небеса? . . .

Тамъ день горитъ незаходимый:
 Онь ясенъ, какъ любовь; онъ шихъ,
 Какъ чистая мольба свяшихъ:
 Въ немъ поспижимъ — Непоспижимый! —

О, сколь прекрасенъ Твой чертогъ,
Отецъ вселенной, щедрый Богъ! . . .

Что человекъ, въ душѣ лукавый? —
Забылъ онъ небо на землѣ,
Глошая дымъ бѣгущей славы . . .
Слѣпецъ, безъ посоха, во мглѣ,
Душѣ голодной ищешь пищи:
Онъ ищешь жизни — на кладбищѣ! . . .

Прямая жизнь на небесахъ
Для насъ, о братья человеки! —
Неизпощимый въ чудесахъ,
Опшоль въ міры низводишь вѣки,
И въ вѣки новые міры . . .
И нѣшь шамъ случая игры;
Тамъ правды вѣчные законы
Древнѣй, неколебимѣй звездъ! . . .
Узрю ль красу шѣхъ горнихъ мѣспъ? —
Дитя, забытое въ пустынѣ,
Найдусь ли я въ Твоей святынѣ,
Творенья ищущій Творецъ! —

И мигъ одинъ въ Твоемъ селеніи
Вѣковъ милѣй въ семь започеніи . . .

Блаженъ, кому плешупъ вѣнецъ
Изъ свѣшлыхъ радугъ Серафимы!
Онъ на землѣ, жилецъ незримый,
Слезами плашишь жизни дань:
Доколь Твоя съ спрадальца длань
Сорвешь, какъ ризу, укоризну
И небо дасшь ему — въ опчизну!...

Федоръ Глинка.

ОБМАНУТАЯ.

(Опытъ Руской Идилліи *).

Позднимъ вечеромъ, осеннею порою,
Красна дѣвица бродила въ чиспомъ полѣ;
Одинехонька, съ шпоскою, со кручиной.
Черны волосы, бѣдняжка, вырывала;

(*) Со времени появленія въ свѣтъ прекраснаго стихотворенія Г. Гнѣдича *Рыбаки*, на Парнасъ нашемъ начали поговаривашь о народной Руской Идилліи; сочинители критическихъ разборовъ сего стихотворенія съ патріотическимъ жаромъ изложили объ оной свои мысли. Одинъ изъ нихъ, почтивъ меня незаслуженными похвалами, совѣщывалъ мнѣ заняться симъ родомъ. Приношу ему искреннюю благодарность за благосклонное его вниманіе; въ доказательство, что не пренебрегъ его совѣтомъ, предлагаю здѣсь опытъ Руской Идилліи: по прошу позволенія сказать и мое о семъ предметѣ мнѣніе.

Идиллія, какъ и всякой другой родъ классической поэзіи, усыновленный здравымъ вкусомъ, утвержденный на извѣстныхъ правилахъ, должна

Бѣлу грудь свою перзая, говорила :

„ Пропадай ты, красота моя, злодѣйка!

„ Обращися лучше въ камень, рептивное!

„ Погубили вы дѣвицу, погубили!“ —

быть одинакова у всѣхъ образованныхъ народовъ. Нѣкоторые частные опѣяки національности, которыми можеть пользоваться наблюдательный писатель, которые даже неизбежны, ибо нравы въ самомъ языкѣ отражаются — еще ничего не составляютъ. Знаменистый Геснеръ родился и писалъ въ такой странѣ, гдѣ состояніе поселянъ находится въ самомъ цвѣтущемъ по оженіи: однакожь Герои его дѣйствуютъ не въ Швейцаріи — исключал, можеть быть, одной Идилліи. Въ предисловіи своемъ онъ имянно опровергаетъ возможность перенести Буколическую сцену въ настоящее время. Какъ же хотѣть намъ, Рускимъ, имѣть свою Идиллію? Гдѣ будетъ тогда правдоподобіе, первое качество всякаго сочиненія? Гдѣ будетъ тогда очарованіе Поэзіи? Тоже самое послѣдовало бы съ Эпической поэзіею, трагедіею и новѣйшею Балладою, если бы мы заставили дѣйствовать въ нихъ современниковъ. Изъ сего правила изземлются единственно тѣ случаи, когда поэтъ описываетъ происшествіе, случившееся, на примѣръ, въ Индостанѣ, въ Персіи, Турціи или между дикими Спараго и Новаго Сѣвта.

Но если непременно надобно (допя и не вижу въ томъ большой нужды), чтобы у насъ была своя домашняя Идиллія; то попытаемъ извлечь ее изъ старинныхъ народныхъ пѣсень. Тамъ, можно сказать, открывается намъ міръ пищическій; тамъ находимъ живыхъ, расположенныхъ съ выбо-

— Чшо съ побой? — раздался голосъ за
кустами —
Чшо съ побой, скажи дѣвица, прилучилось? —
И явился передъ нею древній старецъ,
Съ бѣлой, длинною, густою бородою.

„Кто ты?“ — шопотомъ невнятнымъ,
содрагаясь,
И крестясь, его дѣвица спросила.

С т а р е ц ъ .

Я опшелникъ, уклонившійся отъ міра;
Недалеко здѣсь въ пещерѣ обитаю.
Ночь меня заспигла въ полѣ на молишвѣ,
Возвращаясь, я внезапно здѣсь услышалъ
Жевскій голосъ и пришелъ къ себѣ на помощь.

ромъ, опдѣланныя съ нѣкоторымъ вкусомъ, картинны нравовъ, повѣстій и чувствоканій нашего народа. Пристойное соблюденіе дѣдовскихъ обычаевъ и предразсудковъ, какъ справедливо замѣчаетъ сочинитель разбора Идилліи Рыбаковъ, помѣщеннаго въ Благонамѣренномъ сего года, много будетъ при семъ случаѣ содѣйствовать вѣрности и занимательности изображеній. Предлагаемая здѣсь Идиллія заимствована изъ одной Руской пѣсни. Я написалъ ее единственно для опыта, ибо опнюдь не думаю, чтобы она годилась для примѣра; въ ней соблюдены нѣсколько стиховъ и самой разиры вѣсни.

Кто завелъ шебя, скипалица, въ пуспыню?
 Кто покинулъ одное, въ шакую шемнишь?

Д ъ в и ц а.

Завело меня сюда безсчасшье злое;
 Я покинула, обманула любезнымъ,
 И иду шеперь, сама куда не знаю!

С т а р е ц ъ.

Для чего же ты въ обманъ ему далася;
 Ума-разума чужова не спросилася?
 Видно мало Чудошворцамъ ты молилася:
 Тебя Ангель бы Хранишель не покинулъ.

Д ъ в и ц а.

Я всегда была къ Угодникамъ прибѣжна;
 Въ церковь Божию ходила всякой праздникъ;
 Но съ шѣхъ поръ, какъ горожанина узнала,
 Какъ впервые за обѣдней у Николы
 На его румяны щеки засмошрѣлася —
 Какось — спшала мнѣ молишва не въ молишву.

С т а р е ц ъ.

Такъ недаромъ гнѣвъ небесный надъ
 шобою;
 Ты сама своей печали виноваша:
 По грѣхамъ и горьку чашу выпивашь.

Д ѣ в и ц а.

Не кори меня, святой отецъ, бѣдою: |
 Я не умысломъ пропала — простоплою:
 Я не думала, что еси въ любви измѣна;
 Я не знала, что прищворно можно плакашь!
 Горожанинъ мнѣ шакимъ казался добрымъ;
 Такъ доврчиво, умильно улыбался;
 Такъ кругомъ меня дѣвицы удивался;
 Ахъ, шаконъ въ слезахъ божился спрашной
 кляшвой,
 Чшо въ умѣ моемъ какъ будто помушилось,
 Чшо какъ будто изъ меня онъ вынулъ сердце,
 И увезъ меня, куда хощель, съ собою!
 Для него я съ ошцемъ, съ матерью распша-
 лась!
 Ошъ родныхъ своихъ, ошъ дому ошказалась...

С т а р е ц ъ (перерывая).

За бѣдой своей лешла на чужбину!
 За позоромъ пробѣжала горы, степи!
 Будшо дома жениховъ бы не сыскалось?

Д ѣ в и ц а (продолжаетъ).

А шеперь меня, безсовѣспный, онъ бросилъ!...
 Нѣшъ приюта, гдѣ могла бы я укрышья:
 Въ домъ родишельскій нельзя мнѣ ворошишья!
 Знашь по шѣхъ поръ горемыкъ проскишашья,
 Пока машъ сыра земля меня не приметъ!

С т а р е ц ъ.

Ты вдвойнѣ шеперь предъ Богомъ согрѣ-
шаешь :

На Его святой покровъ не уповаешь ;
Милосердый, Олѣ раскаянью внимаешь .
Здѣсь поблизости дѣвичья естъ обитель ,
Приспань тихая опъ бурь мятежной жизни ;
Тамъ инокини спасающія издавна ;
Тамъ и шы трудомъ, молишвой, покаяньемъ,
Можешь, бѣдная скипалица, спасшися .
Если хочешь, завтра упромъ я охотно
Провожу шебя къ ворошамъ монашырскимъ ;
А шеперь пойдемъ со мной въ мою пещеру
Ночи темныя и холоду укрывшяся ,
Скудной трапезой мою подкрѣпишяся .

Д ѣ в и ц а.

О, веди меня, куда шебѣ угодно !
Видно, Богомъ шы мнѣ посланъ въ ушѣшенье .
Но не пищей укрѣпишяся я желаю
И не сномъ — швоей бесѣдою слышою .

С т а р е ц ъ.

Побредемъ же; вопшь коспыль мой — обо-
прися !
Освѣжу швою я душу поученьемъ :

Часть XX. Кн. II.

Житіе прочту Египетской Маріи.
Ты раскаешься; злодѣя Богъ накажетъ.

Д ѣ в и ц а .

Я и помысломъ къ нему не оглянулся;
Завтра жъ въ кельѣ монастырской зашво-
рюся.

ГНѢВЪ ЗЕВЕСА.

(Б а с н ѣ *).

Разгнѣванный Зевесъ въ Италіи прекрасной
Туманомъ небо обложилъ:
Сокрылось солнце — и ужасной
Ворей завылъ въ снранъ, тдѣ все живошво-
рилъ
Зефиръ дыханвемъ благодашнымъ.
Унынѣ царствуешъ въ дубравахъ, на холмахъ,
Увяли розы на кустахъ,
И воздухомъ луга не дышашъ аромашнымъ.
Вездѣ печаль и спонъ. И въ капищахъ своихъ,
Колѣна преклонивъ передъ Творцемъ природы,
Всѣ моляшъ жипели, да отшранишъ ошъ нихъ
Онъ бури и невзгоды!

(*) Изъ Собранія стихошвореній В. Л. Пушкина, ко-
торое на снхъ дняхъ вышло изъ печати. Снеж.
въ шпанъ No СМѢСЬ, стран. 214.

Моленъе чистое доходишь до Небесъ:
 Умилосердился Зевесъ —
 И гнѣвъ на благоспѣе обращаетъ.
 Онъ солнцу зрѣшь повелѣваетъ:
 Все оживляется прекрасною весной.

Смиряться должно предъ судьбой!
 Ошець и Судія вселенной управляетъ:
 Онъ наказуетъ — и прощаетъ.
 Давно ль Москва, краса градовъ,
 Подъ игомъ бѣдствія стенала,
 И посреди яращихся враговъ
 Въ развалинахъ пылала?
 Туманы пронеслись, гордыни сломленъ рогъ;
 Изъ пепла своего Москва возспала краше.
 О Ты, Который все шрудами превозмогъ,
 Сіяй надъ нами, Солнце наше!

КЪ ПОРТРЕТУ

И. И. ДМИТРИЕВА.

Онъ съ честію служилъ опечесству и Фебу:
Милъ людямъ за талантъ, за справедливостъ
— Небу.

Князь Шаликовъ.

С М Ъ С Ъ

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ В. Л. ПУШКИНА.

Извѣщая читателей нашихъ о выхождѣ въ свѣтъ собранія стихотвореній В. Л. Пушкина, мы считаемъ излишнимъ знакомить ихъ съ талантомъ автора. Есть писатели, которые, и по изданіи трудовъ своихъ, часто остаются неизвѣстными публикѣ; напротивъ того другіе, прежде *формальнаго* своего выхода въ свѣтъ, большей части любителей дарованій совершенно бывають знакомы. Ко второму разряду принадлежить и В. Л. Пушкинъ. Волѣ, что сказалъ о немъ оспроумѣннѣйшій изъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ (*): „первые опыты его принадлежатъ

(*) Смощр. N 46 Сына Отечества, 1821 года, стран. 284.

апожѣ преобразованія, произведенной въ стихотворномъ языкѣ нашемъ швореніями Карамзина и Дмипріева, копорые освободили его отъ тяжкихъ оковъ, на него наложенныхъ неудачными послѣдователями Ломоносова, Пешрова и Державина — и отъ сухой принужденности и черснваго однообразія, приданныхъ ему слишкомъ удачными подражателями Сумарокова. Небольшія стихотворенія его, напечатанныя еще въ 1790 г., носили уже легкой оппечатокъ шого вкуса, шой свободности стихосложенія, чистоты и правильности языка, копорыя содѣлались послѣ опличительными свойствами свѣтской и общежительной Музы нашего стихотворца. Непринужденный разказъ его Басень, Посланія, писанныя слогомъ исправнымъ и обогащенныя стихами, въ коихъ мысли ясно и естественнo разположены, и многія другія мѣлкія произведенія, опличающіяся опдѣлкою искусства и шѣмъ усовершенствованіемъ вкуса, копорое заемлется отъ навыка общесства и шѣмъ самымъ приучаетъ общесство къ чтенію опечесственныхъ произведеній, должны почесаться истинными заслугами, шмъ оказанными Руской Словесности. “

Сочиненія, въ копорыхъ видѣнь вѣрный вкусъ и счастливое искусство говоришь языкомъ пріятнымъ, у насъ не могутъ еще наз-

вапся явленіемъ, слишкомъ обыкновеннымъ. Такимъ образомъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на новую книгу, которая должна увеличитъ небольшое число изданій, означенныхъ числымъ вкусомъ и легкимъ языкомъ. Сочинитель *Опыта Краткой Исторіи Руской Литературы* (стр. 605), говоря о В. Л. Пушкинѣ, кажется, съ намѣреніемъ упомянулъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ его путешествія въ чужіе края, чтобы въ характеристикѣ сего поэта показать молодымъ литераторамъ, что вкусъ есть пріобрѣтеніе, доставляемое намъ знакомствомъ, *изученіемъ* (если можно такъ сказать) лучшаго общества. „Въ Парижѣ, говоритъ онъ, Г. Пушкинъ подружился съ лучшими Французскими писателями того времени (1801 г.): Дюссомъ, Сикаромъ, Деллемъ, Сен-Пьеромъ, Легуве, Мишо — и, желая познакомиться ихъ съ древнею нашею поэзіею, перевелъ на Французскій языкъ нѣсколько старинныхъ Рускихъ пѣсень. Онѣ были напечатаны во Французскомъ Меркуріѣ, и приняты со всеобщимъ одобреніемъ. Въ Лондонѣ занимался онъ Англійскимъ языкомъ, и перевелъ нѣсколько остривковъ изъ Томсоновой поэмы: *Четыре времени года*. Его стихотворенія (наконецъ прибавляетъ онъ) отличаются легкостію, правильностію и при-

япностію слога, благородными мыслями и чувствованіями. “

Собраніе стихотвореній его раздѣлено на три часпи: въ первой *Посланія*, во второй *Басни и Сказки*, а въ третьей *Смѣсы* (большею часпію лирическія и эпиграмматическія піесы).

Изданіе *Стихотвореній В. Л. Пушкина* чрезвычайно удачно, какъ по исправности текста, такъ и по типографической красотѣ. Оно все напечатано на самой лучшей любской бумагѣ. Издатели украсили оное поршрешомъ, свѣшымъ съ автора въ Парижѣ во время его тамъ пребыванія, и гравированнымъ здѣсь въ С. Петербургѣ извѣстнымъ нашимъ художникомъ Г. Галактіоновымъ. Книга сія продается у Казанскаго моста въ книжномъ магазинѣ И. В. Слѣвина по 10 р. экземпляръ. Иногородные могутъ получать ее, не прилагая особенно за пересылку.

ЛЪТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I.

Общество, во исполнение § 22 второй части Устава своего, извѣщаетъ почтенныхъ чинашелей *Соревнователя*, что съ 1 Юля по настоящее время поступило на благошвореніе 20 руб. изъ Новоладожскаго Уѣзднаго Правленія.

II.

Изъ имѣющейся въ Обществѣ суммы, на благошвореніе опредѣленной, выдано пансіонерамъ сего Сословія

За Юль, Августъ и Сеншябрь:

Г. Ск. . . . му	- - - - -	75 р.
Г. Аникину	- - - - -	75 —
Г- Новоселову	- - - - -	75 —
Г-жѣ Ненашевой	- - - - -	75 —
Г. Ад . . . . чу	- - - - -	45 —
Г. Захарову	- - - - -	45 —
Г Балахнину	- - - - -	30 —

Всего - - 420 р.

III.

Г. Членъ-Сотрудникъ В. В. Любарскій, особенными трудами и усердіемъ обратившій

на себя вниманіе Общества, на основаніи §§ 20 и 42 первой части Устава, переименованъ въ Дѣйствительные Члены.

IV.

Общество съ сердечнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ ГГ. описывающихъ Членовъ своихъ о кончинѣ извѣснаго въ ученое свѣдѣніе Почетнаго Члена своего А. А. фонъ Вихмана, и Члена-Сопрудника В. И. Брайкевича,

V.

Общество долгомъ поставлено принести искреннюю благодарность свою Совѣщу ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Московскому Обществу Любителей Россійской Словесности и Г. Кормилеву, отъ коихъ оно имѣло честь получить слѣдующія пожертвованія: *отъ перваго* — 2 экземпляра Кашалота лекцій въ Московскомъ Университетѣ на нынѣшній Академическій годъ, 2 экземпляра Рѣчей, произнесенныхъ ГГ. Профессорами въ торжественномъ собраніи Университета 4 Юля сего года и 9 Разсужденій, писанныхъ на разные ученые спелеци; *отъ втораго* — первую часть Трудовъ его, подъ названіемъ: Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ; а *отъ послѣдняго* — кусокъ окаменѣлости съ ошвала Кавказской горы, найденный при источникѣ кислой холодной воды.

VI.

Общество считаетъ обязанностію извѣстить почтенныхъ чинашелей своего Журнала, что заведеніе для продажи разныхъ вещей въ пособіе бѣднымъ (*), до сихъ поръ находившееся у Синяго моста въ Библиотекѣ для чтенія, В. А. Плавильщикова, нынѣ будетъ имѣть мѣсто у Казанскаго моста въ книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Общества И. В. Слѣнина.

Въ доставленіи работъ, благопвортельныхъ вкладовъ и денежныхъ пособій бѣднымъ никакой перемѣны не будетъ.

Желая доставить добрымъ пріятный случай для благопворенія, а бѣднымъ средства къ выгодной продажѣ своихъ издѣлій (если нѣкоторые изъ нихъ или другихъ не знаютъ о семъ заведеніи), Общество не излишнимъ считаетъ повпорить здѣсь, на какихъ правилахъ основано это заведеніе.

Посѣпители вышеозначеннаго книжнаго магазина увидятъ тамъ два отдѣленныхъ лица: въ первомъ изъ нихъ помѣщаются работы бѣдныхъ, а во второмъ труды разныхъ особъ

(*) Смотр. С. П. и Б., 1821 г., N XI, стр. 240.

или *приношенія* (различными вещами) въ пользу бѣдныхъ.

Всѣ, живущіе трудами рукъ своихъ, усердно приглашаются къ представленію шуда *работъ своихъ*. Общество принимаетъ на себя обязанность спараться о скорѣйшей и выгоднѣйшей продажѣ доставленныхъ ими издѣлій. При нѣкопрыхъ изъ оныхъ будутъ находишься крашкія, но вѣрныя, *записки* объ истинномъ положеніи особы (безъ означенія имени) или цѣлаго семейства, опъ кошораго представлено для продажи издѣліе. Такимъ образомъ *благотворительные покупатели* могутъ плащись болѣе прошивъ назначенной *продавцомъ* цѣны, смотря по бѣдности и крайнему положенію одного лица или цѣлаго семейства. Для записки вещей, равно какъ и вступающихъ за оныя денегъ, пригошовлены двѣ *шмуровія книги*: всякой можетъ ихъ видѣть и *собственною рукою* записывать дѣлаемую имъ по внушенію благотворительности *прибавку* сверхъ положенной цѣны въ пользу бѣдныхъ.

Вопъ назначеніе *перваго* ящика.

Во *второй* ящикъ всякой доброхотный дашель можетъ положить, что пожелаетъ: сочинитель — экземпляръ издаваемой имъ книги, живописецъ — картину своей работы, а *благотворительныя* наши соопечественницы

— труды прекрасныхъ рукъ своихъ: копель-
ки, шитье, вязанье и пому подобное. Все
деньги, вырученныя за продажу сихъ *прини-
женныхъ въ пользу бѣдныхъ*, употреблены бу-
дутъ найполезнѣйшимъ для нихъ образомъ, а
имянно: изъ оныхъ выдавашь станушъ *спе-
редъ*, смотря по бѣдноши лица и достоин-
ству вещи, $\frac{1}{3}$ часишь или $\frac{1}{2}$ назначенной (по
оцѣнкѣ продавца) за вещь суммы. Другъ бѣд-
ныхъ шопчасъ поймешъ, сколь благодѣтельна
сія *предварительная свидата* шѣмъ, у кото-
рыхъ очень часпо нѣшъ полѣна дровъ для о-
топки убогой хижины, и куска хлѣба для
дневнаго пропитанія. Вкладчики *второго я-
щика* могушъ бышь увѣрены, что каждое при-
ношеніе ихъ послужитъ въ помощь спаси-
тельную испинно бѣдныхъ, въ унѣшеніе
спрадалицевъ, въ полной мѣрѣ состраданія
достоинныхъ.

VII.

Во исполненіе § 4 первой части Устава,
Общество будетъ продолжатъ изданіе Тру-
довъ своихъ и въ слѣдующемъ 1823 году, въ
видѣ Журнала, подъ шѣмъ же наименованіемъ:
Сореснователя Просвѣщенія и Благотворенія.

Въ составъ сего Журнала, издаваемого
Обществомъ съ 1818 года, опять предназна-
чены слѣдующія чешыре отдѣленія:

I. ЛИТЕРАТУРА. — Сіе опдѣленіе будущъ составляеть:

A. Проза. — Любопытныя историческіе отрывки; записки путешественниковъ; картинныя описанія разныхъ предметовъ; біографіи знаменитыхъ людей; нравственныя повѣсти — и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

B. Стихотворенія. — Всѣ небольшія произведенія поэзіи; также отрывки изъ поэмъ, трагедій и комедій.

II. НАУКИ. — Занимательныя изслѣдованія по части нравственно-политическихъ и физическихъ наукъ; разысканія древностей, особенно касающихся до общества нашего, и проч.

III. КРИТИКА. — Сіе опдѣленіе предназначается для разбора всего, что можетъ быть предметомъ вкуса, какъ-то: лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, произведеній отличныхъ художниковъ и ш. п.

IV. СМѢСЬ. — Въ семъ опдѣленіи будущъ помѣщаются: краткія извѣстія объ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ, о вновь выходящихъ книгахъ, которыя должны обратитъ на себя особенное вниманіе; любопытныя Общества — и вообще все, что не могло войти въ прежнія опдѣленія.

Въ теченіе года выйдеть двѣнадцать кни-

жекъ Журнала, изъ кошорыхъ каждую ГГ. подписавшіеся получають непременно въ первыхъ числахъ мѣсяца. Три книжки будущъ составляють часть сего изданія.

Выручаемыя деньги изданіемъ *Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія* Обществу, по Уставу своему, назначаетъ на постоянныя и временныя пособія неимущимъ ученикамъ и учащимся, о чемъ подробно извѣщаетъ Публику въ статьѣ Журнала, подъ названіемъ: *Лѣтописи Общества*; поему желающіе содѣйствовать сей благотворной цѣли могутъ вносить за экземпляръ годового изданія и болѣе подписной цѣны, кошорая для здѣшнихъ ГГ. подписчиковъ, безъ доставки Журнала на домъ, назначается *двадцать пять рублей*, а съ доставкой и также съ пересылкою въ другіе города *тридцать р.*

Имяна особъ, доставившихъ за Журналъ въ кошорое количество денегъ сверхъ подписной цѣны, и вообще всѣхъ *Благотворителей*, припечатываются въ *Лѣтописяхъ Общества*.

Подписка принимается въ Санктпешербургѣ — въ домѣ Собранія Общества, на Вознесенскомъ проспектѣ, 3 Адмиралшейской части, 4 кваршала, подъ N 254; также въ книжномъ магазинѣ Коммисіонера Общества И.

В. Слѣнина у Казанскаго моста (*), и въ Библиошкѣ для чтенія В. А. Плавильщикова у Синяго моста.

Иногородныя особы, желающія получать сей Журналъ, могутъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

(*) У него жъ можно подписываться на всѣ, какъ С. Петербургскіе, такъ и Московскіе Журналы, на будущій 1823 годъ.

О ПЕРЕВОДЪ
РУСКОЙ ПРАВДЫ
НА ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Игнацій-Венедиктъ Раковѣцкій, Членъ Царскаго Варшавскаго Общества Любителей Наукъ, отчасти извѣстный уже учеными трудами своими нашему Обществу и чинашелямъ нашего изданія, лишь только окончилъ печатаніе сочиненія своего на Польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Руская Правда* (*Prawda Ruska*), посвященнаго ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, поручилъ мнѣ доставленные отъ него два экземпляра отдать, по назначенію, одинъ въ ИМП. Публичн. Библиошеку (копирый имѣлъ я честь вручить Его П-ву Директору оной), а другой въ Библиошеку нашего Общества, при семъ представляемый. Сіе сочиненіе, сверхъ главнаго предмета *Правды*

Русской, или законовъ В. К. Ярослава Владиміровича, также содержишь въ себѣ договоры Олега и Игоря В. Князей Кіевскихъ съ Греческими Царями, и Мспислава Давидовича Князя Смоленскаго съ городомъ Ригю, напечатанные на Рускомъ языкѣ (церковными буквами), какъ подлинники, вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на Польскій языкъ. Оно состоишь изъ 2 книгъ въ 4 д. л., изъ коихъ въ 1-й XVI и 276, во 2-й XII и 320 ешаницъ. Какъ въ началѣ сего сочиненія, сверхъ объясненія древнѣйшихъ памятниконъ Славянскихъ законовъ, представлено историческое изображеніе нравовъ, обычаевъ, вѣры и законовъ древнихъ Славянскихъ народовъ, такъ и въ заключеніи 2-й части, по окончаніи объясненія оныхъ законовъ, сообщены важныя изслѣдованія сочинителя о способѣ образованія человѣческаго слова и разположенія разныхъ языковъ, а особливо Славянскаго и его нарѣчій. До какой степени сей трудъ, обогатившій Польскую словесность, важенъ и нуженъ каждому, желающему изслѣдовать начало, духъ, разныя перемѣны и настоящее состояніе отечественнаго языка, въ томъ можешь удостовѣришь содержаніе оного. Ограничимся теперь показаніемъ оного вкратцѣ, предославляя дальнѣйшему времени нѣсколько подробнѣе изложеніе.

Въ 1-мъ томѣ Ч. I. О древнихъ Славянахъ вообще. Гл. 1. Естественныя и нравственныя качества, хозяйство. Гл. 2. Божества и богослуженіе. Гл. 3. Образъ правленія 4. Искусства и науки. Ч. II. О Славяно-Руссахъ. Гл. 1. Высшее состояніе. 2. Низшее состояніе, чернь. 3. Власть правительственная, чины и должности въ древнихъ Рускихъ Княжествахъ. 4. О власти и чинахъ, также о чиновникахъ Новгородской республики. 5. О древности и качествахъ Славяно-Русскихъ законовъ. — 6. О торговлѣ Славяно-Руссовъ. 7. О монетахъ или деньгахъ, мѣховыхъ (шкурныхъ), поволокахъ и серебряныхъ или сѣдѣхъ серебряныхъ, бывшихъ въ употребленіи въ Россіи. 8. О духѣ Славяно-Русскихъ законовъ и въ особенности объ извѣстныхъ подъ названіемъ *Правды Руской* (о правѣ отпущенія, о лихвѣ и ростѣ, о свидѣтеляхъ, объ испытаніяхъ и поединкахъ судебныхныхъ, о наказаніяхъ и плашежахъ). Заключение историческаго изображенія. Письмо Г. Юнгманна о древнихъ остаткахъ Богемскаго стихотворства. Роспись главнѣйшимъ предметамъ содержащимся въ 1-й книгѣ.

Во книгѣ 2-й Рускіе подлинники съ Польскими переводами:

1. Договоръ Князя Олега съ Греческими Царями въ 912 г. § 1 — 11.

2. Договоръ Кн. Игоря съ Греческими же Царями въ 945 г. § 1 — 14.
3. Договоръ Кн. Смоленскаго Мстислава Давидовича, съ г. Ригою заключенный въ 1228 г. § 1 — 32.
4. Правда Руская, съ объясненіями сочинителя и изположаніе его разныхъ спаривныхъ словъ и выраженій § 1 — 90.
5. Историческое изображеніе начала и состоянія Славянскаго и Польскаго языковъ (*). Ч. I. § 1 — 31. Ч. 2. § 42—71.
6. Словарь главѣйшихъ Славянскихъ словъ, объясненныхъ въ 1-й книгѣ.
7. Таблица Славянско-Руской азбуки.

(*) Перечень историческаго изображенія начала и состоянія Славянскаго и Польскаго языковъ: — Мнѣніе Фререта, что отъ Славянскаго языка произошли: Греческій, Латинскій и другіе. — Слѣды древности языка Славянскаго; новооткрытые памятники онаго, VIII вѣка повѣсть о сеймѣ Любуши. — IX вѣка описаніе побѣды Неклана. — Богослужбныя книги, какъ прочѣйшія памятники каждаго языка. Сношенія восточно-сѣверныхъ Славянъ съ востокомъ, позволили имъ сохранить шаковыя книги. Соотношенія Славянъ югозападныхъ съ западомъ не позволили имъ сохранить шаковыя книги и другіе памятники своего языка. — Причина раздѣленія разныхъ нынѣшнихъ Славянскихъ диалектовъ. Состояніе древняго Славянскаго языка. — Состояніе Рускаго языка въ вѣкахъ съ X — XIII

Догадка Г. Броссо о существованіи одного первобытнаго языка, раздѣлившагося послѣ на многіе. — Разборъ звуковъ, издаваемыхъ органомъ человѣческаго слова, сдѣлавшихся основаніями языковъ. Внутреннія и внѣшнія ощущенія заставляли издавать сіи звуки, составляющіе рѣчь или языкъ. — Первобытное семейство, въ первоначальномъ своемъ обществѣ, имѣло общій языкъ, сообразно съ нуждами распространяемый. Съ умноженіемъ рода человѣческаго размножились разные селенія, изъ коихъ произошли разные народы. Каждый изъ нихъ распространялъ языкъ свой, по мѣрѣ нуждъ своихъ, копорыя отличались отъ нуждъ другаго народа, отъ чего и первоначальный языкъ долженствовалъ измѣняться и преслалъ быть общимъ. — Слѣды первоначальнаго Славянскаго языка, бывшаго у всѣхъ Славянъ общимъ. Междометія или вос-

---

съ XIII до XVIII, а съ XVIII до нынѣшняго. — Состояніе языковъ *Сербскаго*, *Богемскаго* (цвѣтущее, упадокъ и возрожденіе онаго), *Польскаго* (съ X до XIV, разные памятники съ XIV — XV, цвѣтущее состояніе съ XVI до XVII; причины успѣховъ его и упадка; порча его въ XVII вѣкѣ, возстановленіе наукъ въ XVIII в. и вновь цвѣтущее состояніе сего языка. Главныя эпохи исторіи онаго). Общее обзорѣніе нынѣшняго состоянія Славянскихъ діалектовъ и способъ къ возведенію ихъ на высшую степень.

клицанія, предлоги. — Основанія, соспавляюція *натало, средину* и *оконтанія* словъ, и соопношительное измѣненіе оныхъ; — всѣ предыдущія изслѣдованія открываютъ основанія, связывающія цѣлое зданіе слова или языка, шакже главнѣйшіе предметы и понятія, дѣйснвующія на составъ языка. — Власшь разума и понятія шворили разныя слова, доколь число ихъ наполнилось, попомъ послѣдовало условное упошребленіе сихъ словъ. О необходимости словопроизводнаго (эшимологическаго) разбора началъ, соспавляющихъ слова, шакже о нуждѣ *знатль* и сохранять условія или упошребленіе выраженій.

Въ заключеніе сего *краткаго изложенія* долгомъ посшавляю сказаць, что Г. Раковѣцкій шѣмъ большую заслуживаетъ признательность Россіянъ, что почерналъ всѣ почши свѣденія при изслѣдованіи сего единственнаго оспашка древнихъ Рускихъ законовъ изъ Рускихъ же писашелей, изъ коихъ, хотя многіе писали о семъ предметѣ, но Россійская словесность доселѣ еще не имѣетъ столь обстояштельнаго и совокупнаго его изложенія.

В. Анастасевичъ.

16 Окш. 1822. С. П. б.

ОТВѢТЪ ПРОТИВЪ ЗАМѢЧАНІЙ

отставнаго Аудитора 10 класса Селена Ляшкевита, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества книж. 39 стр. 267 — 272 на статью мою подъ заглавіемъ: Краковскіе Памятники, помѣщенную въ оноумъ же изданіи книжк. 36 стр. 97—108 и въ Соревнователь Провс. и Благотвор. кн. X. стр. 91—101 сего года.

Въ замѣчаніяхъ на произведенія изящно-словесныя, крипакъ, не имѣя письменнаго доказательсва для подпверженія своихъ возраженій, не имѣя предъ глазами, шакъ сказашь, *уложенія* языка, часію ссылаеися на одно употребленіе какаго либо слова или оборота рѣчи, даже не указывая, какимъ образомъ, гдѣ и когда можно было бы справннсья съ онымъ. Въ историческихъ предметахъ необходимо должно предсхавить извѣстное свидѣтельсво, котораго степень достоверности зависитъ отъ большаго, или меньшаго довѣрія, пріобрѣннаго себѣ самимъ свидѣтелемъ.

Г. Ляшкевичъ, въ замѣчаніяхъ своихъ на мою спашью, руководствовался названною имъ классическою (можешь быть вмѣсто классной, какъ это нередко случается) небольшою книжкою на Польскомъ языкѣ: *Ryz historyczny PoIskiey* . . . и, е. Историческое начертаніе Польши, отъ начала единодержавія (Монархій) до послѣдняго паденія и раздѣленія сего Королевства, съ 5 картами, соч. Юс. Миклашевскаго, въ Варшавѣ 1821 г., въ 8 д. л. 138 стр., сверхъ коихъ 5 стран. занимаютъ печатки, не всѣ еще показанныя. Самъ сочинитель въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ написалъ сію книжку для домашняго первоначальнаго воспитанія своего сына, для коего не могъ выбрать ни одной способности изъ числа изданныхъ на опечесивенномъ своемъ языкѣ. Когда я писалъ свою спашью о Краковскихъ Памятникахъ, чтобы только объявить подписавшимся на сіе изданіе о вышедшихъ уже 2 шепрадахъ онаго—и во ожиданіи обѣщаннаго издашеями приложенія при концѣ всего изданія описанія всѣхъ рисунковъ желалъ дасть между шѣмъ нѣкоторое о нихъ понятіе, а особливо не разумѣющимъ Латинскихъ подписей, то я не имѣлъ надобности описывать оныя рисунки со всѣми историческими разысканіями объ изображенныхъ лицахъ и объяснять разныя о нихъ мнѣнія раз-

ныхъ писателей; однакожь справлялся съ извѣснѣйшими источниками для Польской исторіи, преимущественно же съ *Нарцисситель*, *Бандтке*, *Вагоу*, и съ послѣднимъ изданіемъ *l'Art de vérifier les dates* (Повѣрка лѣтосчисленія). Представляю сихъ моихъ свидѣтелей на судъ читавшихъ замѣчанія Г. Ляшкевича вмѣстѣ съ нѣкоторыми и моими объясненіями, дабы молчаніемъ своимъ не оставилъ моихъ чинашелей въ помѣ мнѣніи, что я писалъ наобумъ и убѣждаюсь сдѣланными мнѣ возраженіями.

1) Г. Бандтке въ своей Польской исторіи (*Dzieje Królestwa Polskiego*) 2 Бреславскаго изданія 1820 г. въ 2 кн. въ 8 д. л. изчисляеть владѣвшихъ въ Польшѣ Лешковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Лехъ I*, старшій братъ Чеха у Поляковъ, а младшій у Чеховъ (Богемцовъ), основатель древней Польской еполицы Гнѣзна; по немъ сынъ его *Лехъ II*, воевавшій въ Даніи; пресѣкается родъ Леха I, учреждается правленіе изъ 12 Князей. — Кракъ или Кракусъ I, основатель Кракова. Младшій сынъ его *Лехъ III* убиваетъ измѣннически старшаго брата своего Кракуса II для похищенія престола, но принужденъ уступить сестрѣ своей Вандѣ; послѣ героической ея кончины опять правленіе изъ 12 Князей и прежнее смященіе. Злашюковачъ (*zlotnik*) Премыславъ I хитроснѣю освобождаетъ свое опечесство

опть враговъ Вейгерцовъ и провозглашенъ Королемъ подъ именемъ Леха или Лешка IV. По немъ Лешекъ V, за коварное достиженіе престола заплачившій своею жизнію. Открывшій его коварство Лешекъ VI былъ его преемникомъ, а сему наследовалъ Лешекъ VII, отецъ Попѣля I, перенесшій престоль свой изъ Кракова въ Гнѣзно и попомъ въ Крусьвицу. На сынѣ же его Попѣлѣ II оканчивается баснословіе Длугоша и Бѣльскаго, каковыми наполнены начатки историческаго существованія и другихъ народовъ. Баснословный также Марпынь Галлусъ полагаетъ на Польскомъ престолѣ Лешка или Лешка VIII, сына Зѣмовиша, избраннаго въ 840 г., внука Пяшакоры, который хотя самъ не царствовалъ, но былъ прародителемъ Польскихъ Королей, владѣвшихъ даже до Казимира III (1570 г.) и Князей Мазовскихъ и Силезскихъ. Время владѣнія сего Лешка VIII Длугошъ опредѣляетъ до 950 г. Если же изъ всѣхъ сихъ Лешковъ считать Злапоковача Премыслава или Лешка IV, какъ онъ обыкновенно считается, 1-мъ, а изъ наследниковъ его Лешка II или V не полагать въ числѣ владѣтелей, какъ незаконно избраннаго, то Бѣльскаго Лешекъ VI былъ бы 2-мъ, VII 3-мъ, а VIII 4-мъ — и сего по послѣдняго царствованіе достоверно. (Подобно сему въ Шведской исторіи считается Карловъ 13-тъ.

если считашь изъ нихъ 6-иѣ владѣвшихъ до Р. Х.) За нимъ слѣдовали *Лешекъ V*, и *Лешекъ VI*, прозванные по цвѣту своихъ волосовъ первый *бѣлымъ*, а послѣдній *чернымъ*. Нѣкоторые писатели считаютъ только сихъ двухъ. Нарушевичъ (ш. 2 въ родословн. таблицѣ) называетъ Лешкомъ IV опца Зѣмомысла (правнука Пяспа), владѣвшаго съ 921—962 г. и дѣда I Польскаго Короля Христиана Мечислава. Въ *l'Art de vérifier les dates* (ш. VIII стр. 108) Лешко Черный также названъ VI, *Lesko VI*, *signomé le Noir*. — Г. Ляшкевичъ насчиталъ лишь 3-хъ Лешковъ и заключаетъ словами: „о 3-хъ *остальныхъ* (?) Польская исторія (чья?) не упоминаетъ, и они въ первый разъ появляются въ 36 книжкѣ Сына Отечества, “ Сколько же ихъ было по его счету? Свидѣтель его Миклашевскій вовсе не отмечаетъ ихъ числами.

2) 1279. вмѣсто 1279 г., въ которомъ Лешко Черный всступилъ на престоль, очевидная описка, или опечашка, когда шамъ же сказано, что онъ наследовалъ дядѣ своему Болеславу V Стыдливому (1279) и побѣдилъ Кнзя Льва Даниловича (1280 г.), при чемъ указано и на Исторію Государства Россійскаго Н. М. Карамзина. (Г. IV стр. 14).

3) Владиславъ Локшешекъ у меня названъ Локшикомъ по причинѣ весьма близкаго сход-

слва сихъ словъ въ обоихъ соплеменныхъ языкахъ Польскомъ и Рускомъ, а еще болѣе по тому, что Рускимъ повяшнѣе слово Локшикъ, нежели Локѣшекъ. Впрочемъ можно привесшъ множесшво примѣровъ, что нѣкошорыя прозванія переводяпся даже съ чуждыхъ вовсе между собою языковъ. Нашъ Царь Иоаннъ Грозный на Французскомъ *Jean terrible* (болѣе значишъ спрашный). Мы переводимъ *chauve lvisai, oiseleur птицеловб*. Сами Поляки своего Короля Генриха Валоа *Henri de Valois* называютъ Валезіемъ (*Walezy*) и ш. д. Но назвашъ Локѣпка *аршинтикомб* безъ всякаго сомнѣнія было бы спранно.

4) О ирекспрашномъ вспуленіи на пресполь погожъ Владислава Локшика или, если угодно, *Локѣтка*, ссылаюсь на Нарушевича *Hist. Nar. Pol. T. V* стр. 191, 214 и 240, на Бандшке *T. I.* стр. 368, 374 и 384 и проч. Въ семъ мѣспѣ Г. Ляшкевичъ не замѣнилъ еще одной опечашки *C. O.* стр. 99 въ началѣ 9 строки 1197 вмѣсто 1297 г., въ кошоромъ сей Король вшорично вспунилъ на Польскій, пресполь.

5. 6. 7. 8) Г. Ляшкевичу любопышно знашъ, отъ кого *спасб* Владиславъ Локѣшекъ свое опечесшво и почему я назвалъ сего Короля ошовашелемъ самодержавія, когда первымъ въ Польшѣ былъ Болеславъ храбрый? На сей

вопросъ можно было найти отвѣтъ и въ книжкѣ Миклашевскаго, на стран. 33, гдѣ еще при жизни Вацлава Локѣшекъ, возвращаясь изъ за границы въ свои наслѣдственные Княженія, по смерти его, признанъ былъ Королемъ ошъ *всего народа*, также по смерти Глогаускаго Князя Генриха вновь приобрѣлъ и *великую Польшу*, а по усмирении Краковскаго мятежа *нагналъ сладѣте всю Польшу*, кромѣ Силезіи, поддавшейся Богемскому Королю. Помомъ вмѣстѣ съ супругою своею вѣнчался на царство въ Краковѣ, признанъ въ Королевскомъ санѣ ошъ Папы Іоанна XII, и бракомъ сына своего Казимира съ Анною Гедиминовною *соединилъ* Липву съ Польшею, укрѣпился прошивъ Крестовыхъ рыцарей, коихъ побѣдилъ при деревнѣ Пловцахъ, а не подъ Половцами. Изъ подробнаго описанія кончины сего Монарха на 73 г. въ исторіи Нарушевича (Т. V стр, 354) не видно ни слѣда, чѣмъ ошъ умеръ съ опчаянія. Напротивъ того, приготоваъ къ вѣчной жизни по Христіански, во время болѣзни своей съ осени, и давъ наставленіе своему сыну, ошъ скончался (2 Марш. 1333 г.) *спокойно* въ Краковскомъ замкѣ. Не кирпичь, а кирпичная его гробница, или лучше сказать сдѣланная изъ горшечной глины, названа у Бандшке *отечественнымъ* произведеніемъ, для означенія,

что ее могли сдѣлать и иностранцы, коиъ едва ли и выписываютъ изъ заграницы для какой либо постройкы съ тѣмъ, чтобы привозили съ собою и нужные для оной матеріалы!

9 — 11) По смерти Сигизмуна— Августа (1572 г), какъ пишетъ и Миклашевскій (спр. 67), кончилось *избирательное наследство* Польскаго престола, который съ того времени сдѣлался *вольноюизбирательнымъ*, и Польша объявлена Республикою.

10) Piasta, *Пяста*, Польское слово по словарю Г. Линде Т. II. Ч. 2. стр. 671 и 672 собственно значить *ступница у колеса*. По толкованью своего тѣла при маломъ ростѣ Пястомъ прозванъ прародитель Польскихъ Королей и сообщилъ сіе названіе (Пясть) не только своему дому, но и всѣмъ преемникамъ Польскаго престола изъ природныхъ Поляковъ (Polnischer König, von Geburt Pole). По сему же и послѣдній Король Станиславъ Августъ Поняповскій, избранный послѣ владѣвшихъ до него въ Польшѣ изъ Саксонскаго дому, названъ былъ Пястомъ.

12) Чшо по опечашкѣ переставлено царствоваль 10 л. *сб Гроднѣ; умеръ* въ 1585 г. вмѣсто: умеръ въ Гроднѣ, явствуешъ изъ того, что въ сей спашѣ Стефанъ Баторій вездѣ названъ Королемъ Польскимъ, а не Гродненскимъ.

Заключаю сіи объясненія искреннею благодарностію за ученое вниманіе Г. Лышкевича къ моей спашь, которое, какъ бы оно ни было изъявлено, любилпелю испины и наукъ всегда пріятнѣе холоднаго прочшенія или пошпаеннаго порицанія.

В. Анастасевичъ.

С. П. бургъ 4 Окп. 1822 года.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

Въ книжныхъ магазинахъ Плавильщикова, Слѣнина и Глазунова въ С. Пешербургѣ, принимается подписка на вновь вышедшую книгу: Лондонскій Пустынный или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX столѣтія. Переводъ съ Французскаго С. де Шапеша, двѣ части съ гравированными картинками С. П. Б. 1822 въ Типографіи Н. Греча, до 700 страницъ. Цѣна за обѣ части на лучшей бумагѣ въ цвѣтной оберткѣ двѣнадцать рублей. При подпискѣ I часть выдается, а II уже печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени. ГГ. иногородные благоволяшь прилагашъ на пересылку за чешыре фунпа.

NB. На стран. 212, строк. 4, ошибкой напечатан: *зрѣтъ*, вмѣсто: *грѣтъ*.

Н А У К И.

АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ШКОЛА.

Знаменишая Александрійская школа, кошорая имѣла чрезвычайное вліяніе на ходъ наукъ и всеобщее образованіе человѣческаго рода, была основана Птоломееми, вознамѣрившимися сдѣлать Александрію главнымъ пріюпомъ Греческой учености. Въ то время, когда въ самой Греціи свобода и благосостояніе болѣе и болѣе приходили въ упадокъ, они привлекали къ своему двору всякаго рода ученыхъ и вспоможеніями доставляли имъ возможность посвящать жизнь наукъ своей или искусству. вспоможенія сіи были двояка-

го рода. Они сосполяли часпію въ доспа-
вленіи ученому всѣхъ липературныхъ
пособій, какія нужны ему, часпію въ о-
безпеченіи его, шакъ чтобы ничто не
препятствовало ему свободно оними
пользоваться. Для первой цѣли служила
Библіотека (*), для второй Музеумъ.

(*) Заведеніе библіотекъ, величайшихъ, не-
жели когда либо существовали дошолъ,
способствовало учености Александрій-
цевъ. Еще Птоломей первый положилъ
основаніе двумъ библіотекамъ, одной на
самой гавани въ Брухіумъ, а другой въ
Серапіевомъ храмъ; при его преемникѣ
число книжныхъ свѣтковъ возрасло уже
до полумилліона (*Euseb. praepar. evang. lib.*
8. c. 2). Птоломеи соперничали тогда въ
покупкѣ книгъ съ Пергамскими царями.
Всѣ мореплаватели имѣли порученіе по-
купать, гдѣ только попадутся, шворе-
нія древнихъ, кошорыя были у нихъ
перекупаемы по весьма высокимъ цѣ-
намъ. Сіи рукописи складывались на
время въ особыя комнашы, предъ вхо-
домъ коихъ была надпись: *изъ кора-*
блей. Такимъ образомъ подали поводъ
корыстолюбцамъ упошреблять во зло

(*) То и другое мѣсто изобиловало царскими щедропами.

Граμμαшики и криптики, спихопшворцы, матемашики, географы, ешешество-

---

знаменишья имяна; ибо многіе изъ нихъ продавали собственныя шруды за произведенія древнихъ. Для различенія сихъ подложныхъ письменъ ошъ наспоющихъ, приспавлены были наконецъ особые ученые, названныя *Коризонтами*. Тѣ рукописи, копорыя ими признаваемы были за наспоющія, сберегались въ особомъ небольшомъ покоѣ (Galen. de dispos lib. 2 comm. 2 in libr. 3. Epidem. comm. 2 in libr. de nat. hum.) Пшоломеи всячески старались превзойши Пергамскихъ царей въ сей ученой пышности, и чшюбы вѣрнѣе доспигнуть своей цѣли, запрешили у себя вывозъ папируса (*Plin. Н. Н. 13. II.*); однако въ Пергамѣ изобрѣли средство выдѣлывать пергамень изъ ослиныхъ кожъ, и соперничество продолжалось еще долго.

(*) Одна часть царскаго дворца составляла Музеумъ — большое зданіе, гдѣ для ученыхъ усшроены были общеспвенныя споловыя, залы или аудиторіи для преподаванія, и галлерей, украшенныя ко-

испытатели, медики и философы пользовались симъ новымъ инспишумомъ наукъ, и всѣ они зрѣлыми прудами своими соспавляютъ вообще Александрійскую школу, кошорая опличаешя особеннымъ характеромъ.

Къ прежнимъ граммашикамъ, подъ имянемъ кошорыхъ должно разумѣть не однихъ языкоучишелей, но и филологовъ, лишерашоровъ и энциклопедисховъ, принадлежатъ Эфезецъ *Зенодотъ*, Эратосвенъ Киренскій, *Аристофанъ* изъ Визаншии, *Аристархъ* изъ Самоеракии, *Кратесъ* Маллосскій, *Діонисій* изъ Эракии, *Аполлоній* Софистъ, *Дидимъ* и *Зоилъ*.

лоннами для прогулки. Здѣсь и жили ученые на общенародномъ содержаніи, подъ главнымъ надзоромъ первосвященника, кошораго опредѣляли цари, а во время управленія Римлянъ Имперашоры (*Страбонъ*). Здѣсь производились публичные состязанія и побѣдишели награждались, подобно тому, какъ и на Олимпійскихъ играхъ (*Vitruv. de archit. lib. 7 p. 106*).

Изъ числа стихотворцевъ были: *Аполлоній Родосскій, Ликофронъ, Аратъ, Никандеръ, Эвфоріонъ, Каллимахъ, Теокрытъ, Филетъ, Фаноклесъ, Тимонъ, Фліазійскій, Скилинъ, Діонисій* и семь трагиковъ; которыхъ называли *Александійскимъ семизвѣдіемъ*.

Весьма часто упрекають сихъ ученыхъ въ томъ, что библіотека ихъ испортила — и въ самомъ дѣлѣ нельзя опровергнуть, что, занимаясь кришикою, изслѣдованіями и поясненіями древнихъ, они потеряли собственную свою творческую силу, и что даже тамъ, гдѣ она есть, не найдешь уже свѣжести и живости прежнихъ вѣковъ. Весьма немногіе оживотворялись истиннымъ гениемъ; въ произведеніяхъ другихъ обнаруживались только кришическія свѣденія и ученость. Хотя и нельзя оспаривать чистоты, правильности и плавности языка въ ихъ твореніяхъ; но, при всемъ искусствѣ, съ которымъ они составлялись, нельзя не признаться ихъ слабости. Многіе, набивъ голову ученостию, отяжелѣли въ своихъ произведеніяхъ, и старались изыскивать только но-

воспи, но какъ самыя предметы ихъ, такъ и описанія были весьма незанимательны.

Библиотека была дѣйствительною причиною того, что сіи ученые искали болѣе заслугъ и славы въ начитанности и пустыхъ критическихъ изслѣдованіяхъ, нежели въ оригинальныхъ произведеніяхъ. Даже немногія Греческія стихотворенія Каллимаха, Аполлонія Родосскаго, Ликофрона, которыя появились при началѣ еще заведенія въ Александріи Музеума, имѣющъ уже на себѣ печать такого липерашурнаго вкуса, хотя обнаруживающъ и поэтическій геній и риторическую назидательность и глубокую ученость творцевъ своихъ. Сей же однако вкусъ доставилъ большую и разнообразную пользу древней и новой липерашурѣ. За исправность текста древнихъ Греческихъ стихотворцевъ, различіе истиннаго отъ подложнаго въ ихъ произведеніяхъ, изложеніе всего въ историческомъ, грамматическомъ и эстетическомъ отношеніи, познаніе Греческой драматургіи, метрики и ш. ц. обязаны

мы всего болѣе имянно Александрійцамъ изъ школы Ариспарха. Въ послѣдствіи занимались они также древними прозаическими сочиненіями Грековъ по часпи наукъ — и во множествѣ произшедшихъ отъ того комменсарій сбереглось немало драгоценныхъ поясненій языка и самыхъ предметовъ, опорывковъ древней Греческой учевости и пр., что было бы для насъ совершенно поперяно. Текстъ важнѣйшихъ Греческихъ прозаиковъ, какъ на пр. *Ѳукидида, Платона, Аристотеля*, равно какъ и сѣихопворцевъ, сохранился также въ крипическихъ разборахъ. Грамматика Греческаго языка, особенно въ разнообразныхъ его діалектахъ, производсво и значеніе словъ, все сіе было наиболѣе поясняемо тѣми Александрійскими крипиками и комменсарорами, которіе преимущественно посвящали себя изслѣдованіямъ языка, каковы были: *Эратосвенъ*, библиошекаръ въ Александріи во время Пшоломея III Эвергета, называвшій себя прежде *Филологомъ* (Sueton. de grammat. с. 10), *Дидимъ старшій* во время правленія Императора *Августа I* во

второмъ столѣтїи по Р. Х., и въ послѣдствїи *Аполлоній Дисколъ*, *Геродіанъ*, *Аеменей*, *Гарпократіонъ*, *Гефестіонъ*, *Юлій Поллуксъ*, *Гезихій*, *Аммоній* грамматикъ и другіе.

Александрійскіе ученые не ограничивали себя однако кришикою и разборомъ прежнихъ Греческихъ писателей. Съ неупомимою дѣяшельностію обрабопывали они исторію первобытныхъ народовъ Греціи, что конечно было для нихъ весьма важно; собирали всѣ касающіяся до того преданія и миѳы; и если послѣдніе служили основаніемъ какимъ либо религіознымъ дѣйствіямъ, то старались дѣлать пому разныя поясненія, этимологическія, историческія, философскія; или заботились о томъ, чтобы приспособить ихъ къ поэзіи, живописи и ваянію.

Одной изъ главныхъ наукъ, кошорая сущесшвовала до Александрійцевъ въ нѣсколькихъ только разбросанныхъ примѣчаніяхъ и правилахъ — математикѣ, дали они, прежде всѣхъ систематическое образованіе и были изобрѣтателями строгой учебной мешоды, кошорая при-

помъ шребуется и копорая по сему въ новѣйшія времена оспалась въ главныххъ своихъ пункшахъ безъ всякой перемѣны. *Эвклидъ*, родившійся въ Александріи, во время Пшоломея Сопера, сдѣлался опцемъ Геометріи своими *нагалами*, копорыя продолжалъ другой Александріецъ *Гипсиклесъ* (въ срединѣ II сп. по Р. Х.), и къ копорымъ присовокупили поясненія *Феонъ* съ своею ученою дочерью *Гипатіею* (въ сред. IV сп.) въ соспавленныххъ ими *доказательствахъ* (начашыхъ, вѣрояшно, самимъ *Эвклидомъ*) и *Проклъ* въ своихъ комменшаріяхъ. *Аполлоній* изъ Перги, что въ Памфіліи, жившій въ Александріи во время Пшоломея Эвергета (около 247 предъ Р. Х.) подарилъ насъ швореніемъ своимъ о *конигескихъ сѣтеніяхъ*. *Анатолій*, учитель въ Александріи во время бывшихъ въ Египтѣ смяшеній при Имперашорѣ Галліенѣ и когда осаждали Брухіонъ (262), *Паппъ* при Импер. *Феодосіѣ* Великомъ, и *Эвтокій* въ VI сп., комменшашоръ Архимеда, были также опличныя Александрійскіе математики. *Николахъ*, изъ Геразы, что въ Аравіи,

въ I ст. по Р. Х. былъ опцемъ учебной Арифметики, которая получила дальнѣйшее образованіе опъ *Диофанта* во II ст. и опъ писавшаго на швореніе его комментаріи *Ямблиха*, изъ Целесиріи (въ нач. IV ст.). При Птоломеяхъ *Филаделфъ* и *Эвергешъ Ктезибій* примѣнили теоретическую математическую къ механикѣ и зодчеству и имѣли послѣдователей *Геро*, своего ученика, попомъ *Бито*, *Фило* и другихъ, которыхъ шворенія, послужившія источникомъ для изученія Римлянина *Вишривія*, опчасти и понынѣ уцѣпѣли.

Первыя учебныя системы астрономіи и географіи, подобно какъ и чистой математикѣ, были основаны пакже въ Александріи. Хотя онѣ, судя по нынѣшнему образованію сихъ наукъ, были весьма недоспапочны, но по крайней мѣрѣ проложили путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ попомшвѣ. Александрійцы имѣли средство пользоваться вблизи приуголовительными астрономическими наблюденіями Египетскихъ жрецовъ, которые имѣли уже на пр. весьма исправлен-

ный календарь. Даже Египетскія іероглифскія начертанія весьма имъ къ тому способствовали. Имъ пришла счастливая мысль примѣнить оныя къ сѣверной небесной сферѣ, кошорая одна только была тогда извѣстна, и шакимъ образомъ опредѣлили они неподвижныя звѣзды, что и доселѣ остается въ употребленіи и для чего изображенія были заимствованы изъ Греческой Мифологіи, получившей отъ того равнымъ образомъ новыя приращенія: Кашасперизмы *Эратосвена*, Феномены *Арата*, Учебное стихотвореніе о явленіяхъ небесной сферы *Эвдоха* изъ Книда, Комментаріи *Гиппарха* изъ Вионской Никей на *Эвдокса* и *Арата*, Фабулы и пипическая Астрономія *Гигина*, *Sphaerica Менелая* изъ Александріи, кошорый дѣлалъ астрономическія наблюденія въ Римѣ при Импер. Траянѣ, Разсужденіе о сферѣ *Леонтія*, Схоліи *Θεона* и другихъ къ *Арапу*, но главнѣйшее *Μαγνα Συγτάξις* (*) *Клавдія Пшоломея*, въ сред. II

(*) Подъ симъ названіемъ Пшоломей прежде всѣхъ собралъ въ 13 книгахъ и привелъ

сп., и другія астрономическія его сочиненія, сушь въ нынѣшнее время памяшники того, что Греки, имянно Александрійской школы, сдѣлали для Астрономическихъ наукъ. Во время Юлія Цезаря изъ Александріи перешла въ Римъ, а опшуда къ другимъ новѣйшимъ народамъ, теорія Календаря, которая сдѣлалась столь всеобщимъ вспомогаельнымъ средствомъ для гражданскаго и учебнаго образованія. Равнымъ образомъ Пшоломей, имѣя средства по обширной торговлѣ Александріи со всѣми странами свѣта, къ историческимъ освѣдомленіямъ и из-

---

въ систему отдѣльных астрономическія наблюденія древнихъ. Изложенная имъ тушь же система міра извѣстна подъ именемъ Пшоломеевой. Въ 827 году, по повелѣнію одного изъ Арабскихъ Калифовъ, швореніе сіе переведено на Араб. языкъ, а въ 1230 сей переводъ, имѣющій названіе *Алмагестъ*, переведень снова, по приказанію Импер. Фридрика II, на Латин. языкъ. Послѣ того были и другіе переводы сего сочиненія съ Араб. на Латин. *Примѣт. Перес.*

слѣдованіямъ, не оставилъ безъ вниманія Географіи, которой онъ далъ система- шическое образованіе съ приложеніемъ астрономическихъ ея опвошеній. Его швореніе по сей части естъ совершен- нѣйшее изъ всѣхъ, какія оставила намъ древность.

Историческія сочиненія Александрій- цевъ всѣ упрачены, почему и нельзя су- дить о томъ, что сдѣлано было ими соб- ственно для исторіи. Первый изъ Пто- ломеевъ (*Лигд*) сочинилъ самъ жизнеопи- саніе Александра Великаго, которое чи- талъ еще Арріанъ. Птоломей *Фил.* на- писалъ XXIV книги историческихъ со- чиненій, которыя весьма уважались.

По частнѣ еспешивенныхъ наукъ на- писано, хотя и не все, чего бы можно было ожидать при процвѣтавшей тогда торговлѣ и при щедрости государей, но весьма много, что заслуживаетъ быть упомянуто.

Птоломей Э.ергетъ, котораго учи- телемъ былъ Ариспархъ Грамматики, написалъ самъ сочиненіе о еспешивенной исторіи звѣрей (*Athen. lib. 2, c. 28*). Въ

Музеумъ находились обезьяны, носороги и другіе чужестранные звѣри (Peripl. mar. erythr. in Hudson. geogr. min. vol. I. p. 6. 8). Для анапоміи, сей основной подпоры медицины, дѣлали Пшоломеи также все, что только были въ состояніи дѣлать. До того времени народный предрасудокъ и даже религіозное заблужденіе удерживали ученыхъ разсѣкать человѣческіе трупы. Аристопель, подкрѣпляемый саномъ своего дарсипвеннаго воспитанника, осмѣлился первый предпринять шаковое трупоразыяніе; по крайней мѣрѣ должно догадываться въ этомъ по сдѣланному имъ сравненію человѣческаго и звѣринаго состава. Пшоломеи не только давали позволеніе, какъ удостовѣряетъ Цельсъ, дѣлать публично вскрытіе труповъ, но и сами, по свидѣтельству Плинія (lib. 19, с. 5), занимались онымъ и такимъ образомъ освободили анапомиковъ отъ нарѣканія въ преступленіи. Однако способы сіи не принесли желаемого успѣха. Хотя Александрія и произвела великихъ анапомиковъ: имена Герофила и Эразистрата будущъ и въ позднѣйшемъ пошом-

ствѣ произносимы съ уваженіемъ и благодарностію; но между учениками ихъ и послѣдователями нѣтъ ни одного, который бы науку сію привелъ къ дальнѣйшему совершенству, или отличился какимъ нибудь особымъ открытіемъ. Возродились вскорѣ секты и партіи, которыя нѣмъ болѣе враждовали, чѣмъ мѣнѣе довѣряли опытности, какъ единственному судіи въ семъ отношеніи, и чѣмъ ничтожнѣе были ихъ спекуляціи. Приверженцы Герофила отличались особенно склонностію къ діалектическимъ привязкамъ и безмѣрною охотою спорить. Многіе изъ нихъ писали комментаріи на Гиппократѣ, въ которыхъ старались унижить сего основателя учебнаго врачеванія всѣми хитроспями діалектики. Многіе занимались ученіемъ о врачевныхъ средствахъ; но большая часть оставила наконецъ въ небреженіи всю теорію и ученость, а предалась только грубому эмпиризму. Немногіе изъ собственно учившихся въ Александріи занимались практическимъ врачеваніемъ: даже Эразистраха упрекають въ томъ, что, желая

доказать опытною вредныя слѣдствія кровопусканія, приводилъ онъ всегда въ примѣръ одну и ту же исторію болѣзни, (Galen. de venaesect. adv. Erasistr.). — Вскорѣ практики отдѣлились совершенно отъ теорисповъ. Первые занимались или хирургіею или лѣченіемъ внутреннихъ болѣзней, но не обращали ни малѣйшаго вниманія на установленныя школою правила. Хирургія тогда была признана учившимися въ Александріи искусствомъ, недостойнымъ ученыхъ — и въ княжеское общаніе, полученное ими отъ Гиппократовой фамиліи, включили они, чтобы всякой ученикъ обязывался не вырѣзывать камней и не дѣлать никакихъ операцій, а предославлять ихъ ремесленникамъ. Такимъ образомъ и тогда медики въ шуманѣ учености восставали противъ хирургіи. Хирурги старались наиболѣе умножать и улучшать повязки и усовершенствовать камнесѣченіе. *Состратъ, Аминтъ, Керигенъ, Пазиконтъ и Нилфодоръ* были изобрѣшателями въ Александріи многихъ повязокъ и особенныхъ способовъ

накладыванія оныхъ. *Нилей* изобрѣлъ *Плинтіцидъ* или машину съ подъемными блоками для выправленія вывиховъ. Между липопномами (камнесъчцами) того времени извѣстны *Аммоній* и *Состратъ*. Глазными болѣзнями, которыя издревле были весьма обыкновенны въ Египтѣ, занимался исключительно особый классъ врачей. *Демосоенъ Филалетъ*, изъ школы *Герофила*, написалъ первое сочиненіе о глазныхъ болѣзняхъ. Въ послѣдствіи поселились многіе изъ Александрійскихъ глазныхъ врачей въ Римъ (Walch. de sigillo ocular. medic. Rom. Jen. 1765. 4) — Нѣкоторые, отдѣлившись отъ общества ученыхъ въ Александріи, практики старались обогатиться запасомъ врачебныхъ матеріаловъ, дѣлали опыты съ новыми, особливо ядовитыми соствами, и получили древнее названіе *Рицотомовъ* (Rhizotomen). *Зопиръ*, при дворѣ *Пшоломеевъ*, и *Кратевасъ* были древнѣйшими изъ нихъ и знаменистѣйшими: оба находились въ сношеніяхъ съ Царемъ *Мишпридатомъ*, который часто дѣлалъ подобныя опыты. *Зопиръ* сдѣлался уже извѣстенъ и чрезъ

найденное имъ противудіе, которое называлъ онъ Амброзіей, а Крашевасъ описалъ дѣйствіе врачебныхъ средствъ въ сочиненіи своемъ, которое и понынѣ сохранилось въ рукописи. *Гералидъ* Тарентскій, хотя собственно и не Рицопомъ, прославился также учебною книгою о средствахъ для врачеванія.

Еще важнѣйшая распря причинила опскраненіе Эмпирической школы опъ Догматической. *Филинъ* Косскій, ученикъ Герофила, былъ основашелемъ секпы, которая, оставя въ небреженіи анапомію и всю теорію, основалась совершенно на правилахъ опытности, и хотя много способствовала къ образованію методы оной, но вмѣстѣ употребляла все искусство діалектики, чтобы безпрестанно противоборствовать догматизму. *Серапионъ* Александрійскій, *Главкій*, *Гераклидъ* Тарентскій, *Геросъ* Кападокскій, *Менодотъ* изъ Никомадіи, и *Тевдъ* изъ Лаодицеи были извѣснѣйшіе врачи и писатели сей школы (*). — Не смотря на шакіе раз-

---

(*) Богослуженіе Александрійцевъ было при-

дѣлы Александрійской школы, оставалась она во время войны, которую вели между собою преемники Александра и особливо во время опустошительнаго похода Антиоха Великаго, спокойнѣйшимъ убѣжищемъ Музъ. Изъ всѣхъ частей свѣта спекались сюда училищели и ученики — и, казалось, для одобренія философа или врача достаточнo было того, что онъ учился въ Александрии. Не за долгое время передъ тѣмъ, какъ Римляне раздѣлили Египетъ, произошелъ раздоръ и война между двумя братьями Птоломеемъ VI и VII, прозванными Филометоромъ и Кавергешомъ. Паршя Птолемея VII одержала верхъ — и Кавергешъ, изъ ненависти къ своему брату, который былъ воспи-

---

умножено новымъ божествомъ Серапіемъ Синопскимъ, котораго принесли сюда по повелѣнію Птолемея и помѣстили въ одинъ древній храмъ Изиды. Сей храмъ Серапіевъ сдѣлался въ послѣдствіи знаменитѣйшимъ во всей Александрии (*Tacit. hist. lib. 4 c. 83. 5.*). Сами же Египтяне не хотѣли признавать сего чуждаго божества. (*Macrob. Saturn lib. I. c. 7.*)

пань со многими Александрійскими учеными, велѣлъ частію казнить, частію изгнать всѣхъ пѣхъ, которые съ нимъ выросли. „Такимъ образомъ, говоритъ Аеней (lib. 4 с. 25), многіе острова и города наполнились философами, грамматиками, врачами, математиками, музыкантами, живописцами и другими артистами. Сид, по недоспапшкѣ, чѣмъ содержашь себя, обучали другихъ и чрезъ то образовали многихъ славныхъ мужей.“ Многіе изъ приверженцевъ Герофила и Эразиспрапа удалились во Фригію, гдѣ между Лаодицеею и Карарою во храмѣ мѣсяца Кара основали школу подъ руководствомъ Зевксиса и Гикезія (Strabo lib. 12).

Библиотеки однако же уцѣлѣли. Но опустошеніе войны коснулось вскорѣ и до нихъ. Когда Юлій Цезарь былъ осажденъ въ Александріи, то бросилъ онъ огонь въ корабли, споявшіе въ гавани. Огнь сего загорѣлось ближайшее предмѣстіе Брухіумъ и библиотека сдѣлалась добычею пламени. Четыреста тысячъ свитковъ утрачены въ это время (Dio Cass. lib. 42 с. 38. Plutarch. vita Cass. Senec.

de tranquill. anim. p. 201, ed. Vipont.). Между шѣмъ ученые начали, кажешся, мало по малу опять собиравься въ Александріи, ибо Цезарь, а попомъ Августъ, по свидѣшельству Спратона, украсили городъ и опредѣлили снова жреца, который долженъ былъ имѣть надзоръ надъ Музеумомъ. Маркъ Антоній положилъ основаніе къ возстановленію библіотеки, подаривъ Клеопатрѣ 200,000 пергаментныхъ свитковъ, которые и были посвящены во храмъ Серапиевомъ. (Plutarh. vit. Anton. c. 4). *Асклепиадъ* изъ Прузы, славнѣйшій между Греческими врачами въ Римѣ, другъ Цицерона, учился въ Александріи. *Соранъ* изъ Эфеза, подъ руководствомъ копорого секта Методистовъ достигла высочайшаго блеска и копорый жилъ во времена Траяна, былъ также воспишанъ въ Александріи. *Галенъ*, желая выучиться анапоміи, не могъ избрать для себя лучшаго мѣста, какъ Александрію; *Геракліонъ* былъ шамъ его учителемъ. (Admin. anat. lib. I. comm. 2 in lib. de nat. hum.).

Въ это время, то естъ во 2-мъ сп.

по Р. Х., Александрія была мѣстомъ собранія всѣхъ философовъ, которые дали новый видъ Платонизму. Еще передъ симъ многіе изъ поселившихся здѣсь Евреевъ, изучившіеся восточнымъ системамъ и покровительствуемые Птоломеями, ознакомились съ Греческимъ языкомъ и ученостію. Семьдесятъ изъ нихъ перевели на Греческій языкъ священныя книги (Joseph. antiqu. iud. lib. 10. c. 9 lib. 12 c. 1). Другіе нашли новоплатоническую философію, образовавшуюся въ Александріи, весьма удобною къ тому, чтобы священныя книги изложить мистически. Ученый Еврей *Фило*, жившій въ началѣ нашего лѣтосчисленія, совокунилъ восточную философію съ новоплатоническою. Подобно тому и Греческіе философы, жившіе въ Александріи, основали школу, которая обрабатывала одинаковыя съ тѣмъ предметы и старалась соединить идеализмъ Платона съ восточною эманационною системою.

Въ царствованіе Каракаллы Александрія претерпѣла жестокою участь. Тирани, неизвѣстно чѣмъ раздраженный, ве-

лѣль испребить всѣхъ ея жителей и самъ смошрѣль на сіе всеобщее побоище изъ храма Серапіева. Попомъ писалъ онъ Сенату: всѣ Александрійцы виновны, и умерщвленные и спасшіеся (Herodian. lib. 4 p. 158). Сей же злодѣй лишилъ философовъ того содержанія, которое имѣли они въ Музеумѣ и уничтожилъ вовсе инспишушь сей. (Dio Cass. lib. 77 с. 7. 22). Послѣ того, по прошествіи едва пятидесяти лѣтъ (257), когда Валеріанъ былъ взятъ Персами въ плѣнъ, а Галліенъ своею безопасностію подалъ поводъ къ величайшей необузданности народа, сдѣлалась Александія театромъ междоусобной войны, продолжавшейся двѣнадцать лѣтъ и окончившейся совершеннымъ разрушеніемъ большей части сего цвѣтущаго города, опустошеніемъ Музеума и Серапіева храма. (Ammian. Marcell. lib. 22, с. 16. Scaliger animadv. ad Euseb. chron. p. 258). Къ симъ внутреннимъ безпорядкамъ присовокупилась зараза и голодъ, копорые въ 266 и 267 годахъ испребили половину жителей Александрии (Euseb. hist. eccles. lib. 7, с. 21). Не смотря на сіи несчаст-

ныя обстоятельства, Александрія, казалось, возродилась частію опять и скоро ѣ была снова убѣжищемъ Музъ.

Въ чешвертомъ столѣтіи, когда Христіанская вѣра сдѣлалась господствующею въ государствѣ, и Констаншинъ назначилъ чешырехъ церковныхъ правителей, названныхъ въ послѣдствіи Папріархами, по одинъ изъ нихъ посланъ былъ и въ Александрію. Сіи Папріархи завѣдывали школами, но не почиали своею обязанностію ни терпимости, ни справедливости. Недостойный Каппадокіецъ Георгъ, бывшій сначала пославщикомъ припасовъ въ военное время, попомъ неисшовымъ Аріанцемъ, достигъ богатствомъ своимъ, поспыдно пріобрѣтеннымъ, Папріаршескаго достоинства въ Александріи. Первымъ дѣломъ его было преслѣдованіе и грабежъ, терпимыхъ доплѣ, языческихъ философовъ. Большая изъ нихъ часть выѣхала въ другія страны и въ томъ числѣ Зенонъ Кипрскій, одинъ изъ главнѣйшихъ и любимѣйшихъ медицинскихъ учителей своего времени. Когда же неисшовый Георгъ преданъ

Былъ наконецъ мщенію народа, по Императоръ Юліонъ, по просьбѣ врача своего и любимца Орибазія, Зенопова ученика, пригласилъ самъ Зенопа возвратиться въ Александрію.

Къ концу четвертаго столѣтія (391) Александрійская библіотека была совершенно разрушена фанатизмомъ и неистовствами священнослужителей. Удержался только, не смотря на распространение Христіанства, храмъ Серапіевъ, а съ нимъ и языческая ученость, заключившаяся въ стѣнахъ превосходнаго Серапіума. Приверженцы языческой вѣры приписывали это боязни Христіанъ оскорбить Покровителя Нила (ибо таковымъ считалось божество сіе) (*Liban. pro templis p. 21*). Въ царствованіе Феодосія, кровожадный и корыстолюбивый Папріархъ Теофилъ угрожалъ испребитъ и сей оспапокъ древняго богослуженія. Почитатели Серапія вооружились подъ предводительствомъ философа Олимпія; укрѣпясь въ храмѣ, они дѣлали убившвенныя вылазки и производили неслыханныя жестокости надъ осаждающими.

Послѣ крашковременнаго перемирія при-
сланъ былъ опѣ Императора указъ раз-
рушишь Серапіумъ. Защитники его убѣ-
жали, и сіе превосходнѣйшее зданіе обра-
тилось въ груды камней; бібліотека до-
спалась въ добычу опустошенію. (Oros.
lib. 6. c. 15. Eunap. vit. Aedes. p. 78. 78.
особенно Sozomen. hist. eccles. lib. 7, c. 15).

Неизвѣстно, какимъ образомъ воз-
спановилась опять въ Александріи уче-
ность и появились вновь собранія книгъ.
Впрочемъ книги тогда не были, кажеш-
ся, испреблены совершенно, ибо мы на-
ходимъ въ шестомъ столѣтїи слѣды ме-
дицинской школы: Аецій Амасдскій увѣ-
ряешъ самъ, что онъ учился въ Алексан-
дрїи (Tetrab. 1. Sermon. 1. 2.) Въ VII сто-
лѣтїи учились тамъ философъ Іоз. Фи-
лопозъ и врачъ Павелъ Эгинскій. Къ по-
му же было тамъ весьма много такъ на-
зываемыхъ Каллиграфовъ, которые спа-
рались распространять шворенія древ-
нихъ переспискою. (Theophilact. Sinocat.
lib. 8. c. 13).

Въ шестомъ же столѣтїи (541) завоева-
ли Александрію Арабы подъ предводи-

шалъспвомъ полководца Амру. Сказываюшъ, что въ сіе время библіотека была опущена снова; что Іоаннъ Грамматикъ просилъ пощадить ее, но Амру отвѣчалъ ему, по приказанію Омара: если книги сіи сообразны ученію корана, то онѣ ненужны, если жъ нѣтъ, то должны бытъ испреблены. Такимъ образомъ книги были обращены на топку бань, и число ихъ было такъ велико, что въ печеніи полугода доспало ихъ на ошощеніе 4000 бань. (Abulfarag. hist. din. lib. 9, p. 178. Elmacin. lib. I, c. 3) (*). Въ

(*) Сожженіе Арабами Александрійской библіотеки подвергъ сомнѣнію Гиббонъ (Hist. of the decline and fall of the roman empire T. IX p. 274), а по немъ Ансъ де Виллуазонъ (Ansse de Villoison) и Гейне (de genio Saeculi Ptolomaeorum, in Opusc. acad. T. I.) Полнѣйшее изслѣдованіе того съ нѣкоплыми доказательствами противъ предполагаемаго сожженія, сдѣлалъ Карль Рейнгардъ въ сочиненіи своемъ *Über die jüngsten Schicksale der Alexandrinischen Bibliothek*, Göttingen 1792 8. Главнѣйшія изъ сихъ доказательствъ соспошъ въ

послѣдствіи (845) Калифъ Мотавакель
 возстановилъ снова Александрійскую Би-

слѣдующемъ: 1 извѣстіе о сожженіи библиотеки основывается на разсказѣ позднѣйшихъ Арабскихъ писателей *Абдолатифа* и *Абулфараджа*, оныя копорыхъ взяли и другіе. Писатели же того времени, на пр. Эвсихій, разсказывая о завоеваніи Александріи Арабами, ничего о томъ не говорятъ; 2 въ письмѣ Амру къ Омару, въ которомъ попоу дѣлаютъ описаніе завоеванныхъ въ Александіи вещей о библиотекѣ вовсе ничего не упоминается; 3 Греческіе полководцы Ариспотелы, жившіе прежде завоеванія Арабами Александіи и въ то самое время, говорятъ въ комментаріяхъ своихъ о библиотекѣ такимъ образомъ, что кажется, будто заведенныя Птоломеями большія библиотеки уже не существовали. *Аммоній Гермей* замѣчаетъ: „что 40 книгъ Аналипики Ариспотелы должны были находиться въ большой Александрійской библиотекѣ.“ Даже Іоанъ Филопонъ, Грамматикъ, копорый, какъ сказываютъ, ходатайствовалъ у Амру о сбереженіи библиотеки, говоритъ: „было 40 книгъ Аналипики подъ названіемъ Ариспотелевой въ старыхъ библиотекахъ.“

библиотеку и Академію (Benj. Tudel. itin. p. 221). Но ея существованіе продолжалось

(Ammonius Hermeae ad Aristot. Categ. 3, a, sq. — J. Philopon ad Aristot. Anal. pr. Fol. 2. a. — Simplicius ad Aristot. Categ. Fol. 4. b.). Что же касается до библиотеки Серапиума, которая впрочемъ долѣе всѣхъ существовала, то, при занятіи Арабами Александріи, ея вовсе ничего не оспалось, по свидѣтельству *Орозіа*, который увѣряетъ, что видѣлъ пустыя книжныя шкапы. 4 Гиббонъ ссылается на то, что приказаніе Омара было бы несообразно съ правилами Магомешанъ, ибо ихъ казуисы ясно разрѣшили, что книги, приобрѣтенныя опъ Евреевъ и Христіанъ, не должны бытъ сожигаемы, и правовѣрнымъ позволяешя заниматья профанскими науками. Однако прошивъ сего справедливо возражаешъ *Тидеманъ* (Geist. der zres. Philos.), что разрѣшеніе Арабскихъ казуисовъ послѣдовало позже, нежели помянутое происшествіе, и что пошому сего нельзя брать въ соображеніе. Между шѣмъ есть и многія другія доказательствя, особенно сдѣланныя Рейнгардомъ, которые опровергають сожженіе библиотеки. Впрочемъ копя бы повѣствованіе Абдолашифа и Абулфа-

недолго, ибо въ 868 году Египетъ былъ завоеванъ Турками подъ начальствомъ Ахмеша и Александрія была совершенно разрушена.

Съ Нѣмец. Вл.

раджа и не было совершенно не основательно, какъ по выводившя изъ вышеприведенныхъ первыхъ шрехъ причинъ; только по досповѣрно, что тогда древняя библіотека въ Александріи уже не существовали, а была основанная въ послѣдствіи изъ оставшихся и вновь собранныхъ рукописей. Сію-то библіотеку, вѣроятно, и хотѣлъ сберечь Іоанъ Филопонъ. Абулфараджъ говоритъ не о древней Птоломеевой библіотекѣ, а неопредѣленно: „о царскомъ (публичномъ) книгохранилищѣ.“ Что книгами шопали 4000 банъ полгода, это, можетъ быть, опшасни и увеличено Арабскими писателями и могло основываться на томъ, что когда Калифъ произнесъ приговоръ профанскимъ книгамъ, то рукописи, писанныя на папирусѣ и на деревянныхъ цилиндрахъ, были употребляемы Арабами во всей Александріи на шопку, какъ хорошее горючее вещество.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ РОССІЙСКАГО ФЛОТА.

В в е д е н і е.

(Окончаніе).

Россія, прилежа къ прѣмь морямъ: Каспійскому, Бѣлому и Балшійскому, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была опшрѣзана опшъ послѣдняго успункою земель, при Финскомъ заливѣ лежащихъ. Бѣлое море всегда было владычествомъ Рускихъ, частъ же Каспійскаго, прилежащая къ завоеванному Аспраханскому царству, опшкрыла при Іоаннѣ III, свободную дорогу въ Персію. Море сіе проспирается въ длину опшъ сѣвера на югъ на 1000 верспъ, а по наибольшей ширинѣ на 400, и, принимая въ себя многія рѣки, не имѣетъ ни соединенія съ другими морями, ни другихъ истоковъ и соспавляетъ до нынѣ загадку для еспешспвоиспытателей;

недоумѣвающихъ, куда сбываетъ вода, обильно приносимая величайшими рѣками. Другая достопамятность моря сего состоитъ въ оплещивленіи отъ восточныхъ и поглощеніи западныхъ береговъ, такъ что многіе города, особенно Баку, стоящій на семь послѣднемъ, основаніемъ своимъ своей сравнялся уже съ поверхностью моря, и предмѣстія его, давно захопленные моремъ, составляютъ подводной перешеекъ отъ города къ востоку.

Сѣверный берегъ вообще низменъ и песчанъ; глубина при немъ малая и постепенно увеличивается наиболѣе къ юго-восточнымъ гористымъ берегамъ. Восточный берегъ бугристъ и населенъ кочующими Туркменами и Киргизами Малой Орды; западной состоитъ изъ Кавказскихъ горъ, или ихъ оплогоспей и обитаемъ разными племенами Чеченцовъ, называемыхъ по именамъ ихъ областей. Южной гористой берегъ простирается отъ города Аспара въ Толочинскомъ Ханствѣ чрезъ Гилянскую и Мезандеранскую провинцію.

Аспрахань, лежащая на сѣверо-западномъ берегу моря, въ долготѣ 45°, 42', 30" отъ Парижа, широтѣ 46°, 21', 12", на Заячьемъ острове, образуемомъ однимъ изъ многочисленныхъ рукавовъ Волги, называлась прежде Аш-Тарханомъ, и по завоеваніи въ 1554 году перенесена на сіе мѣсто съ прежняго, опустоившаго на 8 верстѣ къ сѣверу, по правой сторонѣ Волги. Заячій островъ раздѣляется многими протоками, изъ коихъ значительнѣйшій и довольно глубокій называется рѣкою Купумомъ, по берегамъ которой устроены были пристани для купеческихъ судовъ, какъ Россійскихъ, такъ и иностраннѣхъ. Торговля Аспрахани производилась съ Персами получаемымъ отъ нихъ шелкомъ и бумагой, съ Аравіянцами, Индѣйцами, чрезъ Персидской заливъ, кофеемъ, благовонными смолами, пряносстями и другимъ, съ Хивинцами также хлопчатую бумагою (1).

Рыбная ловля, съ самыхъ древнихъ временъ, была главнѣйшимъ Аспраханскимъ промысломъ, поддерживавшимъ торговлю; но незаселенная пространств-

ва отъ Каспійскаго моря до Оки остав-
ляли свободный путь Татарскимъ разбо-
ямъ, и потому Аспраханъ не могла быть
значительна своею торговлею; хотя при
Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ она пророс-
тиралась до 12,000 погдашнихъ рублей
или 24,000 рейхсталеровъ (2).

Бѣлое море, окруженное высокими
и утесистыми берегами, Россіи принад-
лежащими; вездѣ безопасно для морепла-
ванія, кромѣ простирающейся отъ свѣ-
ра на югъ мѣли у западнаго берега, отъ
мыса Святаго до Орлова и нѣсколько
южнѣ сего послѣдняго до рѣки Поной.
Часные туманы на срединѣ моря мно-
го беспокоящъ мореплавателей; но для
сего они стараются держаться всегда
ближе къ берегамъ, около которыхъ ту-
мана не бываетъ; приномъ же высокіе,
а слѣдственно и приглубые берега безо-
пасны, и якорныя мѣста вездѣ около
нихъ удобны. На всемъ морѣ одна поль-
ко Кола на западномъ берегу служила, и
донынѣ еще служитъ довольно удобнымъ
убѣжищемъ для купеческихъ кораблей.
Самый же Архангельскъ, обладающій

всѣмъ Бѣлымъ моремъ, спойтъ на правомъ берегу Двины, вливающейся въ море многими рукавами и образующей по днѣ города, ниже его, различные острова. Ширина его $64^{\circ}, 34'$, длина $38^{\circ}, 3', 6''$ (3).

Мѣсто, на коемъ построенъ Архангельскъ, есть мысъ на правомъ берегу Двины, называемый Пуръ Наволокъ, на которомъ прежде сего былъ древній Архангельскій монастырь, построенный въ XII вѣкѣ, когда еще страна сія называлась Заволоцкою. Англичане, пришедшіе въ 1553 году къ Николаевскому или Корельскому Двинскому устью, гдѣ стоялъ монастырь св. Николая, испросили позволеніе торговать въ семь мѣсѣвъ, и прежде построенія Архангельска торговля продолжалась у монастыря около 30 лѣтъ; въ 1584 же году, въ 70 верстахъ отъ Холмогоръ, и въ 42 верстахъ отъ моря, на восточномъ Березовскому устью, заложенъ былъ у Пуръ Наволока на удобномъ мѣстѣ для пристани судовъ городъ, и названъ прежде Ново-Холмогорскимъ, а потомъ уже Архангельскимъ городомъ. Первые жители были 200 чел. Спрѣль-

*

цовъ, содержавшіе гарнизонъ, и переведенцы изъ Двинскихъ посадовъ и волостей числомъ 130 семей болѣе изъ проспаго народа (4).

Холмогорская торговля на Бѣломъ морѣ, прежде появленія Англичанъ, сошюла въ дорогихъ мѣхахъ сѣверныхъ сипранъ Мевенскихъ, въ соленыхъ рыбахъ Бѣлаго и Норвежскаго морей, промыслахъ за рыбнымъ жиромъ и соли во внутренность Россіи (5). По пришествіи же Англичанъ и другихъ народовъ сѣверной Европы, Рускіе въ Архангельскѣ мѣняли кромѣ вышесказанныхъ товаровъ хлѣбъ, пеньку, сало, деревья, смолу и другія сырыя произведенія сего края. Со всѣмъ шѣмъ настояціе жишели Архангельска очень долго не пользовались выгодами сей торговли, предоставляя оную другимъ, въ особенноти Холмогорцамъ, у коихъ болѣе Англичане жили и заводили свои магазины, а сами во всемъ посадѣ, не взирая на ежегодныя богатыя ярмонки, въ началѣ даже XVIII столѣтія не имѣли капишала болѣе 12,000 рублей, и занимались одною мѣлочною продажею необ-

ходимыхъ вещей, съѣстныхъ на кораблѣ припасовъ и ловлею прески и палтусины (6).

Таково было сословіе двухъ Россійскихъ городовъ, обладавшихъ Каспійскимъ и Бѣлымъ морями, кромѣ которыхъ Россіянамъ извѣстно было и Ледовитое море, открытое какъ Архангельскими, такъ и другими промышленниками изъ внутренности Сибири. Еще въ 1556 году Англичанинъ Стефанъ Борро (Burrough) (7), плававшій для открытій, упоминаетъ, что онъ ходилъ къ востоку въ Сѣверный океанъ до Вайгапскаго пролива, съ помощію 30 Русскихъ лодій, и что также онъ начальника одной изъ нихъ онъ получилъ извѣстіе о р. Оби, къ которой послѣ, какъ упомянуто, ходилъ и Руской гальшю изъ Архангельска. Но важнѣйшія открытія сдѣланы въ послѣдствіи, когда завоеваніе Сибири Ермакомъ дало дорогу предприимчивымъ Козакамъ и другимъ промышленникамъ внутрь сей страны, богатой мѣхами и другими вещами. Дослѣдственный Миллеръ, нашедшій несомнѣныя доказательствва сихъ

открытій въ Архивѣ Якушска, повѣснуетъ слѣдующее (8):

„Въ 1636 году, изъ Якушска, начали плавать по Ледовитому морю, и Яна, Индигирка, Алазея, Колыма открыты были одна за другою. Доспигши сей послѣдней, хотѣли знать далѣе: выгоды мѣховой торговли заманивали въ сіи отдаленныя мѣста множество охотниковъ. Въ 1646 году шайка промышленниковъ, подъ начальствомъ одного изъ своихъ товарищей, Исая Игнашьева, Мезенскаго уроженца, отправилась изъ Колымы къ востоку. Пробираясь между землею и льдами, покрывавшими море, люди сіи нашли проходъ, по которому въ двое сутокъ доплыли до губы, вдавшейся между скалами. Здѣсь нашли они Чукчей, съ которыми мѣняли повары, выкладывая ихъ на землю и удаляясь изъ осторожности по приближеніи Чукчей, которые брали что имъ нужно и оставляли на мѣсто того моржовые клыки, обдѣланные и не обдѣланные. Удовлетворенные первою попыткою, промышленники воропились въ Колыму. На другой годъ они собрались

въ большомъ числѣ за моржовую костью; къ нимъ присоединился прикащикъ Московскаго купца Усова, Федось, Алексѣевъ, урженецъ, Холмогорскій, и хотя онъ выбранъ былъ начальникомъ, но счелъ за лучшее выпросить себѣ Козака для предводительства, у Колымскаго правленія — и Семенъ Ивановъ Дешневъ получилъ поприбныя къ тому наставленія. Четырехъ коча отправилъ изъ Колымы въ 1647 году. Главное предпріятіе состояло въ открытіи устья Анадыря, о которомъ носились слухи, будто онъ обитаемъ народомъ многочисленнымъ и богатымъ. Въ сей разъ однако же покушеніе не удалось, за множествомъ льда.

На слѣдующій годъ собралось еще болѣе охотниковъ, которые вооружились семь кочей; на каждомъ было по 30 человекъ: о четырехъ кочахъ неизвѣстно; при же остальные были — одинъ подъ командою Дешнева, другой Анкудинова, двухъ Козачьихъ старшинъ, а третій подъ управленіемъ Федоса Алексѣева. 20. Іюня отправились они — и Дешневъ, въ донесеніи своемъ, присланномъ въ Я-

кушскъ, говоритъ, что достигъ до мыса Чукчей, далѣ того, что подлѣ р. Чукочи. При семъ Анкудинова кочь разбилась, экипажъ былъ взятъ на два оспальныя, которые разлучились и уже болѣе не встрѣчались. Дешневъ боролся съ бурями и льдами до Октября, и наконецъ, съ трудомъ пробираясь далѣ и далѣ, прошелъ въ Воспочный океанъ и разбилъ свой кочь гораздо южнѣ Анадыра, въ окрестностяхъ р. Олушоры.“

Ни прежде, ни послѣ Дешнева, ни кто изъ путешественниковъ не былъ столько счастливъ, чтобы обойти Сѣвернымъ Океаномъ около Чукоцкаго Носа въ Воспочной Океанъ. Причина успѣха его путешествія была случайная: или сила вѣтровъ, или шеплопа льда отдалили отъ береговъ ледъ, запершій съ тѣхъ поръ навсегда проходъ, отдѣляющій Азію отъ Америки.

„Съ оставшимися двадцатью пятью человекъ Дешневъ началъ искать Анадыра, и чрезъ 10 недѣль нашелъ на рѣку сію, недалеко отъ устья въ пустой и безлѣсной степи. Охота въ семъ мѣстѣ

была незначительна: для рыбной ловли они не имѣли снарядовъ; судна построить было не изъ чего: — и поэтому Дешневъ, оправдивъ 12 человекъ, послалъ ихъ развѣдать положеніе земель вдоль рѣки; но голодь и труды въ продолженіе безуспѣшнаго 20 дневнаго путешествія, похитивъ половину сихъ людей, заславили ихъ ворошишься назадъ.“

„ Въ слѣдующемъ 1649 году, построивъ кое какъ небольшое судно, они отправились по Анадыру, и нашли народъ, называемой Анаулами, заплапавшими имъ первую дань. Здѣсь Дешневъ построилъ острогъ и оснавался, не зная, какимъ образомъ дойти обратно, или хотя дославить извѣстіе въ Колыму, какъ отрядъ, отправленный отсюда сухимъ путемъ для открышій, нечаянно соединился съ ними.“

Причина посланки сего отряда была слѣдующая:

„ Михайла Стадухинъ, Козакъ изъ Якутска, построивъ въ 1644 году послѣдній Нижне-Колымской острогъ на Колымѣ, возвратился въ слѣдующемъ году въ

Якутскъ, и объявилъ, что на Сѣверномъ морѣ есть островъ, видный съ маперика и простирающійся отъ Яны до Колымы; что Чукчи, живущіе по рѣкѣ Чукчи, впадающей далѣе къ западу отъ Колымы, перѣзжаютъ зимою на сей островъ по льду на Океанъ въ одинъ день и ловятъ шамъ моржей. Промышленники, видѣвшіе у сего народа моржовую кость, подтверждали сказанное, полагая, что островъ сей есть продолженіе новой земли; къ сему прибавляли, что они слышали о рѣкѣ Потгичѣ или Ковычѣ, впадающей въ Ледовицкое море къ западу отъ Колымы, въ 3 или 4 дняхъ благополучнаго плаванія.

Предложеніе Спадухина о посылкѣ въ сіи мѣста было одобрено, въ слѣдствіе чего онъ самъ былъ посланъ на Колыму 1647 года Іюня 5 дня, съ предписаніемъ отправиться отсюда на Ковычу, поспроить шамъ острогъ, обложивъ данью тамошніе народы и собрать возможные свѣденія о предполагаемомъ островѣ на Ледовицкомъ морѣ. Спадухинъ, отправясь изъ Якутска, провелъ зиму на Янѣ и около весны 1648 года, въ 7

недѣль добрался на нартахъ (саняхъ) до Индигирки, построилъ тамъ кочь, на кошоромъ доплылъ до Колымы и въ слѣдующемъ году отправился искашь Ковычи; но по семидневномъ плаваніи онъ не нашель ничего, кромѣ извѣстія, что по сему берегу нѣтъ ни одной рѣки; и шакъ Спадухинъ, ничего не открывъ, долженъ былъ ворошиться до Колымы, по недоспашку слѣстныхъ припасовъ, удовольствуясь нѣсколькими моржовыми губами, которые отправиль въ Якушскъ съ предложеніемъ о присылкѣ промышленниковъ для ловли моржей. — О предполагаемомъ же оспровѣ и упомянуто не было въ его пушешествіи.“

„Въ сіе время дознались однакоже, что Ковыча была шаже самая, что и Анадырь, и что нельзя искашь ея успѣя съ той стороны, съ которой искаль Спадухинъ. Идолопоклонники окрестныхъ странъ увѣдомили, что еспь до нея крапчайшая дорога сухимъ путемъ, что и подало поводъ къ вышеупомянутой экспедиціи, соединившейся съ Дешневымъ 23 Марша 1650 года, и отправленной для

обложенія данью жишелей береговъ Анадыра, подъ командою Семена Машоры, кошорою былъ послѣдуемъ Спадухинымъ.“

„Вскорѣ сіи при паршіи, отпраившіяся для собственныхъ выгодъ, поспорились. Дешневъ и Машора, отдѣлясь отъ Спадухина, пошли къ Пенжинѣ, но по недоспашку проводниковъ воропились, а Спадухинъ, послѣ нихъ шуда же пошедшій, пропалъ безъ вѣсти.“

„Дешневъ и Машора построили на Анадырѣ суда для выхода въ море и открытія другихъ рѣкъ, но послѣдній былъ убишь Анаулами. Слѣдующимъ лѣпомъ Дешневъ, вышедъ Анадыромъ до устья, нашелъ песчаную мѣль, проспиравшуюся отъ сѣвернаго берега устья далеко въ море и на ней множество моржей, зубами которыхъ Дешневъ почелъ себя доспашочно вознагражденнымъ за свои поиски.“

„Въ 1655 Дешневъ хотѣлъ, построивъ изъ наноснаго лѣсу кочь, послать полученные имъ ясаки въ Якутскъ; но недоспашокъ средствъ и извѣстія, что море не всегда бываетъ открыто около

Чукотскаго носа, заставили его опло-
жить сіе намѣреніе, а продолжашъ от-
крытія къ югу. Въ семъ плаваніи онъ
нашелъ землю Коряковъ, между коими
призналъ женщину принадлежавшую пре-
жнему его шоварищу Федошу Алексѣву.
На вопросъ: гдѣ ея господинъ? она отвѣ-
чала, что онъ и Анкудиновъ умерли отъ
цынги; другіе были убиты въ сихъ мѣ-
стахъ дикими народами, и небольшое
только число спаслось на лодкахъ, куда
неизвѣстно. Послѣ, уже въ 1697, откры-
ты были слѣды сихъ несчастныхъ въ
Камчаткѣ. Вѣроятно, что слѣдуя, бере-
гомъ, они были пригнаны благополуч-
нымъ вѣтромъ къ рѣкѣ сего имени.“

И такъ Ледовиное море и часть Во-
сточнаго Океана отъ сѣвера сдѣлались
извѣстны Рускимъ, посредствомъ пред-
приимчиваго Дешнева, коего имя оста-
нется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ от-
крытій.

„Приманка корысти побудила про-
мышленниковъ распространяться во всѣ
стороны Сибири. Послѣ сѣверныхъ эк-
спедицій въ Якутскъ принесены имъ

извѣстія о рѣкѣ Амурѣ Томскими Козаками, копорые, бывъ на р. Ульѣ, шекущей въ Охотское море, услышали ошъ Тунгусовъ, шамъ обиающихъ, что р. Амуръ, впадающая въ большое море, затселена по берегамъ Нашканами, народомъ богатымъ золопомъ, серебромъ, шканями шелковыми и бумажными, копорыя получающъ они ошъ другихъ народовъ, называемыхъ Мамуръ, и занимающихся земледѣліемъ и скоповодствомъ. Сія извѣстія о нижней части Амура, подтверждается новыми свѣденіями о верховьяхъ онаго, обиаемыхъ Даурами, добывающими серебрянную руду и вымѣнивающими на соболей разныя Китайскія издѣлія; заставили перваго Якутскаго воеводу Головина отправишь отрядъ, подъ начальствомъ письменнаго головы Василья Пояркова для развѣданія обстоятельно о странахъ, Амуру прилежащихъ.“

„Поярковъ пошелъ въ 1643 году Юня 15 дня неизвѣстными ему странами; встрѣпилъ многія препятствія, и препроводя часть зимы при р. Гonomъ, отправился снова въ путь и дошелъ до р.

Земли, обитаемой Даурами, которые сначала приняли очень хорошо Пояркова; но, когда развѣдали о его намѣреніяхъ, оставили Русскихъ совершенно, и онъ, потерявъ 50 человѣкъ голодною смертію, былъ въ опасности съ остальными погибнуть также отъ совершеннаго недоспашка съветныхъ припасовъ.“

„ Спускаясь по р. Шингалу, Поярковъ нашелъ Дучеровъ у устья сей рѣки, впадающей въ Узуру; за Дучерами обитали Напки; за ними Гиляки, занимавшіе все пространство около нижней части Амура до самаго моря. Прозимовавъ между ними послѣдними, Поярковъ ваялъ у нихъ ясакъ и аманатовъ и не разсудя возвращаясь поюже дорогою назадъ противъ печенія рѣкъ, рѣшился пусшиться моремъ до р. Ульи, о которой, какъ сказано, имѣлъ онъ извѣстіе отъ Томскихъ Козаковъ. Прѣшедъ моремъ около береговъ 12 недѣль, и прозимовавъ еще разъ на Ульѣ, возвратился въ Якушскъ, въ твердой надеждѣ, что страны, имъ пройденныя, легко покорить можно съ 300 человѣкъ,

основавъ въ земляхъ Дауровъ и Дучеровъ при оспрога.“

Упомянувъ о сихъ первыхъ Россійскихъ плавашихъ по Ледовишному морю и восточному Океану, умолчимъ о прочихъ, которые послѣ плавали по ихъ слѣдамъ, не прибавивъ новыхъ открытій, и заключимъ, что до ПЕТРА Великаго, по берегамъ восточнаго Океана, оставался неоткрытымъ одинъ только полуостровъ Камчатской.

Способы, составляющіе первую сущность мореходства, суть моря, удобныя для плаванія, и порты съ хорошими гаванями. Впоры спихи къ заведенію кораблестроенія состоятъ въ лѣсѣ, желѣзѣ и пенькѣ. Упомянувъ о первыхъ, перейдемъ ко вторымъ.

Лѣсъ, произвольный даръ природы, составляетъ внутреннее хозяйственное богатство государства, часто служащее значительною вѣшью и для вѣшной торговли. Пространная Россія, включая въ своихъ предѣлахъ земли различныхъ свойствъ и почвы, одарена мно-

жествомъ различнаго рода лѣсовъ, ко-
торые идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ (9):

Отъ самыхъ Финляндскихъ лѣсовъ, по всей длинѣ Россіи до Лены между 59° и 66° широты, простирается полоса, иногда одинакихъ, иногда перемѣшанныхъ лиственными деревьями игольныхъ лѣсовъ. Къ Ледовитому морю оныя не простираются далѣе 67° ; далѣе же къ обнаженному сѣверу видны только болотная береза, шаловой ерникъ и низко спелющіеся кустарники; въ южную сторону разширеніе неопредѣленно. Въ самой Россіи прекращается сіе разширеніе между 59° и 56° ; Уральскій хребетъ горъ заросъ лѣсами даже до 53° къ югу. Высоты онаго изобилуютъ хорошимъ краснымъ лѣсомъ, а къ югу отъ хребта и по восточную сторону онаго расшеть березовый лѣсъ. По эту сторону Урала лѣса уклоняются назадъ къ сѣверу до 57° и 58° ; но отъ Оби къ востоку, а болѣе отъ Тома, идутъ опять къ югу, распроспраняются во всю ширину Сибири и соединяются съ шѣми, которые покрываютъ хребты Алтайскихъ, Саянскихъ и Байкальскихъ горъ,

отдѣляющихъ верхнюю холодную часть Сибири. Южныя спраны, проспирающіяся почвы до 50°, содержатъ различныя рощи; далѣ къ югу нѣтъ никакихъ спвольныхъ деревь, кромѣ низкихъ кустарниковъ. Въ собственной Россіи распусть болѣе крѣпкія лиственные деревья, особенно въ западныхъ и южныхъ провинціяхъ, имено: орѣховое дерево, ясень, букъ, грабыльникъ, клень и черноклень; изъ слабыхъ деревьевъ липа и другія. Дубъ родится до западнаго края Уральскихъ горъ.

Сибирскіе лѣса, до Уральского хребта и отъ него къ Архангельску, оплечающагося игольными или хвойными деревьями, какъ-то: пихшою и лиственницею по западную и кедрами по восточную сторону горъ; въ собственной же Россіи на сѣверѣ наиболѣе распусть ель и сосна; дубъ же хотя и естъ, но не хорошъ.

За шриста лѣтъ предъ симъ Россія покрыта была лѣсами, особенно сѣверная ея часть; остатки испребленныхъ лѣсовъ въ средней и южной служатъ свидѣтельствомъ, что и сіи части были лѣсисты. Но скошоводство южныхъ на-

родовъ, истреблявшихъ лѣса для удобнѣйшихъ пастбищъ — и земледѣльчество жищелей средней части Россіи, считавшихъ, до временъ Петра I, за полезное высѣкать и выжигать рощи для пашень и сѣнокосовъ, оставило намъ только печальные памятники обширныхъ лѣсовъ на обнаженныхъ долинахъ, на коихъ очень чувствительнѣе не досташапокъ сего благодѣтельнаго произведенія природы.

Лѣсоводство, обозрѣваемое со стороны кораблестроительной, можетъ быть важно потому, сколь оно изобильно деревьями, къ тому способными. Въ Европѣ лучшимъ деревомъ для сего предмета признанъ дубъ, кедръ, лиственница и сосна. Вспомогательныя части кораблестроенія требуютъ для мачтъ сосны упругой, легкой и прямоствольной; для другихъ частей мачты ели гибкой и еще легчайшей; для украшеній и подѣлокъ во внутренности корабля ильмы, ясеня, липы и другихъ деревьевъ по произволу. Всѣ сіи роды изобильно растутъ по Россіи, и хотя отъ количества оныхъ кораблестроеніе много зависитъ, однакоже

лѣса сія имѣютъ тогда только свою цѣнность въ семь отношеніи, когда они удобны къ доставкѣ въ мѣста, опредѣленные для кораблестроенія, то есть, когда лежатъ вблизи рѣкъ, способствующихъ сплаву деревьевъ, и могущихъ проводить ихъ до назначенія. Такимъ образомъ прекраснѣйшіе лѣса въ округахъ Тобольской, Вологодской и другихъ г. пропадаютъ безъ всякой пользы, отъ недостатка воднаго сообщенія.

Въ слѣдствіе сихъ соображеній лѣса, удобные для кораблестроенія въ Россіи на двухъ ея моряхъ, въ то время заключались въ двухъ пространствахъ, такъ называемыхъ: Низовомъ по Волгѣ, и Сѣверномъ по Двинѣ. Низовое пространство простирается по округамъ Казанскому, Нижегородскому, Вятскому, Оренбургскому, Симбирскому, Пензенскому, Тамбовскому и Сарашовскому, прилежащимъ къ Волгѣ и Окѣ; въ сихъ округахъ большею частію получается дубовый лѣсъ; сосновый же мачтовый родится особенно въ Казанскомъ. Сѣверное пространство объемлетъ округи Архангельской и Во-

югодской г., прилежащихъ къ Двинѣ, Вятской и верхнюю часть Пермскаго округа, орошаемыхъ Камою, изъ кошорой, небольшимъ волокомъ, лѣса удобно сплавлялись въ Двину.

Нѣкошорые лѣса по симъ рѣкамъ и во многихъ другихъ мѣстахъ принадлежали казнѣ и назывались заповѣдными.

Сверхъ сего Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣспрѣ на западъ; Волховъ, Свирь, Сязь и другія на сѣверъ, окруженные дубовыми, сосновыми и другими лѣсами, представляли большія удобства въ будущемъ для заведенія кораблестроенія въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, завоеванныхъ оружіемъ великаго преобразователя Россіи.

Западная Двина еще 1670 года передавала иностраннымъ мяшовой деревья, распуція на р. Югъ, въ нее впадающей; въ 1672 году Вернеръ, Мюллеръ и Генрихъ Буденантъ, Голландцы, торговавшие въ Москвѣ, сославивъ въ Амстердамъ компанію, взяли обширные лѣса, по сей рѣкѣ распуціе, на откупъ у Царя Алексѣя Михайловича и каждогод-

но грузили по 4 корабля мачшовыми деревьями. Съ каждой мачшы въ казну приходило по 4 или 5 руб.; а компаниі обходилось дерево до 25 рублей (10).

Кузнечное ремесло съ давнихъ временъ было значительнo въ Россіи. Въ 1509 году, при построении Тулы, на Тулицѣ, отведена была слобода кузнечному сословію. Въ 1559, Іоаннъ IV далъ привилегію Англичанамъ опыскивать руды, съ тѣмъ, чтобы сему искусству обучать Рускихъ. При Царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ кузнечная въ Тулѣ слобода была освобождена отъ податей и названа Кузнечкою; масперовые, населявшіе оную и работающіе на Тульскомъ оружейномъ заводѣ, ковали уже при Алексѣѣ Михайловичѣ оружіе, прежде доставляемое изъ чужихъ краевъ; извѣстно, что въ 1642 году велѣно было на семь заводъ изготовить 1000 самопаловъ; а въ слѣдующемъ, 1644 пищали.

Разработка рудъ началась при семь же Государѣ. Кильбургеръ пишетъ, что въ его время было 4 рудника и при каждомъ находились заводы; главный изъ

нихъ принадлежалъ Голландцу Пелпру Марцеллису и его шестю Томасу Келлерману. Рудникъ сей простирался на 30 вершъ и разрабывался въ шрехъ мѣстахъ, начиная отъ Серпухова за Тулу; на заводѣ шянули полосы, дѣлали ружья, листовое желѣзо, даже лили пушки; Марцелинъ не только не плашилъ пошлинъ, но получилъ отъ Царя въ награжденіе 400 душъ крестьянъ.

Вшорой заводъ принадлежалъ Голландцу Тилеману Лусъ-Акема, находился въ 90 вершахъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ на р. Протвѣ, отъ которой получилъ названіе Протвинскаго. На немъ шянули полосы, дѣлали якори; желѣзо, выррабашываемое Акемою, было лучше Марцеллисова и продавалось гривною на пудъ дороже. Акема получилъ въ подарокъ также 200 душъ.

Трешій рудникъ, названный Испинскимъ, найденъ въ Тульской обласши въ Прояскомъ округѣ; ошкрытъ Голландцемъ Вернеромъ Мюллеромъ и какимъ по Дашчаниномъ, послѣ смерти котораго половина завода, по праву выморочныхъ имѣ-

ній, досталась Царю, подарившему сію половину Нарышкинымъ.

Четвертый, Петрозаводскій, былъ Царскою собственностію и состоялъ на откупѣ у Нѣмца Розенбуша, который за содержаніе завода плашилъ пушками и другими военными снарядами. Спаль вообще привозили изъ Швеціи; ибо въ Россіи оной не дѣлали на заводахъ; выработываемая же часными людьми была дурнаго качества.

Сверхъ сихъ заводовъ въ Москвѣ былъ пушечный дворъ, гдѣ лили пушки и мортиры величины необыкновенной. Въ началѣ XVII столѣтія былъ на семь заводовъ хорошій мастеръ изъ Ниренберга по имени Гансъ Фалькенъ, который дѣлалъ орудія, славившіяся и въ чужихъ краяхъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Марцеллисъ поставлялъ въ казну пушки отъ 18 — 24 фунт. калибра, которые также отпускались въ Англію и Голландію, но при пробахъ часто лопались.

Мѣдныхъ рудъ при Алексѣѣ Михайловичѣ было три: первая при Олонцѣ, неподалеку отъ Онежскаго озера, подъ уп-

равленіемъ Голландца Данила Товиса, и двѣ другія въ Коширской области на берегахъ Мезени, опъ успѣя ея въ 228 верстахъ; въ 1674 году управленіе сихъ послѣднихъ поручено Петру Марцеллису (11).

Псковская пенька была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли Россіянъ съ Лифляндцами и Нѣмцами; ежегодно отпускалось ея до 1200 берковцевъ и цѣна была обыкновенно опъ 2-къ до 2 р. 50 коп. берковецъ. Калуга, Кіевъ, Новгородъ и Орель также изобиловали сими произведеніемъ; Руская пенька сполько уважалась иностранцами, что въ Архангельскѣ въ 1673 году давали за берковецъ оной четьре бочки сельдей (12).

Канашныхъ веревочныхъ заводовъ было довольно; однакоже они были не значительны, и выработывали веревки для внутренняго употребленія въ государствѣ.

Смолу жгли въ Каргополѣ, на берегахъ Ваги, впадающей въ Двину. Ластъ смолы на вѣсь стоилъ опъ 12—18 руб. въ Архангельскѣ (13).

Судоспорееніе въ Россіи ограничивалось въ сіе время перевозными судами по рѣкамъ во внутренности государсва; по образу тяжестей, глубинѣ рѣкъ и мѣстному обычаю суда сіи различествовали названіями и постройкою. Разшивы, мокшаны, спруги, насады, паузки, кочи, верев, шялки, заводни, дощаники, лодки и прочія служили полько для перевоза товаровъ. Суда сіи были съ однимъ парусомъ, употребляемымъ полько при попутныхъ вѣтрахъ; величина ихъ была различна; однако же Олеарій, путешествовавшій по Россіи въ 1685. году, видѣлъ спруги, подымавшіе по 300 пудовъ груза и вооруженные ошь нападенія разбойниковъ пушками (14). Онъ же говоритъ, что въ Нижнемъ Новгородѣ, для путешествія ихъ посольства въ Персію, Капитанъ Мишель Корде построилъ съ помощію Рускихъ мастеровыхъ плоскодонный корабль, длиною во 120 фушовъ, сидѣвшій въ грузу шесть фушовъ, съ палубою, различными каюшамы и тремя мачшамы. По сплышій сего корабля въ Астрахань многіе купцы и мо-

рекодами въ Персію удивлялись величинѣ онаго, увѣряя, что такое судно не годится для Каспійскаго моря, на которомъ волны отменно коронки и чрезвычайно высоки, по чему совѣщовали убавить длины мачты; однакоже корабль сей благополучно дошелъ въ Персію до мѣста своего назначенія (15).

Приведши на видъ всѣ сіи вспомогательные способы, существовавшіе для кораблестроенія, перейдемъ къ дѣламъ Государя, пробудившаго опъ дремоты Россію и совокупившаго способы сіи къ сооруженію флота.

Н. Бестужевъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1). Описаніе Астрахани и Каспійскаго моря извлечено изъ книги: Хозяйственное описаніе Астраханской и Кавказской Губерній, Экономическаго Общест. С. П. б. 1809.
- 2). Adam Olearii p. 196
- 3). Опытъ морской практики. Гамалѣя въ примѣч. на плав. по Финск. зал. и проч. стр. XXXVII.
- 4). Краткая исторія о городѣ Архангельскѣ, Креспинина, стр. 1 — 5. С. П. б. 1792.
- 5). Начерт. истор. гор. Холмогоръ, его же, С. П. б. 1790, стр. 11 — 19.
- 6). Краткая истор. о г. Арх. стр. 1 — 5.
- 7). Hist. of N. E. Voyages. Burney ch. II. p. 13.
- 8). Ежемѣсячныя сочиненія 1757 годъ.
- 9). Извлеченіе изъ книгъ: Спашипическое опис. Россійск. госуд. Арсеньева С. П. б. 1818; Краткое руководство къ сбереженію

и поправленію лѣсовъ въ Россійскомъ государ. С. П. б. 1809; изъ Указа 1817 года Августа 25 объ учрежденіи управленія корабельныхъ лѣсовъ.

- 10). Kilburger. Büschings magasin. III. 264.
  - 11). Тамъ же III. 325—326 о желѣзныхъ и мѣдныхъ заводахъ.
  - 12). Тамъ же III. 309.
  - 13). Тамъ же III. 260.
  - 14). Olearius. p. 189.
  - 15). Тамъ же p. 176. 197 и далѣе 101.
-

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

~~~~~

О ФИЛОСОФИИ АРИСТИППА.

~~~~~

Одна и таже земля производитъ различные расшенія. Таже пишательная сила способствуесть прозябенію оныхъ, но дѣйствія ея неодинаковы. Каждое расшеніе принимаесть въ себя шѣшь только соки, кошорые свойственны его природѣ: и пошому одно приносишь вредъ, другое пользу; пошому то рядомъ съ правой дѣлбеною расшеніемъ и права лдовишая.

Подобнымъ измѣненіемъ подвергнулась добродѣшель Сократа. Переселясь въ сердца учениковъ его, она предсшав-

являясь намъ въ разныхъ видахъ, смотря
 по свойству и различію ихъ характе-
 ровъ. Въ Антисценѣ она преобразилась
 въ жестокость, у Діогена въ грубость,
 въ Крапесѣ перешла въ безстыдство, у
 Зенона въ твердость, въ Платонѣ сля-
 лась въ величіе, а въ Аристиппѣ переро-
 дилась въ эгоизмъ, или, такъ сказать,
 философію царедворцевъ. Опъ сей по
 причины Аристиппъ прослылъ придвор-
 нымъ философомъ. — Опъ вамъ попра-
 вился съ перваго своего приступа.
 Въ осанкѣ его и во всѣхъ приемахъ вы
 замѣтите какую то важность, благо-
 родство и ловкость. Опъ или сбрасыва-
 етъ съ себя небрежно длинную свою
 мантию, или подбираетъ ее съ особен-
 нымъ искусствомъ. Умъ блестящъ въ его
 глазахъ, играетъ во всѣхъ движеніяхъ,
 во всѣхъ чертахъ лица его и даже въ
 складкахъ его одежды. Вы разсуждаете
 о чемъ нибудь между собою, опъ не вмѣ-
 шиваешься въ ваши рѣчи; разговоръ вашъ
 продолжается—опъ молчитъ; вы не согла-
 шаетесь во мнѣніяхъ, опъ слушаетъ васъ
 со внимательностію; у васъ начинается

споръ, онъ все оспашеся въ шомъ же положеніи: вы желаете, чшобъ онъ сказалъ вамъ свои мысли, а шаго напрасно вы будете ожидать ошъ него; вы просите его рѣшить споръ, онъ ошыграваешся улыбкою; вы перебуете шого насшоятельно, онъ повишуешся и говоритъ: „вы справедливы; но и ваша соперница шакже не ошциблась. Мысли ваши въ сущесшвѣ своемъ однѣ и шѣже: все дѣло шолько въ шомъ, чшо языкъ нашъ шлишкомъ бѣденъ, а ваше воображеніе шлишкомъ богашо, и пошому вамъ недостало однихъ словъ для объясненія вашего мнѣнія: слѣдовашельно вою вину надобно опнесши къ недосшашкамъ языка; а вы совершенно правы, сударыни!“

Еслибы вашъ судья любилъ васъ, сударыни, для васъ собщвенно, вы, можете бышь, слышали бы ошъ него шогда правду—и, кшо знаетъ, можете бышь, слышали бы его менѣе любитъ за шо; но онъ васъ любитъ для себя шолько, и пошому не поставилъ за грѣхъ васъ обмануть. Признайтесь, не болѣе ли ашо вамъ понравилось?

И такъ справедливо называли Аристиппа свѣтскимъ философомъ, философомъ совершеннѣйшимъ. Его добродѣтель не имѣла въ себѣ ничего спорогаго, ничего рѣзкаго; она была гибкая, снисходительная, привлекательная, однимъ словомъ такая, которая всего болѣе приличесшвовала для пригожихъ женщинъ, обожавшихъ сего философа, и для двора Сиракузскаго, гдѣ онъ служилъ утѣхою.

Правда, что Діонисій, какъ большею частію всѣ Государи, былъ и своенравенъ и высокомѣренъ, даже въ обращеніи съ философами; но какъ онъ имѣлъ большія сокровища и любилъ разсыпашъ свои щедршы; то Аристиппъ скоро нашель, что золото сего Государя, если не перевѣшивало, что по крайней мѣрѣ равнялось его капризамъ, и потому бралъ себѣ обыкновенно одно, а Діонисію оставлялъ другіе, дабы въ случаѣ нужды и эпитимъ воспользоваться.

Случаи сіи были нерѣдки; ибо сластолюбіе Аристиппа вовлекало его иногда въ непомерныя издержки.

Возвращаясь въ Аѣины, онъ вздумалъ

Часть XX. Кн. III.

ознаменовать свой прїездъ пышнымъ, праздникомъ и позвалъ къ себѣ славную Лаису вмѣстѣ съ опборнѣйшимъ обществомъ Аѳинскихъ жителей обоюго пола. Ариспиппъ сдѣлалъ у себя великолѣпной пиръ и заплашилъ, говоряшъ, за одну куропатку пятьдесятъ драхмъ. Одинъ Циникъ, увидѣвъ такую распочительность, упрекнулъ его за то самымъ язвительнымъ образомъ. „Еслибъ сія куропатка, отвѣчалъ Ариспиппъ, стоила не болѣе оболы, купилъ ли бы ты ее тогда?“ — Конечно. — „Ну, шакъ, спало бышъ, я больше философъ, нежели ты: пошому чпо я споль же мало цѣню эти пятьдесятъ драхмъ, какъ ты одинъ оболъ.“ Смѣшанный такимъ отвѣтомъ критикъ осыпалъ его ругательствами. Ариспиппъ, не дѣлая никакого возраженія, оборотился къ нему спиною и ушелъ. Но раздраженной Циникъ бѣжалъ за нимъ въ свѣдъ и кричалъ: за чѣмъ ты убѣгаешь отъ меня, злодѣй?“ — За тѣмъ, чпо ты воленъ говорить мнѣ обидное, а я воленъ себя не слушать. Потомъ, обращаясь къ случившимся шумъ зрителямъ, копорые

дѣвились, его шерпѣнію и спокойствію, Ариспицъ сказалъ: „надобно съ дерзкими людьми обходиться почто шакже, какъ съ посланниками, копорыхъ оппускають безъ всякаго опвѣща.“

Съ сими словами онъ удалется и прибѣгаетъ къ философу Эскину, съ копорымъ былъ съ давняго времени въ ссорѣ. „Я пришелъ къ тебѣ, сказалъ онъ, для твоей и моей пользы. Мы полюбились одинъ другому и находили всегда удовольствіе въ нашемъ свиданіи; но щеще-славіе насъ разлучило: дружба ошь эшаго шерпицъ, а клевета выигрываетъ; ибо раздоръ двоихъ славныхъ мужей служить шеперь пищею злоязычію. Заградимъ уста завистникамъ и празднословамъ. Обѣдай у меня сегодня: веселіе шебя зовешъ ко мнѣ и Лаиса насъ ожидаетъ; сядемъ подлѣ нея и пущь Грацимъ будутъ посредницами между философією и дружбою.“ Эскинъ взялъ его за руку и пошелъ.

Ариспицъ нашель уже своихъ гостей собравшимися. Плапонъ вошелъ къ нему въ одно время съ блестящею Лаи-

с ю. Аристиппъ подвелъ къ ней философа Эскина и сказалъ: „вы видите передъ собою челоѡка, которой былъ прежде моимъ другомъ.“ — Прежде — возразила она съ нѣжностію: это доброй знакъ и для будущаго! — Въ потъ же мигъ примирившіеся друзья обняли одинъ другаго и всѣ пошли къ сшолу.

Въ половинѣ обѣда, Плашонъ, извѣстный любитель роскоши, позавидовавъ, можетъ бытъ, великолѣпію, какое нашель у Аристиппа, вздумалъ укорашъ его въ излишней пышности. Аристиппъ, вѣдшо того, чшобъ въ свое оправданіе выславить Плашону на видъ собственное его поведеніе и отвѣчашъ ему за укоризну шакою же укоризною, отдѣлался самымъ шонкимъ образомъ отъ сдѣланнаго ему упрека. „Какая, сказалъ онъ Плашону, должна бытъ цѣль нашихъ дѣляній? Не та ли, чшобъ бытъ честнымъ челоѡкомъ?“ — Правда. „Думаешь ли шы, что Діонисій честной челоѡкъ?“ — Думаю. — „Между шѣмъ онъ живешъ еще пышнѣ меня. Слѣдовательно роскошь не есть преступленіе, и пошому весьма мо-

жно бышь самымъ угоспительнымъ хозяиномъ, самымъ пріятнымъ поварившемъ и въ поже время самымъ честнымъ человекомъ. Но чтобы намъ лучше въ эшомъ увѣришься, мы идемъ завтра къ тебѣ обѣдать.“

Между тѣмъ, какъ обезоруженной Платонъ принимаетъ, краснѣясь, сдѣланное ему предложеніе, съ сумою за плечами и съ палкою въ рукѣ входитъ къ нему философъ Поликсенъ; смотритъ и опскакиваетъ съ крикомъ: „о времена! о нравы! какой соблазнъ! какая распочительность!“ — Арисшипъ потчасъ выходитъ изъ за стола, беретъ его за руку и проситъ сѣсть подлѣ себя. — „Чтобъ развратиться—отвѣчаетъ спругой Циникъ.“ — Напротивъ; чтобъ наставишь меня на прямой путь. Выпей, поварищъ, Кипрскаго вина! — „Я не пью лда.“ — Но развѣ швоя философія не есть всеобщее проповодіе? — „О, самое надежное! — Такъ не ужели ты, надѣясь на ея помощь, успрашишься силы вина и очарованій Цирцеи? — „Нѣтъ: онѣ мнѣ не страшны.“ — Лаиса, налей нектаръ и дай

выпить его Поликсену. Товарищъ, вотъ кубокъ въ рукахъ прелестницы: покажи намъ силу твоего пропивоядія. — „Оспановись; мудрость запрещаешь намъ искать опасностей.“ — Опасность ничего не значитъ шамъ, гдѣ есть вѣрное средство опшрашишь ее: припомъ же шебъ снвишь полько взглянуть на глаза Лайсы: въ нихъ право не кроется дурнаго намѣренія. „ — Поликсенъ при сихъ словахъ посмотрѣлъ на Лайсу, покраснѣлся и опорожнилъ кубокъ. Арисшипъ поснавилъ ему знаменитую куропашку. Но философъ општолкнулъ опъ себя блюдо съ негодованіемъ и вскричалъ: „прочъ опъ меня сладостраспіе!“ — Ты его боишься? — „Не боюсь, а презираю.“ — Зачѣмъ же стараешься ты убѣгать сладостраспія? Рабъ укрываешься опъ своего господина; но сей успремляешся за нимъ въ погоню, настигаешь и оковываешь его въ цѣпи. Увидимъ, кпо изъ васъ — ты ли на сладостраспіе, или оно на шебя — наложишь цѣпи. —

Поликсенъ началъ испытаніе свое съ куропашки, не теряя однакожь обыкновенной своей важности. Смѣхъ, гово-

риль онъ, есть слабость. Напрасно веселость силилась завлечь въ сѣти свои мудреца: его степенной видъ держался крѣпко до той минушы, когда Лаиса, примѣшивъ, что частые приемы нектара и амброзіи заславяють скоро философа забыть свою философію, подноситъ ко всѣмъ присуществующимъ задравной кубокъ и, восклицаетъ: „*побѣдителю сладострастія!*“ — Тупъ смѣхъ вырывается изъ устъ побѣжденнаго, и Аристиппъ говоритъ ему: „о Поликсенъ, какимъ слава наградила тебя преимуществвомъ! Мы ѣдимъ, пьемъ, смѣемся—и мы оспаемся невѣждами: пьѣшь, пьѣшь и смѣешься—и ты философъ.“

Когда лицемѣръ обнаружень, тогда гордость прячется подъ покрывало смиренія. „Я философъ — отвѣчаетъ Поликсенъ съ кропосшію: нѣшь, я не заслужилъ сего славнаго имени: оно принадлежитъ только добродѣтельному Платону и мудрому Аристиппу.“ — Не знаю, подхващилъ послѣдній, называешь ли мнѣ себя философомъ; знаю только, что я счастливъ. Я очень вѣрю, что моя фи-

лософія, какъ и всѣ человѣческія предположенія, соспавлена изъ малаго числа истинъ и множества заблужденій. Одни правозносяшъ похвалами мое поведеніе и мои правила; но едва ли они не ошибаются: другіе меня оуждають, и чують ли не на ихъ споронѣ правда.

Непоспоянный въ дружбѣ, но всегда щедрый для своихъ пріятелей, Арисшипъ вздумалъ однажды, для удовлешворенія чрезмѣрнымъ своимъ расходамъ, попребовашъ въ награду себѣ ошъ каждаго изъ учениковъ своихъ значущую денежную плашу, и чшобъ ушвердишъ шакой поборъ собшвеннымъ примѣромъ, онъ послалъ ошъ себя двадцать минъ къ учишелю своему Сократу; но Сократъ въ потъ же часъ обратилъ его выдумку въ посмѣяніе, не принявъ сдѣланнаго ему подарка.

Одинъ богатой Аѣинянинъ просилъ Арисшипа принять на себя образование его сына. Арисшипъ захотѣлъ получить ошъ него за сіе пятьдесятъ драхмъ. „Пятьдесятъ драхмъ—вскричалъ удивленный ошець; да за эти деньги я могу себѣ купитъ невольника.“ — Можешь, он-

вѣтствоваль тонкой философъ, и будешь тогда имѣть у себя вмѣсто одного двоихъ рабовъ.

Наконецъ, какъ всѣ сіи средства сдѣлались уже недоспащочными для распочительнаго философа, Арисиппъ вспомнилъ про капризы Царя Сиракузскаго. Желая еще взять себѣ съ оныхъ пошлину, онъ вознамѣрился ѣхать снова къ Діонисію. При отъѣздѣ своемъ онъ пошелъ просишьясь съ славною Лайсою. Одинъ изъ учениковъ, сопровождая его дорогою, покраснѣлъ и остановился при входѣ въ домъ прелеспницы. „ Не постыдно, мой другъ, сказалъ ему философъ, войши въ эпошь домъ; но постыдно не умѣшь опшуда вышши.“ — Сказавъ сіи слова, и дѣшь къ Лайсѣ; говоритъ съ нею; смѣешся, шушишь, забавляется, насказываешъ ей шьму пріяшнаго, блешшишь своимъ умомъ, оспрошою, игривоспю, любезноспю; обнимаешъ красавицу, исчезаешъ ѣ плывеешъ къ берегамъ Сициліи.

Въ день его пріѣзда Діонисій былъ въ неприяномъ расположеніи духа. „ Чшо ты пришель дѣлашь при моемъ дворѣ?“

Спросилъ онъ спранспивующаго философа. — Пришелъ, опшвчалъ сей послѣдній, принесешь тебѣ нѣчто изъ тѣхъ сокровищъ, которыя я приобрѣлъ, и получишь онъ тебѣ въ замѣнъ часпицу тѣхъ, которыми ты пользуешься. — Опъ чего, прировнилъ Діонисій съ гордоспію, всегда видяшь вашу брашью философовъ у Государей, между тѣмъ, какъ Государи никогда не бывають у философовъ? — Опъ того, что философы знаютъ свои нужды, а Цари своихъ не вѣдають. — И философъ не успѣдилъ промѣнять училище Сократа на дворъ Діонисія? — Я прихожу къ Сократу, когда имѣю нужду въ мудроспи; а къ Діонисію, когда мнѣ надобны деньги. —

Чтобъ опдѣлаться наконецъ опъ чашпыхъ докукъ его, Діонисій сдѣлалъ ему подарокъ; но, желая заставитъ Аристинна заплашитъ чѣмъ, нибудь въ свою очередь за сіе благодѣяніе, приказалъ назначитъ ему за столомъ своимъ самое послѣднее мѣсто. Сажусь охотно, сказалъ ему Аристиннъ: мѣсто сіе будетъ первымъ. — По этому ты спавишь себя

выше всѣхъ прочихъ людей? — Сколько мудрый долженъ поспавляясь выше невѣжды. — Въ чемъ же, думаешь ты, состоятъ между ними споль великое различіе? — Раздѣнемся оба и выйдемъ голые передъ полпу неизвѣснаго намъ народа; тогда скоро увидишь, въ чемъ состоишь сіе различіе.

При сихъ словахъ разсерженной Діонисій плюнулъ ему въ лице. Аристиппъ безъ всякаго смущенія сказаавъ, упираясь: „если рыбки входятъ въ воду по самую шею для того только, чшобъ поймать въ сѣти свои нѣсколько рыбокъ; почему же мнѣ, чшобъ изловишь киша, не позволишь замочить себѣ лице на одну мину? —“

Дерзость недалеко отъ подлости. Аристиппъ, не успѣвъ еще сперешъ съ лица своего мокрыхъ слѣдовъ обиды Діонисія, приходишь къ казначею сего Годаря, и между шѣмъ, какъ сей, спсаясь ему подслужиться, спаль показываешь великолѣпныя убраншва и роскошную чистошу своихъ чершговъ, Аристиппъ плюнулъ ему въ лице, сказаавъ: „я

не нашель у себя приличнѣйшаго мѣста, куда бы можно было плюнуть. “ — Пошомъ, шоржешвуя опъ сдѣланной имъ дерзости, идетъ къ Г. сударю и проситъ у него новыхъ милостей; но Діонисій ему отказываетъ: Аристиппъ умоляетъ; Діонисій отвергаетъ его моленія. Наконецъ нашъ философъ доходитъ до униженія; Царь и пушъ осмѣется непреклоннымъ: Аристиппъ дѣлаетъ послѣднее — бросается передъ нимъ на колѣна: какъ, восклицаетъ Діонисій, философъ у ногъ человека! — Чшожь мнѣ дѣлашь, если у себя уши въ ногахъ, говоритъ ему въ отвѣтъ Аристиппъ.

Съ Фран. И. А.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРИЗВАНІЕ ИСАИИ.

„Кого пошлю — и той пойдетъ къ людямъ.“

Иди къ народу, мой пророкъ!
Въщай, шруби слова Еговы!
Срывай съ лукавыхъ душъ покровы
И громко обличай порокъ!
Иди къ народу, мой пророкъ!

Въщай: „не я ль тебя лелѣялъ
И на рукахъ моихъ носиль?
Тебѣ въ пущыняхъ жизнью вѣялъ,
Тебя въ безводіи поилъ;
А ты, народъ неблагодарный,
Ты ласки всѣ забылъ ошца!
Какъ змѣи — души въ васъ коварны,
Какъ камни — чершвы въ васъ сердца!“ . . .

„Что сдѣлали съ моимъ закономъ?“

Гдѣ лѣтъ минувшихъ чудеса?

Мой слухъ пронзенъ невинныхъ спономъ,

Ихъ вопли движущъ небеса . . .

А ваши Сильные и Князи,

Пируя сладкіе пиры,

Спѣснѣши съ хищниками связи

И губящъ правду за дары

Гдѣ правота, гдѣ судъ народу?

Гдѣ вы, шворящіе добро? —

Въ вино мѣшаете вы воду,

Поддѣль и ложь — въ свое серебро! —

Вы слѣпы, Іудейски грады!

Я поднялъ рѣки изъ береговъ

И насылалъ къ вамъ шрусъ и глады

И двигалъ бури — вмѣсто словъ:

А вы, какъ камни, не смягчались,

И Богъ ващъ — списнувъ громъ — щердѣль;

Но лѣша благости скончались . . .“

О спрахъ! Егова загремѣль!

Напалъ на сердце ужасъ хладный!

Я зрѣлъ мятежъ и мракъ въ умахъ:

Помчался съ крикомъ коршунъ жадный,

Послышавъ гибель на поляхъ.

Увы, Израиль! Весь ты клятва!

Ты спалъ подъ пѣснями льстецовъ;

Но се грѣховъ созрѣла жатва —

И Богъ пошлетъ своихъ жнецовъ! . . .

„ На что мнѣ строишь храмы?
 Мнѣ ароматы твоихъ кадиль
 И многоцѣнны еямы,
 Какъ смрадъ раскопанныхъ могилъ . . .
 Ты знаешь самъ, что мнѣ приятно:
 Одну люблю я — правоту.
 За чѣмъ же судишь ты превратно?
 За чѣмъ ты губишь сироту? —
 Омой корыстную десницу;
 Лукавство вырви изъ души;
 Будь нищимъ другъ, спасай вдовицу!
 Тогда, безъ жертвъ своихъ, спѣши,
 Какъ добрый сынъ ко мнѣ предъ очи.
 Я всѣ грѣхи твои стерплю;
 Будь черенъ ты, какъ сумракъ ночи,
 Тебя какъ день я убѣлю!“

Ф. Глинка.

ТОСКА ОССИАНА.

О арфа, пусть швой дряхлый спонь,
Изпоргнутый десницей ушарьлой,
Пробудишь, кошъ на мигъ, безславный сонъ
Родительской сшраны осироньлой!
Пусть съ сей скалы, подножія дубовъ,
Равесниковъ моей сѣдины —
Прольешься старца пѣснь! „Ревн съ борьбой
валовъ
Осенній ураганъ, взрываѣ дубравъ вершины!
Надвинь на сводъ пусныхъ небесъ
Громады шучь свинцовыхъ!
Ты, ночь, развей свой креповый навѣсъ,
И мрачныя накинъ на мѣръ оковы! —
Свершилось! Нѣтъ шого, чья спаль меча въ
боляхъ
Какъ бы звѣзда побѣдная блиспала,
И въ вражескихъ шрепещущихъ успахъ
Прощаніе съ сей жизнью вынуждала . . .

Свершилось нѣшь Фингала!

Событія минувшихъ дней,
Пожранныхъ вѣчностію жадной,
Проснишесь въ памяти моей:

Да огласишь сей холмъ Фингала подвигъ раш-
ной!

Я помню (и тогда кипѣла кровь во мнѣ,
И мечъ дрожалъ въ рукѣ неперпѣливой):
Сверкали копьями — и въ шумной вышинѣ

Свиспали стрѣлы боевыя . . .

Желѣзо шупишся; со спроемъ сшибся спрой;
Ударъ въ ошвѣшъ удару спонешъ . . .

Фингаль далекъ ошъ насъ: бѣгу къ нему
спрѣлой —

И чтожь? Враговъ спрахъ съ шылу го-
нишъ!

Бѣгушъ лучей его конья:

Такъ ушромъ дымные шуманы,
Покрывшіе восточные курганы,
Рѣдишъ огнистая зоря! —

Кашмора ищешъ взоръ Фингала —

Сошлись: ужъ рокъ колеблешся межъ нихъ . . .

Конецъ взгремѣль! . . . И гордо оплешала
Душа Кашморова въ спрадапіяхъ нѣмыхъ.

Но будь ушѣненъ шы, Кашморъ!

Фингаль жалѣлъ швоей погибшей славы

И съ гордостію вперялъ свой храбрый взоръ

На шрушъ швой величавый! —

Но долженъ ли я днешъ тебя, родишель мой,

Въ пылу побѣдъ вѣнчать вѣнкомъ лавро-
 вымъ?
 Ахъ, нѣтъ! Мнѣ суждено настроить голосъ
 свой
 Въ надгробную пѣсню надъ холмомъ повымъ.
 Недаромъ спонъ глухой прикрасы сонъ
 лѣсовъ
 Смуцалъ полуночной порою;
 Недаромъ громъ гремѣлъ, и вой зловѣщихъ
 псовъ
 Мнѣ сердце раздиралъ тоскою;
 Недаромъ арфа въ черный день
 Сама собою содрогалась —
 Какъ будто бы чья жалобная пѣнь
 Эирными перстами къ ней касалась.
 Ахъ, сколько бѣдспивій въ жизни сей
 Судьба мнѣ завѣщала!
 Давно ль вздохнула на лонѣ сихъ полей
 Могала храбраго Финчала?
 И вѣчной ночи мракъ смѣжилъ
 Моя увлаженныя вѣжды!
 Мнѣ мнѣ, какъ гробъ лишенному свѣщилъ,
 Лишенному надежды!
 Одна оспалась мнѣ отрада — обнимать
 Твой прахъ холодными перстами!
 Ты зришь меня — но мнѣ тебя ужъ не видать!
 Когда жъ, когда жъ воздушными крылами
 Къ тебѣ, родинель, повесусь
 Въ надоблачный чернотъ лесучій?

Когда съ землею я прощусь,
Гдѣ шагъ... шо друга гробъ, или курчани мо-
гучихъ?

Узрю ль тебя, желанная страна?

Отопрутся ль врага опчизны?

Железная судьба, ты хочешь, чпобъ до дна

Исцпль я чашу горькой жизни . . .

В. Гр.

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

БЕЗОБРАЗОВУ,

Г. Ярославскому Гражданскому
Губернатору, на случай воздви-
гаемаго памятника Павлу Гри-
горьевичу Демидову.

Всѣ добродѣтели сіяюшъ
Въ благословенный Россамъ день:
Граждане мирные вступаюшъ
Въ пресвѣтлую заслуги сѣнь.
При Волгѣ быстрой, многоводной
Свершился подвигъ благородной:
Я памятникъ огромной зрю...
Ты, Ярославль, гордися жершвой!
Демидовъ совоспещешъ мершвой
Тебѣ и мудрому Царю.

И неумышльный мужъ расправы
И воинъ въ лавровыхъ вѣнцахъ
Предсипануть къ памятнику славы,
Челомъ склоняся въ слезахъ;

Покрышы старцы сѣдинами,
 Вячанны юноши цвѣтами,
 Къ Демидову явля жарь,
 Цѣня пруды и попеченье,
 Въ дань принесушь благодаренье
 За чистый разумѣнья дарь.

Здѣсь насажденныя науки
 Не переставушь вѣчно цвѣсть:
 Здѣсь дальнихъ поколѣній внуки,
 Въ душѣ пишая вѣру, честь,
 Любовь къ священной власпи прона,
 Покорность къ мудрости закона,
 Разсѣюмъ мракъ юдольныхъ шучь,
 Найдя, гдѣ кроется блаженство,
 Попомству укрѣпяшь въ наслѣдство
 Обильный просвѣщенья ключь.

Не блескомъ яхонтовъ, алмазовъ
 Горитъ Демидова вѣнецъ:
 Ты видишь ясно, Безобразовъ,
 Любовь чувствившелейныхъ сердець!
 Любовь къ добру, порывъ свободный
 Души высокой, благородной,
 Вина пріятныхъ въ мѣрѣ слезь,
 Спеся къ священну верхограду,
 Любовь и подвигъ и награду
 Въ одно сливаешь средь небесь.

Графъ Хвостовъ.

ПАША И ДЕРВИШЬ.

С к а з к а.

Въ Кафѣ иль въ Тагапрокѣ
Отъ Турки слышалъ я, что гдѣ то на востокѣ.
Одинъ изъ ихъ Пашей имѣлъ пречудный нравъ.
Однажды, Дервиша призвавъ,
Славнѣйшаго между своей собратью
По честности и по уму:
„Послушай, онъ сказалъ ему,
„Честной отецъ! Воишь ящикъ за печашью;
Въ немъ перлы дорогой цѣны,
„Алмазы, яхонты, блестящія каменья:
„Они мной суждены
„Тому для награжденья,
„Кого признаешь ты изъ всѣхъ живыхъ людей
„Глупѣй;
„Возьми ларецъ, не пожалѣй старанья,
„Ищи! — и обрѣнешь! Ну съ Богомъ, до свиданья!“
Взявъ ящичекъ, пуснулся Дервишъ въ путь.
За чѣмъ? Искать глупцовъ? Какая безразсуд-
ность!

Ихъ слышачи, гдѣ ни взглянушь.
 Не въ шомъ, друзья мои, но въ выборъ вся
 шрудность.

Съ сей мыслию мудрецъ
 Идетъ изъ края въ край, изъ городовъ въ
 селенья:

Вездѣ — что шагъ, то и глупецъ;
 У каждаго въ правахъ на ларчикъ нѣшь сом-
 нѣнья;

Среди недоумѣнья
 Сно разъ готовъ онъ былъ уже опдаться ларецъ,
 И опдаль бы — но чѣмъ то вѣчно
 Удерживаемъ былъ, предчувствіемъ конечно!

Такъ день за днемъ и годъ за годомъ — на-
 конецъ

Скипашься сипраннику по свѣшу надошло,

А надо кончить дѣло.

Вошь какъ то привела судьба въ Стамбудъ его.

Все въ радости, вездѣ торжественные клики.

„Что это? Вопросилъ онъ шамъ у одного.

— Такъ, ничего! —

„Какъ ничего?“ — Визирь великій

Къ пророку съ фирманомъ вчерашню ночь
 шайкомъ

Ошправлень . . . знаешь самъ . . . шакъ . . .
 шолковымъ шнуркомъ. —

„О Магомешъ! Какава жалость!“

— Шалость!

Къ дѣламъ такимъ привыкъ нашъ право-
вѣрный родъ;

И это здѣсь такая малость,
Которою Султанъ насъ шѣшишь каждый
годъ. —
„Ты шутишь?“ — Право, нѣтъ! — „Какой же
безполковой
Захочетъ въ Визири? Неужто еснѣ ужъ
новой?“

— А какъ же? Бошь онъ самъ везетъ съ шор-
жесивомъ. —

Мудрецъ за ящичекъ и вслѣдъ ему бѣгомъ.

Насилу сквозь шолпу пробился;

Взглянулъ и изумился.

Кого увидѣлъ онъ? Васъ угадашь крошу.

Пашу!

„А, здравствуй! Къ Дервишу онъ потчасъ об-
рашился:

„И ты здѣсь очутился?

А ящичекъ? — У меня. Всю Азію прошелъ:

Глупца не одного нашель,

Но выбрашь я не смѣлъ. Теперь мой путь
кончаю:

Благоволи принять — тебѣ его вручаю!

Изъ Флоріана — Иллитескій.

С М Ъ С Ъ.

КНИЖНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Въ Программѣ объ изданіи моего перевода Греческихъ Классиковъ, напечатанной въ журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, во всѣхъ почти другихъ журналахъ и Рускомъ Инвалидѣ сего года, назначенъ мною чепырехмѣсячный срокъ, послѣ котораго намѣренъ я былъ приступить къ печатанію сихъ Классиковъ, если найду достаточное для того число подписчиковъ. Срокъ сей уже наступилъ. Почему обязанностію поставляю извѣстить почтенную публику, что со времени объявленія о семъ предпріятіи имѣлъ я пріятнѣйшее удовольствіе слышать и читать весьма лестныя для меня отзывы объ ономъ: всѣ любители словесности, всѣ лучшіе Литераторы наши осыпали меня похвалами и желаюшъ успѣха въ семъ дѣлѣ. Но,

въ крайнему сожалѣнію моему, донынѣ подписалось на мое изданіе только 30 мѣстъ и особъ; для обезпеченія же меня въ издержкахъ по сему предмету нужно подписчиковъ не мѣнѣе 200. Въ другихъ Государствахъ въ такихъ случаяхъ дѣлающіяся несравненно значительнѣйшія подкрѣпленія. Въ Англіи на подобныя изданія бываетъ подписчиковъ до ста тысячъ. Отъ чего же у насъ происходитъ такая разность, почти невозможная? Въ публикѣ ли должно искать тому причинъ, или въ самихъ издавателяхъ: распространяясь о семъ здѣсь не мѣсто. Одна особа, всѣми достойно уважаемая, не только по высокому званію, но и по глубокимъ свѣденіямъ своимъ въ наукахъ и словесности, пишетъ ко мнѣ: „Намѣреніе ваше издавать Греческихъ Писателей весьма полезно. Дай Богъ, чтобы вы успѣли созвать достаточное число охотниковъ Греческихъ Писателей у насъ всѣ давно уже научились величать; но рѣдкіе научились читать. Въ чужихъ земляхъ по крайней мѣрѣ есть охотники собирать и такія книги, коихъ они не читаютъ; а мы не можемъ еще похвалиться и такими любителями древнихъ.“

Какъ бы то ни было, почтенная публика изъ сего видишь, что я, при однихъ своихъ способахъ, не могу рѣшиться на приве-

деніе своего предпріятія въ дѣйство. Одна только оспается мнѣ надежда. Господинъ Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, чувствуя всю пользу отъ подобнаго изданія и желая содѣйснвовать оному различными отъ него способами, обратясь ко всѣмъ Начальствамъ Духовныхъ и Гражданскихъ Училищъ, не пожелаюшъ ли они подписаться на сіе изданіе для Училищъ. Хотя, по ограниченности суммъ сихъ заведеній, нельзя ожидать совершенно обезпечительной мѣры; однако начали уже послушаться увѣдомленія, благопріятствующія моему предпріятію, чѣмъ я поставленъ въ необходимости дожидаться свѣденій отъ Училищъ по всей Имперіи. На сіе потребно времени еще по крайней мѣрѣ три мѣсяца, начиная съ 1 Октября текущаго года. Почему покорнѣйше прошу Гг. подписавшихся, извинить меня въ сей оспрочкѣ, а желающихъ подписываться, обратиться о томъ къ Санктпетербургскимъ книгопродавцамъ Гг. Стѣпанинымъ, Плавильщикову, Глазунову и Свѣшникову; а въ Москвѣ къ Коммиссіонеру тамошняго Университета Ширяеву; равно и ко мнѣ.

Между шѣмъ нужнымъ считаю помѣстить здѣсь нѣкоторые дополненія къ своей Программѣ.

1. Намѣреніе мое издавать переводъ Гре-

ческихъ Классиковъ вмѣстѣ съ подлинникомъ и безъ онаго, оспашся на объявленныхъ въ Программѣ условіяхъ.

2. Изданіе сіе имѣть будетъ видъ періодическаго.

3. Въ первомъ, п. е. въ 1823 году, къ концу первой половины года, могутъ быть оппечатаны: 1. *Глины Каллимаха*, въ одной книгѣ; 2. *Басни Эзоповы*, въ одной же книгѣ; 3. *Трагедія Софокла Эдипъ Царь*. Къ концу послѣдней половины того же года оппечатываются: 1.) *Эдипъ въ Колонѣ*; Трагедія сія вмѣстѣ съ Трагедіею: *Эдипъ Царь* составитъ I-ю часть Трагедій Софокловыхъ; и 2.) 6 Пѣсней Омеровою Иліады, что составитъ I-ю часть сего творенія.

4. Къ концу первой половины 1824 года оппечатываются: 1) Трагедія *Антигона* и 2) 6 слѣдующихъ Пѣсней Иліады, имѣющихъ составитъ II часть оной. Къ концу послѣдней половины сего года выйдеть: 1) Трагедія *Трахиніаки*, которая съ Антигоною составитъ II часть Софокловыхъ Трагедій, и 2) еще 6 Пѣсней Иліады, имѣющихъ составитъ III часть сей Поэмы.

5. Къ концу первой половины 1825 года оппечатываются: 1) Трагедія *Аяксъ* и 2) остальные 6 Пѣсней Иліады, имѣющихъ составитъ IV часть оной. Къ концу послѣдней по-

ловины выйдутъ двѣ Трагедіи: *Филоктетъ* и *Электра*, изъ коихъ Филоктетъ вмѣстѣ съ Аяксомъ составитъ III часть, а Электра IV.

6. Желаящимъ получать каждую Трагедию и каждую Пѣснь Иліады порознь, онѣ будутъ доставляемы по оппечатаваніи оныхъ немедленно; прочимъ, по оппечатаваніи каждой части.

7. Въ началѣ пворенія каждого Классика помѣщены будутъ на Рускомъ языкѣ свѣденія о его жизни и сочиненіяхъ, а въ концѣ Гимновъ Каллимаха, каждой Трагедіи Софокла и каждой Пѣсни Иліады, больше или меньше подробныя примѣчанія, смотря по необходимости.

8. Цѣны симъ кннкамъ слѣдующія:

съ Греческ. подлин. безъ онаго

Гимны Каллимаха - - - - - 10 — 5 руб.

Басни Эзоповы - - - - - 10 — 5

Каждая Трагедія - - - - - 5 — 3

*I Пѣсне Иліады съ подстро-
твеннѣмъ и тиственнѣмъ перевод.* - - 6 — 3

Послѣдующія 23 пѣсни, не-
взирая на разную величину
оныхъ, изъ коихъ инныя въ
двое болѣе другихъ, каждая
спойшь будетъ - - - - - 4 — 2

9. Такимъ образомъ по подпискѣ всѣ четыре Классика обойдутся въ 1823 году за вы-
числомъ 20-ни проценповъ и круглымъ сче-

итомъ, съ подлинникомъ 45 рублей; безъ онаго, 25 рублей.

Въ 1824 году съ подлинникомъ 47 рублей; безъ онаго, 25 рублей.

Въ 1825-мъ, съ подлинникомъ 33 рубля; безъ онаго, 17 рублей.

И пакъ изданіе всѣхъ чепырехъ Классиковъ въ 10 книгахъ обойдется подписчику съ оригиналомъ во 125; безъ онаго онаго въ 67 рублей.

Не желающимъ же имѣть все изданіе, а только нѣкоторыхъ изъ сихъ Писателей, обойдутся книги сіи:

Каллимахъ въ 10 или 5 руб.

Эзопъ - - - 10 — 5

Софокль - - 35 — 21

Омеръ - - - 98 — 49

10. Деньги присылашь назначается въ началѣ каждаго изъ шрехъ годовъ на тѣ только изданія, кои въ шеченіи онаго опречашашь предполагашся.

11. По изданіи нынѣ объявленныхъ мною Классиковъ, а можешъ бышь, и прежде, если что не воспрепятствуетъ, я приснупила бы къ изданію и другихъ Греческихъ Писателей съ моимъ переводомъ; о чемъ буду имѣшь честь объявить въ свое время.

Адресъ мой: *Дѣйствительной Статскій Советникъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ.*

II.

ЖУРНАЛЪ

**ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества, издаваемый Комитетомъ его по ценею гаси, будетъ продолжаемъ и въ те-
генѣ слѣдующаго 1823 года.**

Въ составъ оного входяшь слѣдующія статьи:

1. Распоряженія и ошчеты **ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества.**
2. Извѣстія о благошворительныхъ заведеніяхъ ошечественныхъ и иноземныхъ, съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.
3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества относящійся; описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спасенія людей, для употребленія въ домахъ шрудолюбія и для занятія бѣдныхъ, считающихся неспособными къ работѣ.
4. Жизнеописанія благошворителей чело-вѣчества, оставившихъ по себѣ память ка-кимъ либо полезнымъ заведеніемъ или открытіемъ.
5. Нравственныя наставленія и рассу-жденія.
6. Извѣстія о пожертвованіяхъ въ пользу челоѣколюбивыхъ заведеній, имена благо-

иворишелей и особь, подписавшихся на получение сего изданія.

Комитетъ, продолжая выписывать иностранныя періодическія сочиненія, поспрается, извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналь сей сколь возможно занимательнымъ.

Также Комитетъ проситъ какъ Гг. Членовъ своихъ Корреспонденцовъ, такъ и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества участвовать въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ паковыя списки будущъ приняты съ благодарностію и, по мѣрѣ соотвѣшствія предположенной цѣли, помѣщаются въ семь изданіи.

Каждый мѣсяць выходитъ одна книжка; при паковыхъ книжки составляютъ часть.

Цѣна сему Журналу за годовое изданіе здѣсь, въ С. Петербургѣ, 25 руб., а съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи, 30 руб., за полугодное же какъ здѣсь, такъ и съ доставленіемъ во всѣ Россійскіе города 15 рублей. Но какъ доходъ отъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ; по благошворительнымъ особамъ предоставляется вносить и болѣе означенной суммы.

Подписка здѣсь, въ С. Петербургѣ, принимается въ помянутомъ Комитетѣ, состоящемъ до 1-го Января 1823 года въ Малой

Морской въ домѣ Аспегрена No 102, а съ 1-го Января будущаго года имѣющимъ находишь-ся въ домѣ вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на Лицейной, также у книгопродавцевъ: Сень-Флорана, Слѣдина, Свѣчникова и Глазунова, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ. Иногородныя особы благоволять отнестись или прямо въ помянутый Комитетъ по означенному адресу, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Въ томъ же Комитетѣ можно получать вышепомянутый Журналъ за прошлые годы, начиная съ 1818 за означенную цѣну.

III.

О продолженіи Газетъ:

РУСКІЙ ИНВАЛИДЪ

ИЛИ

ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, Коллежскій Совѣтникъ *Воейковъ* будетъ продолжать изданіе выходящей *ежедневно* въ свѣтъ Газетъ: *Рускій Инвалидъ* или *Военныя Вѣдомости* Часъ XX. Кн. III.

сти, и на будущій 1823 годъ. Въ сей Газетѣ будутъ помѣщаемы:

I. Высочайшіе Приказы по Сухопутнымъ Арміямъ и Флотамъ.

Примѣт: Высочайшіе Приказы ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, кромѣ Инвалида, не печатающся.

II. Извѣстія о Высочайше пожалованныхъ чинами военными и спашскими, Кавалерскими Орденами и другими знаками отличія и награжденіями; также объ опредѣленіи Чиновниковъ къ мѣстамъ, отсыпавкѣ, пожалованіи паціонами и перемѣщеніи ихъ изъ одного мѣста въ другое.

Примѣт: Почтенные Читатели Инвалида безъ сомнѣнія замѣтили *скорость*, съ каковою всегда сіи Внутреннія Извѣстія сообщаемы были въ Военныхъ Вѣдомостяхъ.

III. Топографическія, Статистическія и Историческія описанія разныхъ частей Россіи и другихъ Государствъ, особливо смѣжныхъ съ Россіею, и преимущественно въ Справедливомъ отношеніи; описанія походовъ, сраженій, осадъ и всего, что служитъ къ распространенію познаній по части Военныхъ Наукъ.

IV. Библиографія и краткій разборъ новыхъ выходящихъ на общественномъ языкѣ книгъ.

Примѣтаніе. При семъ Редакція будетъ имѣть всегда болѣе въ виду тѣ, кои относятся къ Тактикѣ, Стратегіи, Артиллеріи и Фортификаціи, и обращать вниманіе своихъ Читателей только на такія, которыя по важности содержанія и знаменитости ихъ Авторовъ особенно достойны занимать мѣсто въ избранной Вибліотекѣ просвѣщенныхъ любителей чтенія.

V. Открытія по части Наукъ, Искусствъ и Художествъ, и въ особенності относящихся къ военному званію.

VI. Путешествія, т. е. краткія выписки изъ писемъ Рускихъ путешественниковъ о Россіи и о чужихъ краяхъ, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ путешествующихъ вокругъ свѣта, также замѣчанія о разныхъ странахъ Европы и другихъ частей свѣта.

VII. Любопытныя отрывки изъ Исторіи, особливо отечественной, какъ-то: повѣствованія о важныхъ случаяхъ, и преимущественно военныхъ; Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Полководцевъ и воиновъ; Военные Анекдоты, изображающіе отличныя черты неуспрашимости и великодушія.

VIII. Новѣйшія Внутреннія и Заграничныя извѣстія.

X. Смѣсь: замѣчанія, переписка, объявленія и проч.

Примѣчаніе. Въ печеніе будущаго года, также какъ въ нынѣшнемъ, будутъ прилагаемы эстампы, ландкарты, планы сраженій, модели разныхъ военныхъ машинъ и листовки съ музыкою.

XI. Каждую недѣлю будутъ выходить пятный листъ *Прибавленій* къ *Инвалиду*; онъ въ особенноти посвящается избраннымъ новостямъ Литературы, по еспь небольшимъ стихотвореніямъ и Прозаическимъ сочиненіямъ и переводамъ.

Примѣчаніе I. Прибавленія на текущій 1822-й годъ составляли 26 печатныхъ листовъ или двѣ часши; на будущій же 1823-й годъ 52 листа, или чепыре часши.

Примѣчаніе II. Въ вышедшихъ въ свѣтъ листкахъ *Инвалида* и прибавленій къ нему, просвѣщенные Чишпатели видѣли стихотворенія лучшихъ Россійскихъ Поэтовъ: Князя И. М. Долгорукаго, Жуковскаго, Князя Вяземскаго, А. С. Пушкина, Барашынскаго, Рыльева, Плешнева, И. И. Козлова, Барона Дельвига, Князя Шашикова, Одина, Н. И. Иванчина-Писарева и другихъ.

Новой Издашель *Инвалида* почтеть себя счастливымъ, если успѣетъ еохранишь

израненнымъ на полѣ брани воинамъ пѣсуммы, кои собираемы были въ ихъ пользу. оцъ изданія сей Газеты, и поддержать лестное благоволеніе почтеннѣйшей Публики; копо-рою онъ въ текущемъ году пользовался.

Редакція . получаешъ всѣ иносранныя вѣдомости, журналы и новѣйшія книги и имѣешъ корреспонденцовъ въ знашнѣйшихъ городахъ Россіи и Европы.

Каждый день, кромѣ Воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, будешъ выходяшъ по прежнему поллиспа печашныхъ, а иногда и болѣе; что соспавишъ 153 печашныхъ лиспа, или 306 номеровъ.

Цѣна годовому изданію здѣсь въ С. Пешербургѣ 35 руб., а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 42 руб.; полу-годовому же (съ 1-го Генваря по 1-е Іюня) въ въ С. Пешербургѣ 20 руб., а съ пересылкою 23 руб. 50 коп. За доспавленіе въ дома прилагается въ годъ по 10 руб., въ полгода по 5 рублей.

Подписка оцъ жишелей С. Пешербурга принимается въ магазинѣ Коммиссіонера Редакціи И. В. Слѣнича, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Кусовникова, прошивъ Казанскаго Собора, а оцъ иногородныхъ въ Почшовыхъ Конпорахъ и Экспедиціяхъ.

Благосклонное принятіе просвѣщенною публикою издаваемаго мною Журнала возлагаетъ на меня обязанность продолжатъ оный и на слѣдующій 1823 годъ, подъ прежнимъ заглавіемъ:

С ъ В Е Р Н Ы Й А Р Х И В ъ,

Журналъ Исторіи, Статистики и Путешествій.

Цѣль сего Журнала состоятъ во первыхъ, въ распространеніи полезныхъ свѣдѣній по части Исторіи древней и новой, отечественной и иностранной Спашиспикки и Полипической Экономіи — относительно къ Россіи и другимъ странамъ, а во вторыхъ въ доставленіи отечественной нашей публикѣ чшенія пріятнаго и наславительнаго, какъ доспойнаго занятія людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ.

Журналъ сей, какъ и заглавіе онаго показываетъ, состоятъ изъ трехъ главныхъ частей: *Исторіи, Статистики и Путешествій*, входящихъ, для разнообразія, въ составъ всякой книжки, и раздѣляющихся слѣдующимъ образомъ:

I. Исторія. 1. *Всеобщая Исторія*. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ

Писателей. Біографія сихъ Писателей и знаменитыхъ современниковъ. Описаніе важнѣйшихъ случаевъ современной намъ Испоріи.

2. *Отчественная Исторія.* Граматы, извлеченія изъ Лѣтописей, Хронографовъ и другія достопамятности древней и новой Испоріи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ, донныя ненапечатанныя. Переводы изъ иностранныхъ Писателей о Росс. и соседств. ныхъ съ нею странахъ. Крипическія изысканія о темныхъ мѣстахъ Испоріи Россійской. Изображеніе малоизвѣстныхъ случаевъ изъ всѣхъ периодовъ Россійской Испоріи. Военныя записки. Новѣйшіе историческіе анекдоты.

3. *Археологія.* Описаніе и толкованіе древнихъ надписей, берельфовъ и другихъ памятниковъ древности, находимыхъ въ Россіи и другихъ странахъ.

4. *Нумизматика.* Описаніе древнихъ монетъ, медалей и другихъ сего рода достопамятностей.

II *Справочника.* 1. *Статистическія статьи о Россіи* и смѣжныхъ съ нею Государствахъ, также о странахъ отдаленныхъ, новооткрытыхъ и вообще малоизвѣстныхъ, но любопытныхъ по своимъ произведеніямъ и Физическимъ явленіямъ.

2. *Политическая Экономія.* Въ сей важной спашьѣ сообщаемы будущь теоретическія изысканія и практическіе опыты, относящіяся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, руководѣлій, шорговли, домоводства и словомъ всего того, что споспѣшествуешъ умноженію народнаго богатства и промышленности — Издапель намѣренъ руководствоваться лучшими по сей часпи иносстранными Писапелями, во всякомъ случаѣ избирая шолько предметы сообразныя съ географическимъ положеніемъ, климашомъ законодательствомъ и внутреннимъ устройствомъ Россіи.

III. *Путешествія.* 1. *Путешествія Россіанъ по тужилъ краалъ,* еще венапечащанныя.

2. *Путешествія Россіанъ и иностранцевъ по Россіи,* съ крипическими въ приличныхъ случаяхъ замѣчаніями.

3. *Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта.* Въ сей спашьѣ предлагаемы будущь шолько путешествія, достойныя особеннаго вниманія, по сипранамъ ли; въ которыхъ оныя совершались, или по цѣли, съ коею они были предпринимаемы. Въ нихъ, по возможности, избѣгаемо будешъ повшореніе того, что уже извѣстно просвѣщенной публикѣ, особенно

всего, что уже было напечатано въ другихъ Рускихъ Журналахъ. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ полярныхъ экспедицій будутъ помѣщаемы со всею подробностію.

IV. Смѣсь. 1. Подробныя извѣстія о новыхъ книгахъ по части Исторіи, Статистики, Политической Экономіи и Путешествій, и выходящихъ на Рускомъ и иностранныхъ языкахъ. 2. Рецензіи сочиненій, относящихся къ вышеупомянутымъ предметамъ. Въ сихъ рецензіяхъ будутъ соблюдаемы спрощайшая благоприсойносшь и безприсрашіе (сколько возможно по слабости человеческой) 3. Краткія извѣстія о путешестввенникахъ, различныя историческія и статистическія новости. Замѣчанія о происшествіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Некрологіи знаменитыхъ мужей. Политическія и географическія преобразованія въ разныхъ Государствахъ. 4. Объявленія о новыхъ книгахъ, вновь выходящихъ Журналахъ и проч.

Полишика опнюдь не входитъ въ составъ сего изданія; никакія стихопворенія не будутъ номѣщаемы, кромѣ описывающихъ историческія происшествія, также древнихъ пѣсней или гимновъ, по содержанию своему досшойныхъ особеннаго вниманія.

Издашель употребитъ всевозможныя

спаранія, чтобы избѣгать сухости, и помѣщая въ своемъ Журналѣ историческія древоописи и ученныя изысканія, не преминетъ избирать занимательные историческіе случаи, любопытнѣйшія новѣйшія путешествія и статистическія описанія обычаевъ и образа жизни различныхъ народовъ, чтобы доставить своимъ читателямъ вмѣстѣ съ важными предметами легкое и пріятное чтеніе. Во всякомъ случаѣ соблюдаема будетъ спрожайшая *достоверность*, какъ главное достоинство всякаго историческаго сочиненія, за которое Издашеть подвергается ошвѣщенности предъ публикою свою добрую славу и честь своего изданія.

Издашеть имѣетъ великое число ненапечатанныхъ еще матеріаловъ, пользуясь всеми иностранными пособіями по избраннѣйшимъ предметамъ, и посвящаетъ себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ изъявить душевную благодарность почтеннымъ особамъ, сообщившимъ ему различныя рукописи и списки своего сочиненія и обѣщавшимъ впередъ не освалять его своими пособіями. Въ семь числъ Издашеть осмѣливается ваямяновать: Его Высокопреосвященство *Евгенія* Митрополита Кіевскаго и Галицкаго; Покровителя Наукъ. Государственнаго Канцлера Графа *Н. П. Румянцева*; Капитанъ-Командоровъ *И. О. Крузен-*

штерна и В. М. Головкина, извѣстныхъ въ ученой Европѣ своими путешествіями и сочиненіями; В. Н. Берха, сочинителя Хронологической Исторіи всѣхъ путешествій къ сѣверному полюсу, Издашеля многихъ полезныхъ историческихъ книгъ, занимающагося нынѣ составленіемъ Исторіи открытій, učinенныхъ Россіянами; Д. И. Языкова, извѣстнаго отличными переводами классическихъ Авторовъ и различными историческими изысканіями; О. И. Сенковского, Профессора Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ, отличнаго Польскаго Литератора, совершившаго недавно путешествіе по Греціи, Азін, Египту и Нубіи; Г. Лелевеля, Профессора Исторіи въ Виленскомъ Университетѣ, перваго въ наше время историческаго Писателя въ Польшѣ; Зоріана Доленгу Ходаловскаго, путешествующаго нынѣ по Россіи для изысканія древностей и историческихъ соображеній; Ф. Н. Глинку, извѣстнаго Россійской публикѣ отличными своими произведеніями; Д. Гаиселя, извѣстнаго ученой Европѣ своимъ путешествіемъ на Монбланъ, обозрѣващаго всю Европу для собранія обстоятельныхъ свѣденій о различныхъ фабрикахъ и мануфактурахъ, нынѣ путешествующаго по сему же предмету по Россіи; А. О. Корниловича, занимающагося Исторіею

всѣхъ путешешствій по Россіи, опривки изъ коей возбудили всеобщее любопытство; *Н. А. Вестужева*, Автора занимательныхъ записокъ о Голландіи, украсившаго многіе Журналы своими произведеніями, нынѣ прудящагося надъ соспавленіемъ Испоріи Россійскаго флота; *А. А. Вестужева*, Автора любопытной книги: *Повѣдка въ Ревелѣ*, извѣснаго оспроумными своими кришиками и другими прекрасными спашьями; Профессора *Цеплина*, прудолубиваго изыскашеля Россійскихъ древностей; *Г. Онацевита*, Профессора полишическихъ Наукъ при Виленскомъ Университетѣ, знашока и собирашеля историческихъ древностей; Барона *М. А. Корфа*, Автора многихъ прекрасныхъ историческихъ спашей; *А. И. Мартоса*, Сочиншеля Испоріи Малороссіи; *П. А. Муханова*, любшеля и собирашеля рѣдкихъ книгъ и рукописей, до Испоріи касающихся; *Н. И. Кутузова*, извѣснаго многими историческими спашьями, — и многихъ другихъ почшенныхъ любшелей Наукъ и Лшператоровъ, содѣйшвовавшихъ и общавшихъ впредь содѣйшвовашь благоуспѣшному изданію Сѣвернаго Архива.

Издашель, во время своего путешешствія по иностраннымъ Государствамъ, успѣлъ завешь знакомство со многими Лшператорами, которые общали ему присылашь свои замѣ-

чанія и изысканія. Онъ также имѣеть корреспондентовъ въ разныхъ городахъ Россіи, равномерно проситъ всѣхъ собиравшихъ опечисленныхъ древностей, ревнующихъ распространенію полезнаго просвѣщенія въ Россіи, о сообщеніи ему на время любопытныхъ записокъ, рѣдкихъ рукописей, книгъ и ш. п., кошпуря, по выписаніи изъ нихъ того, что можно помѣстить въ Сѣверномъ Архивѣ, будущъ возвращаемы съ благодарностію и безъ поврежденія. Спраши для Сѣвернаго Архива могутъ бытъ присылаемы не только на Россійскомъ, но и на Латинскомъ и на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Издаешь принимаешь на себя съ удовольствіемъ переводъ оныхъ, если доставленный подлинникъ окажется соотвѣствующимъ цѣли его Журнала. Сверхъ того Издаешь предлагаетъ особамъ, сообщающимъ статьи въ его Журналъ, безденежно опечашивать въ распоряженіе ихъ до двухъ сотъ экземпляровъ сихъ статей въ особенноти.

Журналъ сей будетъ выходить по прежнему по два раза въ мѣсяць, въ началѣ и срединѣ каждаго мѣсяца, книжками по 4, 5 и до блистовъ. Шестъ книжекъ составяптъ часшь, а чепыре часши годовое изданіе. Къ каждой часши будетъ приложенъ поршрешъ, видъ, планъ или карша.

Цѣна годовому изданію въ С. Петербургѣ 40 рублей. съ пересылкою во всѣ города и съ доставленіемъ въ С. Петербургѣ на дома 45 рублей.

Подписка принимается въ кварширѣ Издашеля Сѣвернаго Архива, на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста въ домѣ купца Кошомина, надъ мебельнымъ магазиномъ Баумана; въ типографіи Н. И. Греча, состоящей въ большой Морской въ домѣ Касиковскаго No 84 у фактора оной типографіи Г. Губера; во всѣхъ Россійскихъ книжныхъ лавкахъ, а преимущественно въ книжныхъ магазинахъ В. А. Плавильщикова и И. В. Слѣвина; въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ А. С. Ширяева. Иногородные могутъ выписывать сей Журналь изъ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, чрезъ всѣ Почтамты, Губернскія и городовыя Конторы и Экспедиціи.

Желающіе получать Сѣверный Архивъ вмѣстѣ съ Сыномъ Ошечесва благоволяшъ адресовашъ на имя Коллежскаго Совѣтника Николая Ивановича Греча. Всѣ пакеты и письма можно надписывать: Оадею Венедикшовичу Булгарину, въ типографіи Н. И. Греча, или въ кварширѣ самаго Издашеля.

О. Булгаринъ,

Дѣйствительный Членъ Высочайше утвержденныхъ Обществъ: Любителей Рос-

сійской Словесности, и Любителей Словесности, Наука и Художества.

V.

Отгественная Записки будутъ продолжаться въ слѣдующемъ 1823 году на прежнемъ основаніи, съ прежнею цѣлю, съ одинаковою исправностію и на прежнихъ условіяхъ, т. е. въ составъ сего Журнала входящъ будетъ одно только то, что касается до распространенія почтовыхъ помятій о Россіи, предметомъ его — извлекать изъ неизвѣстности и забвенія свѣденія о настоящемъ и бывшемъ положеніи нашего отечества, о настоящихъ и бывшихъ подвигахъ героизма, великодушія и ш. п. нашихъ соотечественниковъ всѣхъ сословій и состояній. — Цѣна постарому, здѣсь въ С. Пешербургѣ 25 руб. а съ пріясскою на домъ и пересылкою въ другіе города Россійской Имперіи — 30 руб. ассигн.

Прибавимъ еще, что Издашедь, какъ и прежде, посшарается составлять *Отгественная Записки* сколь можно занимательными для любителей всего отечественнаго: онъ обладаетъ многими драгоцѣнными рукописями, доселѣ нигдѣ ненапечатанными: многіе почтенные Писатели (въ томъ числѣ военные) общали украшать Журналъ его своими трудами, и онъ имѣетъ по всей Россіи исправныхъ корреспондентовъ, кои не упустиатъ

сообщать ему все, что ни случится замѣчательнаго. Каждая часъ будетъ по прежнему украшена рисункомъ, искусно выгравированнымъ.

Не неприятно, полагаю также, будетъ для Чишашелей *Отгественныхъ Записокъ*; узнашь, что многія спашьи изъ оныхъ, особенно же *современныя лѣтописи*, переводятся въ периодическихъ иноспранныхъ изданіяхъ, какъ то: Журналъ — *Der Gesellschafter oder Blaetter fur Geist und Herz*, издаваемомъ въ Берлинѣ Профессоромъ Губицемъ — въ Дрезденской газетѣ: *Abendzeitung* — Пешербургскомъ еженедѣльномъ Журналѣ: *Zeitschrift*, и проч., а изъ сего усмотряшь они, конечно съ удовольствіемъ, что выполняешся уже одно изъ главной цѣли нашего изданія — заспавишь иноспранцевъ почернашь свѣденія о Россіи изъ вѣрныхъ испочниковъ.

Подписка принимается: для иногородныхъ въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи; въ *С. П. Бурѣ*: во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и преимущественно у Г. Плавильщикова, что у Синяго моспа, и Слѣнина въ домѣ Кусовникова: а въ *Москѣ*: у А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ, на валу между Тверскими и Пешровскими ворошами.

Пав. Свининъ.

И М Я Н А О С О Б Ъ,

подписавшихся на получение сего Журнала

1822 года.

(Окончаніе).

Въ Екатеринодарѣ.

Коллежскій Ассесоръ Данила Савичъ Волко-
рѣзь на первую половину года.

Полковые Есаулы:

Михайла Павловичъ Дьячевской.

Климъ Алексѣевичъ Гуковъ.

Семень Алексѣевичъ Шульга.

Федошъ Яковлевичъ Рубанъ.

Никифоръ Корнѣевичъ Червоновъ.

Степанъ Николаевичъ Желѣзнякъ.

Аншонъ Тарасовичъ Рашпиль.

Степанъ Захаровичъ Кунпанъ.

Въ Новодѣвицкѣ.

Поручикъ . . . . . Харкевичъ.

Часть XX. Кн. III.

Въ Новотеркаскѣ.

Ихъ Высокоблагородіа:

Алексѣй Степановизъ Леоновъ.

Василій Степановичъ Золошаревъ.

Андрей Федоровичъ Меленшъевъ.

Его Благородіе Дмишрій Семеновичъ Курна-
ковъ.*Въ Києвѣ.*

Его Благородіе . . . . . Данилевокой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАТЦАТОЙ ЧАСТИ.

І. Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

	Стран.
1. Посольство въ Россію 1615 г. отъ Голландцевъ - - - - -	3.
2. Посольство въ Россію 1675 г. отъ Бранденбургскаго Курфюрста - - - - -	113.
3. Путешествіе Гешума Царя Армянскаго къ Мангу Хану Тапарскоу 1251 г. - - - - -	14.
4. Опытъ Исторіи Россійскаго Флота - - - - -	137 и 271.
5. Александрійская Школа - - - - -	241.

ІІ. К Р И Т И К А.

Кавказскій Плънникъ. Повѣспъ въ спихахъ - - - - -	24.

ІІІ. Л И Т Е Р А Т У Р А.

А. П Р О З А.

1. О Физикѣ Древнихъ - - - - -	45.
2. Объ образѣ воспитанія у Малайцовъ въ Малаккѣ - - - - -	59.
3. Воспоминанія о Веронѣ - - - - -	176.

4. Загадка - - - - -	186.
5. Объ Омерѣ, какъ о Трагикѣ - - -	189.
6. О философіи Аристиппа - - - - -	302.

В. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Гимнъ Богу - - - - -	70.
2. Къ незнакомой красавицѣ, плывущей въ церкви - - - - -	75.
3. Воспоминанія - - - - -	75.
4. Къ С — у, опѣзжающему на родину	80.
5. Совѣшь - - - - -	82.
6. Желаніе Неба - - - - -	200.
7. Обманутая - - - - -	204.
8. Гнѣвъ Зевеса - - - - -	211.
9. Къ портрету И. И. Дмишріева - - -	213.
10. Призваніе Исаи - - - - -	317.
11. Госка Оссіана - - - - -	320.
12. А. М. Безобразову - - - - -	325.
13. Наша и Дервишъ - - - - -	326.

IV. С М Ъ С Ъ

1. Руская Археологія - - - - -	85.
2. Краковскіе Намяшники - - - - -	91.
3. Извѣстіе о Намяшникѣ П. Д. Демки дову - - - - -	102.
4. Лѣтописи Общества - - - - -	218.
5. Ошвѣшь противу замѣчаній - - -	232.
6. Измѣстія о разныхъ книгакъ юб. 214, 225, 240 и 329.	240.
7. Имяна особъ, подписавшихся на полу- ченіе сего Журнала - - - - -	353.

